

Александра Плен

Мой несбыточный
сон

Половинка моего
сердца

Две сказки: "Мой несбыточный сон" и продолжение об Аннабель.

Из давнего времени в семье главной героини от матери к дочери передается уникальный магический дар. Он не похож на обычную боевую магию, телепатию или лечение. Он особенный. И часто из-за него героини попадают в неприятные ситуации.

Магические дары

Alex Plen

Магические дары

Я плела сновидение. Брала зеленую нитку с запахом спелых яблок, вплетала радостный детский смех и жаркое летнее солнце. Нет, эту красную не возьму, здесь я намешала немного горечи и тоски по несбыточному, а мне нужна только светлая и легкая пряжа. Вчера ко мне приехал сиятельный граф Эдмон из соседней провинции и заказал сон о своем детстве. Грузный, невеселый мужчина, почти старик, с печатью неизлечимой болезни на лице. Он заплатил мне не глядя увесистый мешочек с золотом (да, мои услуги по плетению сновидений стоят не дешево) и попросил только одного, чтобы сон его вернул в детство.

Мой старенький потертый ткацкий станок стоял на столе среди вороха разноцветных ниток. Его размеров хватало на плетение квадратной салфетки или наволочки на небольшую подушку, но заказчикам хватало и этого, так как мой специфический дар пользовался постоянным спросом. Это давало мне жить если не в роскоши, то по крайней мере в достатке и обеспеченности.

Вся моя семья отличалась от остальных магов, именно тем, что обладала нестандартными магическими талантами. Меня ведь и в академию не взяли из-за этого. Я умела только плести сны и все, а этого было мало для полноценного мага. Моя мама, например, всю жизнь вышивала живые картины. Ее птицы прыгали с ветки на ветку, а цветы раскрывали свои бутоны утром, поворачивали головки к солнцу за окном, и засыпали вечером. Когда я была маленькой, я восторженно, не отрываясь смотрела, как на ее пальцах оживает прекрасная сказка. Однажды, мне было лет восемь, я сама попыталась вышить салфетку. Цветы, как я наивно ожидала, у меня не ожили, да и цветы были страшенькие и корявые на вид, было бы странно, если бы они распустились. Зато, когда случайно мама заснула, держа в руках мое корявое творчество, ей приснился удивительно живой и яркий сон о принце на белом коне и принцессе в башне (я тогда сильно увлекалась сказочными историями со счастливыми концами). Так и раскрыли мой талант. Дедушка помог мне сделать первый в своей жизни ткацкий станок, я и сейчас спустя десять лет, любовно поглаживаю его гладкие деревянные бока, вытертые временем и моими пальцами. Мне кажется, за все время моего плетения, мой станок сам стал волшебным и мне даже не нужно зачаровывать нитки.

Бабушка всегда твердила, что наш семейный дар много лучше, чем у сильных магических семей, чьи отпрыски закончили академию и служат королю и короне, сжигая врагов на полях сражений или плетя интриги во дворце. Сама она вязала и шила одежду, которая превращала трусов в храбрецов, робких, неуверенных в себе девушек в симпатичных и открытых прелестниц, одежда помогала избавиться от прилипших искусственных некому не нужных комплексов и неуверенности в себе. Раскрывала самые потаенные и глубинные веления сердца.

Но была и другая сторона таланта. Бабушка всегда твердила, что нам никогда нельзя носить наши творения и делать что-то для себя. Сама она ни разу не одевала сшитую собой одежду и мне всегда запрещала спать на моих наволочках. Только несколько маминых картин висели у нас в гостиной, все остальное продавалось и дарилось без жалости. Бабушка особенно грозно говорила со мной об опасности, когда открыли мой дар. Она твердила, чтобы я никогда не позволяла себе ничего плести для себя, ни одного даже самого легкого и

безобидного сна. «Так просто, когда тебе тяжело на душе или горе постучалось в твой дом, сплести себе радостный прекрасный сон о счастье и заснуть в душе навеки, и никогда не проснуться», — вдалбливала она мне.

Давно уже нет на свете ни бабушки, ни дедушки, они умерли тихой зимней холодной ночью, держась за руки, в кресле, у пылающего камина, и даже после смерти, мы не могли расцепить этот замок ладоней, так и похоронили их в одной могиле. Мама той же зимой серьезно простыла, просиживая часы на кладбище возле могилы своих родителей. Не помогли ни вызванные доктора со столицы, ни мои слабые магические силенки. Мне кажется она просто перестала верить своим картинам, перестала смотреть на небо и мечтать. После того как мой отец ушел на войну и сгинул в бою в огне, она так и не разу не улыбнулась больше. Мне иногда кажется, что в моей семье своих вторых половинок любили больше, чем детей. Но, наверное, я просто была зла на нее, за то, что перестала бороться с болезнью и позволила себе умереть, оставив меня одну. Мама была настоящей красавицей, с бездонными голубыми глазами, нежной доброй улыбкой. Ее белая фарфоровая кожа, казалось сияла перламутром. Хрупкая, прекрасная, она очаровывала всех вокруг. Бабушка мне рассказывала, как мама вышла во двор с корзинкой, собираясь идти на рынок, как мимо по улице проезжал конный отряд военных и командир, увидев маму, спрыгнул с коня и на коленях тот час попросил ее руки, влюбившись с первого взгляда. Это был мой папа.

Конечно, я бы хотела найти такую же любовь, как у них, вечную, с одной на двоих жизнью и смертью. Но мне уже почти двадцать и любви как не было, так и нет... Бабушка всегда твердила, что я увижу своего суженного во сне... И я верила...

Сначала ко мне приезжали солидные маги из академии, пытаясь раскрыть секрет моего дара. Но я и сама не могла объяснить им, как это у меня получается. Мои сплетенные сны были сами по себе пустые, они как канва, оболочка для живого человеческого восприятия.

Я не видела и не представляла те образы, что появлялись в заказанных сновидениях приходивших ко мне людей, их мозг сам додумывал знакомые лица и имена, вплетал в мое творение законченность и завершенность, я лишь ткала эмоциональную составляющую сна. Если нужен был образ определенного мужчины, я просила описать его как можно полнее, и вплетала силу, отвагу, бескомпромиссность, уверенность в себе, внешнюю и внутреннюю красоту, то же относилось и к образам женщин. Но я редко бралась за работу о снах, с конкретными людьми, так как трудно вплетать то, чего и кого не знаешь, вдруг мое представление о человеке шло в разрез с реальным его образом и заказчик во сне увидит совсем не того, кого собирался. Гораздо проще и приятнее было работать с заказами об абстрактных сновидениях. Например, помню, как в прошлом году ко мне пришел убитый горем молодой мужчина в богатой одежде и заказал сон о материнской любви. У него недавно умерла жена, и на руках осталась пятилетняя дочь, которая плачет сутками на пролет и зовет маму. Он не заказал сон для себя, о своей любимой женщине, да я бы ему и отказала. Мужчина понимал, что сон только сделает хуже и тяжелее пробуждение. Он просто просил меня помочь его маленькой дочери спокойно заснуть. Я сидела за станком до глубокой ночи, вплетая самое светлое и чистое чувство, какое только могла представить. Вспоминая бабушку, свое детство, я ткала бескорыстную любовь матери, истинную и открытую как сама жизнь. Я вплетала ласковую колыбельную, спокойный тихий материнский голос, убеждала ребенка в защите от всех невзгод и напастей, дарила

уверенность и защищенность. Отдавая наволочку я строго-настрога предупредила мужчину, что бы ни в коем случае не злоупотреблял снами. Только в самом крайнем случае, когда выход из депрессии невозможно найти самостоятельно, потому что так легко привыкнуть к искусственному покою и иллюзорной безопасности, что можно потерять стержень, для развития и движения вперед, можно потерять смысл в жизни и желание расти над собой.

Сегодня после сна о детстве для графа у меня был на очереди еще один заказ. Я уже шла закрывать калитку, как к моему двору подъехала великолепная упряжка с четверкой лошадей, из шикарной кареты с вычурным гербом на дверце выпорхнула белокурая девушка, сияя драгоценностями и шелками. У меня бывали в заказчиках и очень богатые аристократы и люди по-проще, и этот герб я уже видела в своей жизни.

Девушка представилась герцогиней Алисией Мориц. Ее семья владела не только нашей провинцией, но и угольными шахтами в Порелии и алмазными рудниками в Вердене. Одна из богатейших и завидных невест в нашей стране. Мне она показалась немного испуганной и расстроенной. Высокомерие и надменность не смогли ввести меня в заблуждение — девушка боялась. Это частенько случалось, простые люди (не маги) до сих пор пугаются любых магических проявлений, и к этому я привыкла.

— Леди Мориц, присядьте и расскажите, что вас привело ко мне, — я усадила герцогиню на кушетку в гостиной и придвинула к ней блюдо с виноградом.

— Госпожа Вероника, я хотела бы... — Алисия запнулась.

— Смелее, леди Мориц, я вас слушаю. Можете рассказывать мне все, что хотите, ни одно слово не выйдет из этой гостиной, — я ласково смотрела на девушку. Она была моей ровесницей, но мне казалось, что я старше и опытнее на порядок. Да, смерть родных и самостоятельность последних лет не добавили мне девичьей наивности и доверчивости, — подумала я, грустно усмехнувшись.

— Я много слышала о вас, Вероника, вы сплели сон моему брату, когда он болел, помните?

— Конечно, мальчик десяти лет, наследник семьи Мориц... Я помню...

— Да, он очень быстро тогда выздоровел, я даже однажды украла у него подушку и увидела его сон, это было чудесно! — Алисия заулыбалась почти искренне...

— И..? — если она не поторопится, я не смогу сегодня закончить наволочку графу, а там осталось совсем немного...

— Ну вот... Завтра состоится бал, и я хотела бы преподнести подарок моему жениху, понимаете, — Алисия мило покраснела, — мою чистоту и непорочность сторожат столько народу, — грустно вздохнула, — нам не разрешают видаться наедине и тем более... — ну вы понимаете.

Если честно, то я ничего не понимала, но кивнула.

— А он уже взрослый мужчина, у него есть потребности и... боюсь этого слова, любовница, — тихохонько, как будто испугавшись, прошептала девушка.

— Переходите к делу, леди Мориц, — оборвала я ее нерешительное бормотание, — что конкретно вам нужно?

— Мне нужен небольшой кружевной платок. Я хотела бы подарить жениху сон о страсти, о горячей безудержной страсти и любви ко мне, — Алисия наконец перестала мямлить и решительно посмотрела мне в лицо.

— Нет, — я встала, — я не берусь за сны с конкретными людьми, да еще и без их

согласия. Очень сложно нарисовать правильный образ, я с вами знакома несколько минут, и не смогу точно передать ваши черты, а мужчину я вообще не знаю. Так что, леди...

— Нет! Послушайте! Я вам заплачу...Тысячу. Нет! Полторы тысячи. Мне очень нужно, пожалуйста, я расскажу все, что знаю о нем, — у Алисии на глазах блеснула слезинка. Толи она очень хорошая актриса, то ли она действительно искренне влюблена и расстроена.

Я задумалась. Деньги были огромны. Моему старенькому дому, доставшимся от бабушки, просто необходим был капитальный ремонт. Я все откладывала и откладывала это событие, но тянуть дальше уже нельзя. Впереди дождливая осень, а крыша зияла прорехами в черепице. Трубы ставил еще дедушка и в последнее время они стали громко хрипеть и стонать, как будто жаловались на судьбу.

Я собрала уже достаточно большую сумму и собиралась в скором времени нанять людей, но хотела заодно еще сделать пристройку под зимний сад, а это требовало громадных дополнительных затрат. Жадность взяла верх над сомнениями.

— Дайте слово, что вы действительно жених и невеста, что вы любите друг друга и мужчина не против сна.

— Даю, госпожа Вероника, мы правда собираемся пожениться, — это наивное личико со слезами в глазах и молящей улыбкой меня и сгубило.

— Ладно, — я присела с ней рядом, — рассказывайте, как можно подробнее о женихе, желательно с описанием внешности, самых ярких черт характера, что любит ваш жених, чем больше деталей и мелочей, тем лучше я передам образ, ну и о вашем характере тоже, естественно. Хотя, если он действительно вас любит, он сам додумает, я только подчеркну самые яркие ваши черты...

И следующий час я внимательно слушала ее восторги этим прекрасным образцом мужского рода. Да... описание хромает на обе ноги... Красивый, стройный, умный и честный, благородный... Прямо рыцарь из сказки. Я все более скептически смотрела на этот дурацкий заказ. Слишком много придется додумывать самой. Эх, ну зачем я взялась за эту работу, еще и на ночь глядя...

Имя жениха она мне не говорила, может боялась, может еще что. Но я и не спрашивала, такую мелочь как имя, спящий додумывает сам. Если человек спит на моем творении, его мозг сам выразит и покажет самые сокровенные его желания, мне нужно только задать направление. Моя самая большая надежда в этом деле с душком, была на то, что герцогиня не соврала и они любят друг друга, он думает о ней, именно ее он представляет себе как объект своей страсти, потому что если это не так... Страшно представить, что может ему присниться... Может бедный юноша будет плевать в ее сторону... Я хихикнула, представив их последующую встречу, ну и ладно, ничего страшного, это же просто сон, выбросит платок и все. Отдам неустойку, согласно договору (у меня были в практике такие случаи, когда приезжали разгневанные заказчики, с воплями, что такой сон они не заказывали. Но в контракте у меня есть сноска, что делать, в случае если сон не понравится. Я всегда предупреждала, что не способна влезть в голову клиенту. Может он наврал мне, описывая события, или его интерпретация была другого рода... Всякое бывает).

Второй тревожный звоночек прозвенел в голове, когда Алисия отказалась подписывать договор. Она заламывала руки, жалостливо смотрела в глаза и шептала, что папа ее убьет, если узнает о чем сон. Что им с женихом не разрешают даже видиться наедине, не то чтобы отдаться обоюдной страсти, что у них дома такие строгие порядки и прочая-прочая...

— Нет, — категорически сказала я, — без контракта я не возьмусь. И так этот заказ

идет в разрез с моими принципами и правилами, еще и без контракта....

— Ганриетта, — крикнула герцогиня во двор. Из кареты вышла хорошо одетая молодая женщина.

— Позвольте вас познакомить — моя подруга, графиня Ганриетта Розен, она в курсе моего заказа и согласна подписать за меня договор. Я, скрипя сердцем согласилась.

Завершив все дела и пообещав прислать Ганриетту завтра утром за платком, герцогиня укатила.

Я выглянула в окно. Солнце уже позолотило края деревьев в городском парке, еще немного и совсем скроется за лесом. Быстро схватив пару булочек и стакан молока побежала доделывать сон о детстве. Уже заканчивая наволочку, напоследок напроказничала и вплела свежий вкус молока на губах и еле слышный запах навоза, как легкое напоминание о толстой ласковой буренке, лениво жующей траву на сельском лугу. Получилось неплохо. Сложила наволочку и отложила в сторону.

Меня ждал сон о страстной любви.

Ночь уже полностью вступила в свои права, луна искоса, нерешительно заглядывала в окошко, то появляясь, то скрываясь в бегущих за ветром облаках. Самое время подумать о страсти... Что я о ней знаю? Да в сущности нечего...

Мое видение страсти было достаточно наивным, плоским и поверхностным. Но ничего, успокаивала я себя, Алисия сказала, что мужчина взрослый, значит, что нужно додумает сам. Я знала откуда берутся дети, и что происходит между мужчиной и женщиной в спальне... Чисто теоретически... Мама мне успела рассказать...

Специфика моей работы такова, что я всегда старалась подмечать малейшие нюансы людских эмоций, сама слабо разбиравшаяся в чувственной сфере любви (поцелуи в двенадцать лет с соседским мальчишкой не в счет) я наблюдала. За смешной полненькой соседкой, кокетничающей с нашим почтальоном, то опускающей глаза вниз, то пристально смотрящей ему в лицо. На рынке уловила нежный и заботливый полу обхват мужа за располневшую талию жены. Заметила смущенный румянец на щеках невесты, только вышедшей из храма, под руку с ново-обретенным мужем. Грустные потерянные глаза сына булочника, безответно влюбленного в Лилию, дочь градоначальника. Я плела сны из эмоций, своих эмоций, как я их видела и представляла....

Только лишь однажды я мельком приоткрыла завесу тайны, под названием страсть, когда несколько лет назад на местном балу (наш градоначальник иногда устраивал благотворительные собрания для разных слоев населения) забрела в дальний уголок сада и стала невольной свидетельницей обоюдной страсти какой-то парочки (я даже их не узнала, так как из-за смущения я все время смотрела на розовый куст, росший рядом с беседкой). Так получилось, что выход из нее они мне и загородили, не заметив меня, а я ждала, когда же они уйдут. Но они так были заняты друг другом, что если бы я даже прошла мимо — меня бы не заметили (уже потом я сообразила, что можно было тихонько и незаметно удалиться) ... Глубокие пылкие поцелуи, страстный хриплый шепот, шорох одежды — все это было так в новинку для меня... Интересно и познавательно.

Вот так шаг за шагом, вспоминая то то, то это, я и плела сон для герцогини.

Я уже сто раз пожалела о своей жадности и недальновидности. Но что же теперь делать?...

Ночь уже давно перевалила за середину. Луна светила высоко в небе, на часах почти три ночи. Я устала как не уставала никогда. Этот заказ вымотал меня вчистую. В глаза как будто

сыпанули песка, а веки налились свинцовой тяжестью. «Только бы доползти до кровати, только не заснуть за ткацким станком», — подумала я и отключилась.

Я стояла у открытого окна. На мне было надето чудесное голубое бальное платье, белокурые волосы убраны в высокую прическу, шею холодил мой любимый сапфировый гарнитур, доставшийся от бабушки.

Легкий ночной ветерок обдувал прохладой пылающие щеки, а ноги дрожали от перенапряжения. Два танца подряд, я ужасно устала и запыхалась с непривычки... Давно не танцевала, уже даже не вспомню когда последний раз была на балу... Как заправский шпион я сбежала от молодого барона Артура Эганса, чтобы не дай бог не пригласил в третий раз. «Это было бы уже совсем неприлично», — хихикнула я... А барон был так напорист и привлекателен...

Я заметила этот закуток в нише возле окна еще когда танцевала вальс, уснула барона за напитками, а сама юркнула сюда... Хоть отдышусь и спокойно обдумаю ситуацию.

Я на балу... Так странно и непривычно, я совершенно не помню как я здесь оказалась... Может я слишком много выпила шампанского, которое постоянно разносят слуги? Хотя, я прислушалась к себе, голова ясная и трезвая. И если и кружится, то только от танцев.

Я бывала раньше на балах, не часто, конечно, но кое-что могу представить. Но здесь (я обвела круглыми от восхищения глазами огромный, великолепно украшенный зал), я ни была ни разу. И того человека, который сидит в высоком кресле с золотым обручем на голове, я знаю только по портретам в столичных ежегодниках, которые иногда покупаю, чтоб уж совсем не отстать от жизни в нашей провинции.

Я похолодела. Кто мне может сказать, как я попала на бал в королевском дворце??? Последнее связное воспоминание — я сижу за станком и изо всех сил борюсь с дремой, накатывающей огромной удушающей волной... Значит я сплю??? Я сплю и я во сне, сплетенным герцогине для ее жениха!...

Слава богу, я вспомнила, я не потеряла память и не напилась до бессознательного состояния. Паника потихоньку начала отступать. Ничего страшного, если это ее сон, то клиенту ничего не грозит, я отдам платок и жених будет смотреть свой сон, только вместо меня будет видеть свою любимую герцогиню... Я обвела глазами зал, мне стало любопытно... Если я уже здесь во сне, то могу хоть увидеть жениха нашей прелестной Алисии... Красивый, стройный, умный, честный, благородный... Да тут под такое описание подходит половина... Интересно, может это барон Артур который сыпал все два танца достаточно откровенными комплиментами? Или вон тот бледный юноша, что стоит задумавшись напротив... Что я его обязательно встречу я была уверена. Все таки это сон Алисии, значит ее жених придет.

— Извините, я думал, здесь никого нет, — мои думы прервал низкий мужской голос. Я обернулась и столкнулась взглядом с холодными карими, почти черными глазами на худом, скуластом лице.

— Это я должна у вас просить прощения. Я заняла ваше теплое место? — я широко улыбнулась и вдруг произошло чудо, на хмуром лице мужчины появилось слабое подобие улыбки, только намек, бледная иллюзия теплоты.

— От кого вы здесь прячетесь, леди...? — мужчина потянул паузу, явно спрашивая как

меня зовут.

— От приставучих аристократов. Вы знаете, что по залу бегают бесхозные молодые бароны, хватают первых попавшихся девушек и принуждают с ними танцевать? — отшутилась я... Меня охватил какой то шальной кураж, мне стало вдруг плевать на то, как я себя веду, как выгляжу и что происходит. «Это сон, это только мой сон», — твердила я себе. «Значит мне можно все»

— А вы, значит, здесь скрываетесь от барона?

— Ага, угадали, если найдет — потащит танцевать, а я уже не в силах. Ужасно неудобные туфли на каблуках, — я капризно надула губы, глаза мужчины уже откровенно смеялись.

— Никогда не ходил на каблуках, — развел руками он.

— Попробуйте, — пробурчала, — сразу отпадет охота танцевать.

— Нет уж, спасибо, какнибудь обойдусь без каблуков. Значит танцевать леди Незнакомка категорически отказывается?

— Нет, я не против танцев, но только очень медленных и спокойных... Желательно на одном месте.

— Хорошо, я вам обеспечу такой танец, — мужчина заговорщицки улыбнулся, и отошел.

Мы продолжали молча смотреть друг на друга. Не красив, точнее, не красив в классическом понимании этого слова. Высокий, широкоплечий, темноволосый. Четко очерченные скулы, темные глаза, хищный нос с горбинкой. Чувствуется порода, череда предков стоят за его плечами, выстроившись в длинную шеренгу. Значит высокородный, должность и титул даже боюсь предположить. Внимательные глаза мужчины уже ощупали меня с головы до ног, разложили по составляющим и нацепили ярлыки. Я весело улыбнулась, это просто сон, так зачем же нервничать?

Через минуту заиграла заунывная мелодия медленного вальса и мне протянул руку мой недавний знакомый, приглашая.

— А вы сумеете меня защитить от наглых пронырливых баронов, сударь?

Мужчина улыбнулся. В его глазах я увидела разгорающийся интерес, губы дрогнули и он произнес.

— Девочка моя, я сумею тебя защитить от всех в этом зале. Только вот от меня здесь тебя не защитит никто, — таинственно добавил мужчина.

— Мне что, стоит вас опасаться? — кокетливо пропела я, взмахивая ресницами.

— Пока ты со мной — нет, а вот если захочешь убежать... — многозначительно усмехнулся он...

— Понятно, вы такой же как и барон... Собственник. Похоже в этом зале эпидемия жадности на одиноких девушек... - я скорбно вздохнула, — нас так мало...

— Да, — мужчина наклонился и прошептал мне в ухо, — таких как ты — действительно здесь мало...

Мы уже дошли до середины зала, как вдруг справа, как черт из табакерки, выпрыгнул барон Артур.

— Вот вы где! А я вас везде ищу. Вы позволите пригласить...

— Нет, — резко прервал молодого человека, мой спутник, — девушка обещала этот

танец мне, да и все последующие тоже, — с нажимом добавил он.

— Но ведь вы никогда не танцуете, господин Анте...

— Ты хочешь со мной поспорить, что я делаю и что нет? — от тихого угрожающего голоса даже у меня побежали мурашки по спине, а бедный барончик сжался как сдутый шарик...

— Извините, я прошу прощения, — залепетал он.

— Вон. И сделай так, что бы я тебя здесь больше не видел, — и подхватив меня под руку повел в медленном вальсе.

— А вы действительно страшный человек, прекрасный незнакомец, — таинственно прошептала я.

— Еще какой, пора начинать меня бояться, — ответил мужчина, и крепче сжал меня в объятиях.

Я спала. Я танцевала. Я наслаждалась балом. Мне все здесь безумно нравилось. Вот ведь как, если бы я не заснула на заказе герцогини, я бы никогда не побывала в королевском дворце... Не увидела этого великолепия, прекрасно украшенного зала, расписных колон, чудесных фресок на стенах и потолке, огромных цветочных клумб с экзотическими растениями. Я крутила головой, как маленькая девочка, пытаюсь охватить все и сразу, удивленно округляя рот, когда видела что-то поразительное, или восхищенно выдыхала «Боже мой!», замечая поистине гигантский размах королевской щедрости.

Мужчина задумчиво с улыбкой разглядывал меня, он то же по своему наслаждался, наблюдая. Меня отгородили ото всех других кавалеров высокой крепостной стеной, не позволяя никому приблизиться, даже шампанское мне приносил мой самоуверенный грозный незнакомец, не давая слугам подойти. На нас удивленно оборачивались, шептались по углам, а мне было все равно. Я никого здесь не знала, и мне было плевать, что они обо мне подумают. Это был восхитительный сон, и я не хотела просыпаться. Горячие руки, обнимающие меня, крепко стискивающие мое запястье пальцы. Глаза в глаза, мои веселые голубые с его насмешливыми пронзительными карими. Я первый раз в жизни бесшабашно напропалую кокетничала и мне это нравилось. Нравилось видеть, как послушно следует за мной его горящий взгляд, как замороженно ловит мужчину мой веселый смех, как вспыхивают его глаза, наблюдая за моими плавными движениями, как в тонкую жесткую линию сжимаются губы, замечая, как я дарю улыбки другим.

Я выпила четыре бокала шампанского, чувствовала себя пьяной, храброй и дерзкой.

«Прекрасная Незнакомка», — горячее дыхание опалило ухо, — «Возможно нам нужно отдохнуть от шума и суеты?... Вдвоем»... Я подняла глаза и встретила с безумной смесью восхищения, откровенного желания, опасения, ожидания, а главное, незнакомого мне, жадного мужского голода, с которым сталкиваюсь впервые в жизни. Я на секунду замерла, прекрасно понимая, куда меня приглашают, и самое интересное, не чувствуя никого отторжения или страха. Это же сон. Просто сон. Пусть хотя бы во сне я познаю, что такое быть с мужчиной. Ответ «Да», он прочитал по моему лицу.

Резко, даже грубо, схватив под локоть, мужчина повел меня напролом, сквозь танцующие пары. Ошарашенные глаза провожали нас.

Не так быстро, подождите! Мои каблуки никуда не делись, и мои ножки по прежнему болят, — рассмеялась я.

Знаешь, сейчас самое мое заветное желание, перекинуть тебя через плечо и рыча

утащить в пещеру... Извини мою поспешность, я слишком груб, — севший голос срывался, но мужчина еще держал себя в руках.

Мы быстро шли по пустым коридорам, только изредка встречая охранников. Его руки блуждали по моей спине, гладили пальчики, невесомо дотрагивались до плеч, ключиц, шеи. Как ребенок он не мог оторваться от любимой игрушки, все время прикасаясь и трогая.

Мы почти вбежали в темный коридор, ведущий в гостевые спальни.

Нет, не дойду, — хрипло простонал он и дернул меня в темный провал ниши за мраморной статуей. Мужчина вжал меня в стену и на секунду замер, спрятав лицо у меня в волосах. Я уткнулась ему в грудь и меня со всех сторон укутал терпкий приятный аромат, смесь дорогого парфюма, слабый запах лимона, еле уловимое благоухание осени, пыльных улиц, опавших листьев.

Глубокий хриплый вздох и к моему виску прижались теплые сухие губы, опустились по скуле вниз, тронули уголок моих, прижались к шее и я поняла, что пропала. Со стоном откинулась назад, упершись головой в стену, доверчиво открывая горло для поцелуев. Мое сердце колотилось так сильно, что грохот стоял в ушах, ноги ослабели, я вцепилась ему в плечи, чтобы хоть немного держаться на плаву. Поцелуи становились все более сильными и жгучими. Его ладони, до этого блуждавшие по моей спине, бедрам, талии крепко обхватили мой затылок и приподняли лицо. Я открыла глаза и вздрогнула. Его черные пронзительные горели безумным огнем, и были так близко, что казалось проникают мне под кожу. Медленно, не разрывая взгляд мужчина приблизился и жестко смял мои губы своими. Глубоко, сильно, жадно, заставив приоткрыться скользнул языком внутрь и меня накрыл взрыв такого чувственного восторга, что я задрожала и тоненько захныкала ему прямо в рот. Он дернулся и что-то глухо прошептал. Он пил меня жадно, не давая ни секунды передышки, чтобы вздохнуть. Сильные руки стискивали плечи, прижимая к себе так крепко, что казалось мы уже срослись и стали единым целым.

Это был взрыв. Я ни разу в жизни не ощущала ничего подобного. Какой он вкусный! Голова кружилась, кожа покрылась мурашками. Будучи новичком в чувственной сфере, ничего толком не умея и не зная, я послушно повторяла его движения, губами обхватывала его губы, покусывала, брала в плен язык, гладила спину, зарывалась тонкими пальчиками в волосы, и ощущение его кожи под моими ладонями было потрясающим. «Вот она... страсть» — мелькнула слабая мысль на краю сознания.

Боже мой, девочка, — что ты творишь? — прошептал незнакомец, немного отклонился, и заторможено, как будто во сне окинул меня мутным взглядом.

Я не ответила, слепо потянувшись к его теплу, к его губам и рукам. Сильный взмах и я на уровне его груди, спеленутая и крепко прижатая к телу. Ничего не видя и не слыша, от шума крови в ушах я нервно дергала завязки на его сюртуке, пытаюсь добраться до теплой кожи. Меня быстро несли по коридору, периодически целуя в волосы.

Звук открывшейся двери, лязг защелки. Медленно и бережно меня поставили на пушистый ковер. Я огляделась. Спальня была огромной, богато обставленной, и чисто мужской. На столе горели свечи, оставленные слугами. Я перевела взгляд на моего спутника. Он напряженно замер, стиснув руки в кулаки, смотрел на меня.

Кто ты? — хриплый голос нарушил безмолвие спальни.

Не важно, — ответила я и стала нерешительно снимать с себя платье.

Стой, подожди, — каким то испуганным тоном произнес мужчина, — я и так ели держу себя в руках. Ответь мне, как тебя зовут?

Зачем вам это знать? — платье шурша упало на пол, я осталась в тоненькой прозрачной сорочке и чулках. Медленно переступила и двинулась к кровати. Во мне горел безумный неистовый огонь, наполняющий каждую клеточку тела. Возле кровати я обернулась и облизала сухие губы. Мужчина шумно втянул воздух.

Бог мой! Как ты прекрасна, — с благоговейным восторгом прошептал он. Я села на краешек, сцепив колени. Кураж куражом, но остатки строгого бабушкиного воспитания еще остались.

Я все равно узнаю, кто ты. Я же говорил, что от меня никто не спрячется, — как будто решив для себя сложную задачу, он в два шага преодолел расстояние до кровати и опустился передо мной на колени. Я сразу же погрузила ладони в его волосы. Как приятно.

Если даже мне никогда больше не испытать таких ощущений, я возьму от этого сна все. По полной. Я так решила. И плевать на Алисию.

Мои руки неумело и торопливо дергали пуговицы, снимая его рубашку. Треснула тонкая ткань. Мужчина шумно дышал, вцепившись в матрац по обе стороны от меня. Я первая наклонилась и нерешительно робко прижалась к его губам.

Пожалуйста, поцелуйте меня, — попросила я дрожащим голосом.

И тут он сорвался. В одну секунду я оказалась обнаженной в центре кровати, прижатая сверху длинным твердым телом. Мои белокурые волосы веером разметались в разные стороны. Его губы были повсюду. Легкие укусы сменялись невероятно нежными глубокими поцелуями. Широкие горячие ладони ощупывали, сжимали, гладили. Выводили круги и узоры на моей пылающей коже. Я громко, не сдерживаясь стонала, выгибалась дугой, пытаюсь прижаться к нему сильнее, кожа к коже, почувствовать его твердую тяжесть, врасти в него. Все тело скручивало, ломило от незнакомого сосущего голода, пустоты, поселившейся внутри меня. Сквозь ресницы я наслаждалась видом сильного гибкого мужского тела, с тугими канатами мышц, темными волосками на груди, кубиками пресса, так интересно и непривычно сравнивать его с моим, бледным и белым на его фоне. Темнота и свет, ночь и день, твердость и мягкость. Контраст поражал воображение и возбуждал еще больше. Атмосфера в спальне изменилась. Мягкая нежная расслабленность вдруг сменилась диким животным вихрем на грани боли. Остались голые инстинкты. Никто уже не шептал мне ласково на ухо, какая я красивая и восхитительная. Звуки, вылетающие из его горла, были похожи на звериное рычание. Хриплые, яростные. Когда его пальцы оказались у меня внутри, я на секунду испуганно замерла, что бы потом вскрикнуть от взрыва совершенно новых, потрясающих по своей природе ощущений.

Пожалуйста, прошу вас, — хныкала тихонько я, не понимая чего хочу.

Сейчас, моя прекрасная солнечная девочка, сейчас, — глухо, лихорадочно прошептал мужчина и немного приподнялся надо мной. Я замерла, глядя в его почти черные бездонные глаза. Бедра сильно и резко толкнулись вперед и меня кольнула острым укусом боль. Я тоненько застонала, жалуясь. Свирепо и как то победно зарывчав, мужчина начал двигаться. Мощно, сильно, прижимая меня к себе так крепко, как-будто я величайшая в мире драгоценность, врастая в меня, утверждая свою власть и превосходство над моим хрупким телом. Ощущение наполненности, странного единства, цельности было ошеломительным. Я уже давно перестала понимать, на каком свете нахожусь, сплю или бодрствую, и что

происходит со мной. Громкие надрывные стоны. Мои? Его? Тело стало чужим, непослушным, безвольным, следуя своим, только ему понятным инстинктам. Мужчина наклонился к моей груди, губы обхватили вершинку и тело скрутило судорогой наслаждения.

Я вскочила, сильно ударившись грудью о станок. Сердце тяжело ухало в груди, мелко противно дрожали колени, домашнее платье, в котором я так необдуманно заснула промокло от пота насквозь. Остаточные судороги скручивали тело. Тупая ноющая боль внизу живота, непривычно болела грудь, подгибались ноги. Я тряхнула головой, покачнулась и чуть не упала. В голове билась единственная мысль — это сон, это просто сон, успокойся, Вероника.

«Да, милая, ты действительно превзошла себя в этом заказе... Вот она какая, страсть... Клиент останется доволен», — я грустно усмехнулась.

Как сомнамбула я ходила все утро по дому, медленно передвигая ноги. Душ, завтрак, упаковка заказов. Когда в ворота позвонили я даже обрадовалась, что сейчас избавлюсь от этого чертового платка.

Я молча отдала наволочку графу, слушать скупые благодарности старого больного человека сегодня было особенно тяжело и больно. Когда граф уже вышел на крыльцо, в калитку вошла Ганриетта. Она внимательно провела взглядом мужчину и направилась ко мне.

— Все готово? Вы успели сделать заказ?

— Да, вот, возьмите. Передайте герцогине — я желаю ей счастья с женихом...

— Обязательно передам, госпожа магиня, — мне показалось, или в голосе проскользнула насмешка?

Заказчики уехали. Я тяжело опустилась на диван в гостиной. Вот и все. Я невольно вспомнила бабушку, ее предупреждения и наставления... Да, если на меня так действуют сны моих клиентов, мне действительно противопоказано спать на своих творениях.

«Мне нужен отдых. Да!»- я немного взбодрилась духом, — «возьму отпуск». Денег я накопила достаточно, чтобы ближайшие несколько месяцев не волноваться ни о чем. Займусь ремонтом, — подумала я, тяжело встала и поплелась в спальню.

Проснувшись я глубоким вечером с дикой головной болью. На моих стареньких часах было девять. «Значит бал во дворце в самом разгаре» — проскользнула непрошенная мысль, — «И герцогиня уже, наверное, отдала платок своему жениху... Что же, если он хоть немного похож на мужчину из моего сна — я искренне ей завидую и желаю счастья».

Следующий день я провела, не выходя из дома. Я пыталась взять себя в руки и привести непослушное сердце хотя бы в относительный порядок. «Это же мой сон, я сама придумала этого человека, возможно в реальности он совсем другой», — уговаривала я себя. Да, я уже догадалась, что сборный образ жениха Алисии и мои собственные представления об идеальном мужчине сплелись во едино, и мой мозг сам выбрал лучший для меня вариант. И этот мужчина живет где то там, далеко в столице, в королевском дворце... Куда мне хода нет и не будет. Я все понимала, но от этого не становилось легче. «Неужели я влюбилась?» — с ужасом подумала я и тут же ответила — «Нет, не может быть, просто увлеклась... А страсть, оказывается, хуже болезни, гораздо лучше жить без нее...» Но только я закрывала глаза, передо мной по прежнему вставало худое бледное лицо с горящими глазами и сердце вздрагивало от хриплого шепота «Ты сводишь меня с ума, девочка с солнечной улыбкой. Кто

ты?...»

На третий день я все-таки выбралась на рынок, нужно было пополнить запасы продуктов. Наш городишко гудел, как растревоженный улей. Я поинтересовалась у молочника, что произошло.

— Госпожа магиня, вы не слышали? Вчера арестовали герцога Морица, нашего патрона.

— За что? — ужаснулась я, грудь сдавило нехорошее предчувствие.

— Говорят — растрата казенных денег, разорение ему подконтрольных земель и шпионаж в пользу соседней Карминии.

Я задумалась. Чем это может грозить в этой ситуации мне? Заказ для дочери маркиза — это ее личные любовные дела, и отношения к короне не имеют. Надеюсь, пронесет.

Купив сыра, хлеба, фруктов я побрела домой. Завернув за угол, увидела черную закрытую полицейскую карету, стоящую возле моих ворот. «Спокойно. Возможно, просто нашли мой подписанный контракт в бумагах герцогини», — уговаривала я себя, но неконтролируемый страх уже сжимал сердце, заставляя биться его быстрее.

Из кареты вышли два молодых человека в одинаковых строгих костюмах с ничего не выражающими лицами.

— Госпожа Вероника Арсон, магиня?

— Да, чем обязана? — я открыла ворота и жестом пригласила господ полицейских во двор. Они молча проследовали внутрь. Войдя в дом, я обернулась и застыла на пороге, вопросительно глядя на мужчин.

— Вероника Арсон. Вы обвиняетесь в незаконном вмешательстве в расследование шпионажа против короны. Вы пытались оказать магическое влияние на лицо, наделенное высшей государственной властью, против его воли и не ставя его в известность. Мы уполномочены взять вас под стражу и переправить в столицу для допроса.

Полицейский поднял руку, видя, что я пытаюсь что-то сказать. — Нам бесполезно что-то доказывать, мы просто глас короля и не уполномочены вести разговоры с арестованными. Все, что касается дела расскажете в столице дознающему. Прошу идти за нами.

— Можно ли взять с собой запасную одежду, деньги?

— В тюрьме вам ничего не понадобится, король обеспечивает заключенных всем необходимым. Не заставляйте вас ждать, госпожа Арсон.

Я ехала в закрытой мрачной карете, отгороженной вертикальной решетчатой перемычкой пополам. Впереди, за оградой негромко переговаривались мужчины, меня же терзали мрачные думы. Я уже поняла, что вляпалась по полной, что Алисия мне наврала и платок был заказан не для ее жениха — это очевидно. Интересно, кого же мужчина увидел на балу в образе спутницы?.. Ясно, что не Алисию... Хотя, мне уже все-равно. Стенать и корить себя за жадность, «я же знала, я же подозревала» — было пустой тратой времени. И я стала размышлять.

Самый плохой прогноз...Что меня ждет за шпионаж? Смерть. Но, если докажу умышленный вред и найдут улики и вещественные доказательства. Это вряд ли. Я была уверена, что в моем доме полиция ничего не обнаружит. Дом магически опечатали после моего отъезда, так что переживать не стоит, что что-то подбросят.

Прогноз средней паршивости. Если не докажут шпионаж, а просто обвинят в нанесении

магического вреда лицу против его воли... Лишение магии на достаточно долгий срок без права ее применять. Магическая заплатка на груди — и я просто обычный человек. Срок от десяти лет до конца жизни. Плохо, но хоть жива останусь...

Прогноз самый удачный. Пожурят и отпустят? Я хмыкнула, надеяться на это было бы наивно, ну а вдруг?...

Камера была со всеми удобствами. Я ни разу не бывала в тюрьме, но думала, что врагов государства держат в гораздо худших условиях.

— Это камера предварительного до судебного заключения, — прервал мои раздумья стражник, — если докажут вашу вину вас переведут в другу, на нижних этажах.

Понятно... В камере был небольшой умывальник с проточной водой, корявый унитаз за ширмой, стол, один стул и узкая кровать. Мне выдали стопку казенной одежды — два комплекта белья тоскливого серого цвета, закрытое платье из плотной жесткой ткани, чулки, ботинки. Я переоделась. Мою родную одежду сразу же унесли.

Утром вас отведут на первый допрос, — напоследок произнес охранник и закрыв дверь, вышел.

Я немного походила по камере, заглядывая в углы и щелочки, попрыгала, пытаюсь выглянуть в окошко под потолком, поняла, что слишком высоко, подтянула табурет, залезла — смогла увидеть голубой кусочек неба и ветку тополя. На душе стало чуточку легче. Нет, плакать я не буду. Безвыходных ситуаций не бывает. Бабушка всегда мне говорила — нужно бороться до последнего. Даже если надежды уже не осталось, пока ты жива, все еще можно исправить. А я еще жива... Не раздеваясь легла, укрылась одеялом и попыталась заснуть.

В десять утра я сидела в холодном кабинете дознавателя, отчаянно пытаюсь согреться. Они что, специально держат такую низкую температуру, чтобы арестанты были сговорчивее? По четвертому кругу секретарь записывал мои показания, и я уже давно выдохлась и не могла вспомнить ничего нового. Голова пухла от бесконечных повторений одного и того же. Зубы стучали от холода, пальцы посинели и не разгибались.

— Я вам в десятый раз повторяю, герцогиня Алисия Мориц....

— Госпожа Арсон, Алисия Мориц отрицает ваше с ней знакомство и уверяет, что вечером неделю назад, именно в тот день, когда, по вашему утверждению, вы с ней подписывали контракт она приболела, и находилась дома и все слуги могут это подтвердить. Тем более, — дознаватель поднял со стола контракт на плетение сна для герцогини (значит уже обыскали дом, отрешенно подумала я), — в контракте не упоминается ее имя.

— Да, подписывала договор ее подруга...

— Госпожа Арсон. В свите герцогини нет никакой графини Ганриетты Розен. Да и в нашей стране тоже.... А теперь подумайте еще раз и скажите, для кого вы плели этот сон?

И так по кругу четыре часа подряд. От голода кружилась голова и противно подташнивало. Я уже не понимала, где я нахожусь и что со мной происходит. Видя мое состояние, дознаватель позвал охранника и приказал отвести меня в камеру. «До завтра», — попрощался со мной безразличным сухим тоном.

На следующий день повторилось все тоже самое.

— Подождите, я вспомнила, когда за платком приехала дуэнья, карету с гербом герцогини видел граф Эдмон Касинский, он в то же утро заезжал за своим заказом, он сможет подтвердить это, — я облегченно выдохнула.

Хорошо, мы поговорим с графом, — дознаватель скептически поджал губы., - но я бы не слишком рассчитывал на его помощь. То, что он видел какую-то карету и незнакомую женщину ничего не доказывает...

На следующий день я с надеждой вошла в допросную. А вдруг все закончится сегодня?

...

Госпожа Арсон, — равнодушно произнес дознаватель, — вчера вечером на наш запрос пришло сообщение, что граф Эдмон Касинский умер во сне четыре дня назад. Так мы будем говорить правду следствию или нет?

Я стояла в ступоре. У меня больше не было никаких зацепок и даже призрачных надежд на благополучное разрешение этого дела. Меня все-таки осудят. Я молча села и посмотрела в лицо дознавателю.

— Что меня ожидает?

— Госпожа Арсон, я не нашел доказательств вашей вины в шпионаже против короны, в вашем доме не было обнаружено никакого ни письменного, ни магического подтверждения сговора с герцогом Морицем. Так что обвинения в шпионаже я с вас сниму, но вот незаконное магическое вмешательство... — дознаватель многозначительно замолчал. — Вы понимаете на кого вы подняли руку?

— Нет, извините, но я не знала кому предназначался платок, — за столько дней допросов я в первый раз увидела на лице мужчины ничем неприкрытое изумление.

— Вы не знали???

— Нет. Алисия не говорила имени своего жениха, а мне для моей работы оно не было нужно...

— Вы посмели оказать магическое влияние, — голос дознавателя звенел от напряжения, — на канцлера нашего государства, маркиза Эдварда де Антеро, старшего сына и наследника герцога Доремби.

Я в ужасе уставилась на мужчину. Канцлер?? «Господи, вот теперь я точно пропала».

Вы понимаете, что не смогу закрыть глаза на ваши действия? — я тупо кивнула, — Если бы это был любой другой человек, госпожа Арсон, я бы смягчил приговор. Но наш канцлер, он жестокий, несгибаемый.... Он лично потребовал наказать вас по всей строгости, — теперь в голосе дознавателя стали заметны жалостливые интонации.

Слезы непроизвольно побежали по щекам. Я, всхлипывая, закрыла лицо ладонями.

Какое наказание избрал для меня маркиз Антеро? — дрожащим голосом выдавила из себя я.

Точно еще не скажу, но самое суровое по этой ветке.

Полное лишение магии до конца жизни?

Это как минимум, госпожа Арсон, как минимум....А может и похуже...

«Что может быть хуже для мага, даже такого слабого как я, чем лишение возможности жить полной жизнью и творить», — думала я по дороге в камеру. Жизнь казалась мне конченной. «Винить, кроме себя некого», — размышляла я, — «Значит это был канцлер... В том сне. Я стонала, наслаждалась и предавалась безумию в его руках. Какая ирония судьбы»....

На следующий день я собиралась идти в допросную, как на плаху. Медленно, тщательно оделась, заплела и уложила вокруг головы косы, расправила и пригладила руками платье. «Ничего», — шептала я, — «я жива, а значит не все потеряно. Простые люди живут и без магии... Привыкну. Стану выращивать цветы в оранжерее, составлять букеты или открою сувенирную лавку»... Но слезы непроизвольно наворачивались на глаза, а сердце тоскливо сжималось.

Дознаватель, взглянув на меня и немного виновато опустил глаза.

— Сейчас сюда придет канцлер. Он захотел лично озвучить приговор.

Я кивнула. Села в знакомое жесткое кресло, в котором провела так много часов за последние дни и застыла. Голова наконец освободилась от терзающих сомнений и метаний. Все уже решено. Что бы ни случилось, сегодня этот ужас закончится. Стало даже легче. Мы сидели вдвоем в кабинете и молчали. Каждый думал о своем. Пока я еще владела магией, я чувствовала еле уловимый запах сожаления, исходящий от дознавателя. Я хмыкнула, про себя. Даже такой внешне бесчувственный и не эмоциональный, в силу своей профессии, мужчина, может испытывать человеческие переживания.

В коридоре послышался шум, дверь резко распахнулась. Я обернулась и столкнулась с знакомыми пронзительными карими глазами. Внутри все заледенело. Зрачки мужчины расширились, и в холодном взгляде скользнуло узнавание. Мой украденный у герцогини сон пронесся перед глазами. Щеки полыхнули румянцем, я испуганно опустила голову. Стало страшно, действительно жутко до ужаса, до дрожи в коленках... Люди с такими глазами не прощают...

Маркиз небрежно сел на соседний стул. Тяжелым удушающим покрывалом накрыл комнату шлейф его надменности и высокомерия. Казалось в комнате похолодало еще на десять градусов.

— Дайте все документы по делу, — он небрежно протянул руку... Дознаватель судорожно собрал папку воедино и подал маркизу.

Медленно тикали часы, в комнате стояла такая гробовая тишина, что шуршание переворачиваемых канцлером страниц, казалось оглушительным и заставляло меня каждый раз невольно вздрагивать.

— Господин Пахран, я попрошу вас выйти и оставить нас наедине с арестованной, — я вынырнула из своих невеселых дум. Уже прочитал?

Дознаватель бросив на меня полный сожаления взгляд, вышел из комнаты.

Теперь тишина наступила полная...

— А ты была гораздо смелее на балу, — я подняла глаза, маркиз де Антеро задумчиво рассматривал меня, как пойманную редкую букашку, уже пришпиленную иглой под стеклом... Последняя призрачная надежда на то, что во сне он видел не меня испарилась. Можно только порадоваться, — подумала я саркастически, — что магия выбрала именно мою тушку на место лучшего кандидата в канцлерскую постель...

Вы тоже разительно отличаетесь от человека, с которым познакомилась неделю назад, — ответила я.

Значит ты подсмотрела сон своей клиентки? Какой нехороший поступок, — он уже откровенно насмеялся.

Нет, я случайно заснула на станке, было поздно и... — залепетала я смущенно, а действительно, почему я оправдываюсь?

Давайте уже покончим с приговором, канцлер, — и твердо заявила, — Я хочу знать что меня ожидает...

— Отважная девочка, — он лениво усмехнулся, как сытый довольный кот, зажав в лапе уже слабо трепыхающегося мышонка- глупая, но отважная...

— Уж какая есть, маркиз. Да, я совершила ошибку. Я поверила плачущей, влюбленной в вас девушке, что же мне теперь из-за этого голову на плаху?

— Влюбленной девушке? — маркиз скривился, — это она так сказала? Да, ты не только глупая, еще и наивная... Где ты жила все это время, Вероника?... Ах, да в провинции, я и забыл... Доверчивый воробушек.

Я молча обиженно сопела.

— Я инициировал расследование против герцога Морица месяц назад. У меня на руках были неопровержимые доказательства его измены и растрат. Я не поддаюсь никаким ординарным магическим воздействиям и в силу своей работы защищен от покушений не хуже короля. Мориц ничего не мог придумать, чтобы со мной справиться, но тут он нашел тебя, магиню, обладающую специфическим уникальным даром. Против такого у меня защиты не было. Видимо он схватился за соломинку, если пытался положить свою дочь под меня. Ведь так все задумывалось? — канцлер пристально смотрел мне в лицо, а я не могла, просто физически не могла встретиться с ним глазами, сразу вспоминая темную спальню и хриплый шепот.

— Я не знаю, — выдавила из себя, — я уже сто раз повторила дознавателю, как все было...

— Тебя очень красиво и профессионально подставили, воробушек. Куда тебе, слабой не обученной магичке, до столичных интриг, и... ты же, наверное, из своей провинции и не выезжала ни разу?

— Если вы знаете, что меня подставили, может отпустите меня? — я с сумасшедшей надеждой в голосе подняла голову.

— Нет, не отпущу, — резко оборвал меня канцлер, — если я буду отпускать всех, кто провинился... Но у тебя есть выбор.

— Выбор, какой выбор?

— Выбор наказания, естественно. Мы оба знаем, что тебя подставили, дознаватель тоже догадывается, Пахран не глупый служака, но он ни слова не скажет на суде в твою защиту, ты это понимаешь?

Я горько кивнула. Ощущать себя безвольной куклой, которую против воли несет сумасшедший бурный поток, не позволяя ни малейшего отклонения от курса, было противно и унижительно.

— Продолжим... У тебя есть два варианта. Первый, я, как лицо пострадавшее в этом воздействии, не выдвигаю против тебя никаких обвинений, тебя отпускают, но... ты поступаешь на государственную службу магом, с минимальным окладом. Если я правильно помню, ты даже не закончила академию? — Я грустно кивнула. — Ты попадаешь под мою

юрисдикцию и служишь на благо короны, ну скажем, десять лет по контракту, без права увольнения и применения магии вне работы.

— А второй выход какой? — я ужасно не хотела идти на государственную службу. Мизерная зарплата, жесткие трудовые рамки, бесправие и полное подчинение претили самой моей сути мага. Это значит десять лет в нищете и кабале.

— Второй, — зло усмехнулся канцлер, — я объявляю приговор, тебя лишают до конца жизни магической силы и ссылка в северные поселения.

— Вы ведите здесь выбор? — горько сказала я, — я не вижу здесь ничего. — И безнадежно огрызнулась, как огрызается слабый щенок, уже не надеясь на снисхождение — это шантаж, подлый, бессовестный шантаж!

— Тебя никто не принуждал нарушать закон, воробушек, ты сама пошла на это... — маркиз ухмыльнулся, — ты, кажется, получила немалые деньги за сон... — я горестно молчала... - я даже буду таким добрым, что оставлю тебе их, нужно же будет снимать квартиру в столице... А цены здесь довольно высокие. Ну так что ты ответишь? — Антерс выжидающе уставился мне в лицо.

Что я могла ответить? Что с презрением отказываюсь от его подлой подачки и выбираю ссылку? Гордая, но не сломленная, с магически запечатанным даром буду жить среди сугробов и волков, только бы не встречаться с канцлером? Глупо...

— Я согласна на вас работать, — глухо сказала я.

— У тебя есть два дня, чтобы съездить домой и взять необходимые вещи. Послезавтра я жду тебя в управлении, подойдешь в четвертый кабинет, к господину Анруку, архивариусу. Он оформит и покажет место работы.

— Я могу ехать? — мне так ужасно хотелось оказаться дома, в родных стенах моего особняка, что я согласна была бежать пешком в соседнюю провинцию. Я встала и застыла, настороженно смотря на маркиза, ожидая какого-нибудь подвоха.

— Да, можешь. Только переодеться не забудь, а то так и выскочишь в тюремной робе, — прозвучало насмешливо.

Канцлер резко поднялся и выпрямился в свой немаленький рост. Мы оказались настолько близко друг к другу, что я услышала знакомый тонкий будоражащий аромат, исходящий от мужчины. По спине пронеслась волна дрожи. Я конвульсивно отшатнулась, схватившись за горло, панически отступая назад. Маркиз на миг застыл возле кресла, шумно выдохнул сквозь зубы, и я увидела как побелели, судорожно сжатые в кулак пальцы.

У тебя есть два дня, — прохрипел он, — и ней дай бог тебе задержаться, я из под земли достану. И поверь, когда я тебя найду, второй вариант развития событий покажется тебе раем, — и стремительно покинул кабинет.

Я чудом успела на вечерний дилижанс. Секретарь выдал мне несколько монет, чтобы точно хватило на оплату проезда в один конец. Не глядя по сторонам, не обращая ни на что внимания я стремилась домой, в родной, теплый, старинный дом.

Я вошла в калитку, как возвращаются корабли в родную гавань, годами бороздившие чужие далекие моря. Слезы хлынули полноводной рекой, как будто ждали своего момента, и следующий час я громко отчаянно рыдала на диванчике в гостиной. Двадцать лет я прожила в этом уютном старом доме, с любовью построенном дедушкой, как за каменной стеной. Я знала всех соседей на три квартала вокруг, и меня здесь знали, и искренне, бескорыстно

любили. Что ждет меня в столице? Десять лет без права увольнения и использования магического дара вне работы... Это почти тоже, что тюремный срок или ссылка... только еще будут зарплату платить, — я хмыкнула... минимальную...

Если бы не мои отложенные на ремонт деньги, мне даже не за что было снять квартиру.

Было ясно, что канцлер не забудет и не простит мне своего сна. Такие высокопоставленные титулованные особы, не любят чувствовать себя беспомощными... Интересно, зная характер канцлера, неужели Алисия всерьез рассчитывала после этого злосчастного сна попасть прямоком в его постель? Что он пойдет на поводу у своей страсти? Такие люди как он никогда не поддаются слабостям. Следуя логике, то увидев меня утром в кабинете у дознавателя, он тотчас бы упал передо мной на колени и поцелуями высушил бы слезы. Ага, — я скривилась, — и отпустил бы на все четыре стороны....

Так что ничего бы у Алисии не вышло...

Странно, но после слез мне стало гораздо легче, я взбодрилась и начала готовиться к переезду. Не в моем характере было долго горевать. Жизнь продолжается и возможно, кто знает, мне понравится в столице. Говорят, там красиво...

На следующий день, повесив на дом и двор заклинание магической консервации (бытовой магией я худо-бедно владела, бабушка научила), трогательно попрощавшись с самыми близкими друзьями и соседями (сказала, что поступила на государственную службу), упаковав и нацепив бирки на чемоданы (их отправят отдельным багажом по почте) я села в ночной дилижанс, что бы уже утром оказаться в столице. С собой было около пятидесяти золотых, остальные я предусмотрительно положила в банк. Первое время я собиралась пожить в гостинице, пока не подберу себе жилье.

Архивариуса разыскала почти сразу, добродушный на вид старичок, взяв у меня личный знак с магической печатью быстро оформил все бумаги. И записал своим помощником в архиве. Выделил мне закуток в углу, среди стеллажей, с поцарапанным пыльным столом и креслом. Библиотека и архив были объединены в одно громадное помещение, занимающее почти половину первого этажа здания.

— Это хорошо, что канцлер прислал тебя мне в помощь, я уже почти ничего не разбираю в этих бумагах, зрение подводит, — радовался он, потирая руки.

— А вы знаете, господин Анрук, как ваш дорогой канцлер привлекает работников? — очень хотелось сбить нимб вокруг головы его обожаемого начальника.

— Хорошо подбирает, девочка. Вот скажи, ты бы пошла работать на десять золотых в месяц по такому кабальному контракту?

— Нет, конечно, — твердо ответила я.

— Вот. А где мы брали кадры, да еще и магические? Наш монарх довольно скуп и прижимист, на государственную службу выделяется минимум средств, а работы — непочатый край. Да тут считай треть служащих в чем то провинилась перед канцлером или обязаны ему. Ничего ужасного в этом нет. Поработаешь, освоишься, привыкнешь. Может и любимого человека здесь встретишь... — архивариус многозначительно покивал головой, — здесь работает много холостых парней... Эх, ты такая молодая и хорошенькая, у тебя вся жизнь впереди...

И началась у меня эта самая жизнь.

Поиски квартиры могли бы затянуться надолго, съесть все мои наличные деньги. Так как работала я с восьми утра до восьми вечера и искать жилье в незнакомом многолюдном городе ночью, по меньшей мере, было опасно и глупо. Мне помог господин Анрук, давший адресок своей старой знакомой, живущей недалеко от центра в тихом, спокойном районе. Ей достался от покойного мужа небольшой двухэтажный особнячок, с запущенным садом, мансардой и просторным теплым чердаком, который она и предоставила в полное мое распоряжение за пять золотых в месяц. Кроме меня у госпожи Гросс жили два студента магической академии (напыщенные молодые хлыщи), торговец тканями, иногда уезжающий из столицы за товаром и мой коллега Питер Фуррик, так же работавший в королевской канцелярии младшим сотрудником. Я не спрашивала, за какие провинности канцлер заставил его поступить к себе на службу. Молодой человек оказался хорошо воспитанным и вежливым, взяв на себя обязанность провожать меня каждый вечер после работы по незнакомым мне пока улицам города. Мы мало говорили. Я еще не освоилась в столице, вела себя скованно и настороженно, он также не спешил раскрывать передо мной свою душу. У всех нас были свои скелеты в шкафах...

Я все подсчитала. Если сэкономить на одежде и готовить еду самой на десять золотых в месяц можно было прожить. Скромно, конечно, но можно. Я решила не трогать пока деньги в банке, только в самом крайнем случае, если мне понадобится купить новую одежду на зиму или госпожа Гросс выставит меня за дверь. Пока платьев мне хватало, в прошлые сытые года, живя в довольстве и достатке я не сэкономила на нарядах.

Мне поручили скучную и пыльную работу по систематизации и созданию каталогов, для последующей передачи в архив, отчетов за прошлые пять лет по провинции Райони, на юге страны. Очень интересная и увлекательная работа для мага моей уникальной специализации. Я проскрежетала зубами, но делать нечего, и приступила к бумагам.

Мое счастье, что в силу предыдущей деятельности я приобрела усидчивость и и просто ангельское терпение, иначе, я бы просто взвыла в первый же день.

Несколько раз сталкивалась в фойе управления с канцлером. Он достаивал меня небрежным кивком и коротким холодным взглядом свысока. Я улепетывала, как заяц, в библиотеку, благо она была на первом этаже и старалась более не попадаться ему на глаза.

За две недели работы помощником архивариуса я перестала чувствовать себя изгоем и деревенщиной. Никто не тыкал в меня пальцем, не шептал в спину, не вспоминал за что меня наказали и в чем я провинилась. Действительно, в управлении работали вполне достойные люди, сплетни здесь пресекались на корню, во всем здании царил рабочая деловая атмосфера.

Это все заслуга нашего канцлера, — не преминул похвалить начальника Анрук.

Лучше бы его заслуга была в том, что он бы не наказывал невиновных, — бурчала я под нос

Вот так, потихоньку, я выползала из раковины. Благодаря своей природной доброжелательности и легкости в общении, перезнакомилась с служащими из соседних кабинетов, расположенных рядом с архивом на первом этаже. Вместе мы обедали, принесенными из дома бутербродами, пили чай, болтали о жизни. Я старалась испечь что-нибудь вкусненькое, благо последние несколько лет готовила для себя сама и умела это делать.

В библиотеке нас собиралась шумная веселая компания. Две девушки из секретариата, мой сосед Питер, и двое его коллег из отдела статистики. Мы все были примерно одного возраста, нам было легко и комфортно вместе. Господин Анрук сидел в своем кресле и тихонько посмеивался под нос, глядя на нас.

Мы заболтались. Питер рассказывал как залез ночью в соседский сад за вишней, а очутился на крыше пчелиного домика, выставленного хозяином сада на ночь, под деревья, и потом всю ночь вытаскивал жала и ставил травяные примочки на искусанные руки и ноги. Мы хохотали, когда распахнулась дверь и в библиотеку вошел канцлер. Друзья испуганно замерли, вжав головы в плечи.

Наверное я мало загружаю вас, если вы можете себе позволить прохладиться в рабочее время, — процедил он сквозь зубы.

Я посмотрела на часы и ужаснулась, обед закончился полчаса назад. Мои коллеги поспешно выскочили из архива, оставляя меня на растерзание маркизу. Господин Анрук встал и попытался извиниться перед начальником, но тот остановил его небрежным взмахом ладони.

Госпожа Вероника, вы закончили с провинцией Райони?

Почти, — пискнула я, — осталось пару дней.

Возьмите в нагрузку еще и округ Шатан, там тоже скопилось много не разобранных бумаг за последние года, и надеюсь, вы поторопитесь. Когда закончите, у меня есть для вас еще одно дело. — Канцлер развернулся и зашагал к двери.

Я тихонечко застонала... Что за невезение!

Маркиз, услышав мой стон, резко остановился, как будто натолкнулся на стену. Медленно, словно через силу оглянулся на меня и обжог враз почерневшими глазами.

Я испуганно застыла, как кролик перед удавом. Сердце подпрыгнуло к горлу, ладони повлажнели. Пару секунд мы пристально смотрели друг другу в глаза. Я первая вышла из ступора, опустив голову и спрятавшись за ворохом бумаг на моем столе. Через секунду услышала хлопок двери. Ушел...

Разбирая бумаги по Шатану я обнаружила несоответствие объема спиртных напитков, закупленных по королевской квоте, с объемом продаж этих напитков в отчетах от торговцев, владельцев ресторанов и гостиниц. Показала архивариусу. Старичок похлопал меня по плечу и вздохнул, — «Полетят головы». И пошел отсылать заявку в канцелярию...

Анрук, добрый день, что случилось? — Канцлер, как всегда, стремительно ворвался в архив.

Лорд Антеро, Вероника нашла в документах по Шатану косвенное подтверждение контрабанды спиртного. Вот краткие выкладки с цифрами, — Анрук протянул канцлеру бумагу с моими записями.

Быстро пробежав глазами текст, канцлер перевел взгляд на меня.

А вы, госпожа Арсон, оказывается не только умеете улыбаться и обманывать доверчивых мужчин.

Ну что вы, милорд, — со всем ядом, на который была способна ответила я, — обманывать доверчивых, — я выделила это слово, — мужчин, мое любимое занятие, а это так, — я махнула рукой над бумагами, — хобби.

Анрук удивленно переводил взгляд с меня на канцлера, прислушиваясь к перепалке.

О, у леди прорезались зубки... Где же они прятались все это время? — насмешливо потянул Антеро.

Во рту, — не подумав, буркнула я. Невольно взгляд маркиза метнулся к моим губам, я увидела как ярко вспыхнули такие обычно холодные глаза. Канцлер резко вздохнув, отвернулся и уже возле двери, не оборачиваясь процедил, — Завтра мне на стол полный отчет по Шатану.

На вопросительный взгляд архивариуса, я недоуменно пожала плечами.

После Шатана была еще провинция Румок, потом рудники в Коми, потом закупки зерна в Шамии. Я злилась и скрипела зубами. Руки просили, требовали ниток, если бы не страх перед канцлером, я бы давно накупила пряжи и наплела что-нибудь на чердаке своим друзьям, какой-нибудь легкий, светлый, летний сон. Я скучала по станку, по родному дому, по своим заказчикам, соседям, по той легкости, доброте и искренности, что окружала меня всю жизнь.

Уже три дня терзали глубокие размышления. В основном они меня редко так долго мучают, но этот случай особый... В отчетах по северному округу Гуджон я нашла знакомую фамилию — виконта Арсон. Мой отец при венчании в храме передал эту фамилию жене. И я, как его дочь, при рождении была записана в книге регистрации, как Вероника Арсон. Я никогда не пыталась разыскать родственников со стороны отца. Он покинул мою мать, уйдя на войну, когда та была на пятом месяце, беременная мной и больше не вернулся к нам... От отца мне осталось только фамилия и кольцо, подаренное маме на свадьбу. После смерти бабушки и дедушки я пыталась разговорить маму, но та не хотела и слышать о возможности наладить отношения с семьей Арсон... Она рассказывала, что Андре пошел на войну офицером вопреки воле своего отца, а так как он был младшим сыном, то тот лишил Андре наследства и поддержки рода. Вот такая грустная история. Теперь, копаясь в архиве, я обнаружила сводный отчет за прошлый год от виконта, моего дедушки и мучительно размышляла — написать ему или нет... Ведь больше у меня никого в семье не осталось... Мама была очень категорична в отношении, но, как мне теперь представляется, предвзятость и неприязнь вредят в жизни, и если даже виконт мне не ответит, я не буду держать на него зла... У каждого своя дорога...

В итоге письмо я написала. Вежливо, очень тактично и осторожно. Назвала свое имя и фамилию, написала о маме, о городке, где мы жили, о том, что служу сейчас на государственной службе в канцелярии... И что, буду очень рада, если он мне ответит...

Я работала в самом дальнем углу библиотеки, напевая под нос песенку. Разбирала старые книги, откладывая самые потрепанные экземпляры на переплетение и реставрацию. Как вдруг почувствовала, что сзади кто-то есть. Вздогнула и испуганно замерла. Уже собираясь обернуться, как ощутила знакомый до боли запах того единственного мужчины, которому он принадлежал. Канцлер. Он молча стоял за моей спиной, так близко, почти вплотную, что горячее дыхание шевелило волосы на моем затылке. Краем глаза я заметила руку, судорожно вцепившуюся в полку стеллажа, как будто он боялся хоть на секунду разжать побелевшие пальцы. Я чувствовала исходящий от мужчины жар, и сама ощутила, как глубоко внутри зарождается неконтролируемая ответная дрожь. Мне казалось, его взгляд материальный, я ощущала этот взгляд на шее, плечах, он прожигал дыру между лопатками,

опять поднялся наверх и замер на ключице, нежно выглядывающей из воротника платья. Мы стояли так уже несколько минут. Голова плыла в душном густом тумане, я едва заметно покачнулась, чуть притронувшись спиной к маркизу и услышала его рваный хриплый вздох.

Лорд Антеро, вы где? Я принес, то, что вы просили, — донесся откуда то издалека голос архивариуса.

Канцлер очнувшись, резко развернулся и через мгновение я стояла между стеллажей одна. Вздохнув, тяжело опустилась прямо на пол. Что же твориться? Почему рядом с ним я становлюсь как оголенный натянутый нерв? Почему кружится голова от одного его запаха и дрожат коленки? Это все этот чертов сон, — злилась я. Если бы не он... Если бы не сон, меня бы здесь не было, и я бы никогда не узнала этого страшного жестокого человека. Жила бы себе в любимом доме. Плела бы сны за деньги...

Конечно, он не равнодушен ко мне, это понятно. Его особенная персональная придирчивость, язвительные колкости, приходы в библиотеку только для того, чтобы дать мне дополнительную работу или поругать за лень или некомпетентность. Я наблюдала, с другими служащими он вел себя вполне корректно и вежливо. Значит ненавидит меня... И до сих пор не простил за тот сон, за свою вынужденную слабость...

Спустя несколько дней я, опаздывая, неслась через фойе к библиотеке, торопливо кивая направо и налево так же спешащим коллегам.

Госпожа Арсон, здравствуйте! — вдруг раздался справа знакомый голос.

Обернувшись я увидела Пахрана, моего бывшего дознавателя.

Какими судьбами? — заулыбалась я, — доброе утро, сэръ.

Как вы, Вероника? Я часто вспоминал о вас. Не обижаетесь на меня за допросы?

Спасибо, хорошо. Конечно нет, Какие могут быть обиды — это же ваша работа, — ответила я вполне искренне. — Я служу теперь здесь на благо государства младшим архивариусом. А вы что здесь делаете?

Прибыл с отчетом для канцлера, — пожал плечами Пахран. И улыбнулся.

Какая милая, сердечная встреча, — раздался рядом холодный язвительный голос.

Мы с Пахраном одновременно обернулись к канцлеру и синхронно поклонились, как послушные болванчики.

Я смотрю, вы не наговорились за прошлое время?. Может мне стоит дать вам возможность продолжить ваши беседы в кабинете дознавателя? — голос сочился ядом.

Лорд Антеро, извините меня, — Пахран по военному склонил голову. — это я задержал госпожу Веронику поздороваться.

Идите в мой кабинет и ждите меня там, — отмахнулся канцлер.

Мы остались вдвоем посреди фойе. Проходящие мимо служащие опасливо обходили нас по широкой дуге. И вдруг, я со стороны увидела всю нелепость нашего противостояния. Маркиз, со своей высокомерной наглой ухмылкой, рассматривая меня с высокока. Я, как нахохлившийся маленький воробей, сжав кулачки, исподлобья, злобно, прожигая его взглядом. Это просто смешно и глупо. Я подняла голову и широко весело улыбнулась, глядя ему в глаза. Сначала удивленно, потом растерянно канцлер смотрел мне в лицо и стремительно теплели, озаряясь мягким внутренним светом его глаза.

Мир? — с улыбкой, я протянула для пожатия ладонь.

Он посмотрел на мою руку, как на ядовитую змею, опасливо отступая на шаг назад.

Госпожа Арсон, может вы уже, наконец, пойдете работать и перестанете мозолить мне глаза? — процедил сквозь зубы.

Конечно, милорд. Уже иду. Доброго дня, — мягко сказала я и развернувшись медленно пошла в архив, оставив растерянно стоящего мужчину за спиной.

Я думала о случившемся весь день. Похоже я нашла у маркиза слабое место и беспронимательную тактику поведения с ним. Канцлер боится моих улыбок, точнее своей реакции на них. И если я начну себя вести с ним кротко и смиренно, он больше не будет ко мне цепляться.... Надеюсь...

Ура! Мне наконец привезли ткацкий станок. Немного другой, больше чем мой, домашний. Но все равно безумно красивый. Я любовно гладила перекладки, нежно провела рукой по челноку. Я была счастлива. И с улыбкой обернулась к архивариусу.

Спасибо за этот чудесный подарок.

Нет, девочка, благодари канцлера, это он приказал поставить тебе станок.

Ага, значит даст какую-то новую работу на благо государства, — вздохнула, но не слишком грустно, так как я была рада наконец заняться любимым делом

Маркиз не преминул вскоре заявиться в библиотеку. Небрежный кивок и высокомерно:

Госпожа Арсон, к вашим обязанностям младшего архивариуса добавятся еще обязанности по вашему прямому профилю — плетению сновидений. Вот первое задание, — он протянул бумагу.

Я прочитала заказ и перевела на канцлера ошарашенный взгляд.

Но ведь это же противозаконно, именно из-за такого заказа вы меня сюда и упекли!

Госпожа Арсон, то что требую я — всегда законно и на благо государства. Так что берите нитки и за дело, мои приказы не обсуждаются, — припечатал он выходя.

С враз испортившимся настроением я села за стол и отвернулась к окну. У меня был приказ создать сон для посла соседней Карминии, вчера приехавшего во дворец с делегацией, в связи с недавним скандалом из-за шпионажа. Отношения между нашими странами были натянуты и слухи ходили самые неутешительные. Прогнозировали возможную войну... Посол был негативно настроен ко всему, что его окружало в столице. Говорили, что он даже ел пищу, приготовленную его слугами из привезенных с собой продуктов. «Совершенное самодурство», — подумала я. Мне же приказали сплести наволочку со сном о нашей прекрасной стране. Чтобы за несколько дней прибывания в столице он проникся любовью и патриотизмом к моей родине. Почти невозможный заказ. «Нет», — сказала я себе, — «Невозможный, если ты и дальше будешь кукситься и дуться на канцлера. Поэтому прочь грустные мысли и берись за работу». Я смотрела из окна на городской парк, расположенный напротив здания, на гуляющих мам с детьми, на проезжающие мимо кареты, спешащих людей. Вспоминала свой дом, теплый, родной, любимый. Друзей, соседей, знакомых с детства. Наш провинциальный, может немного и наивный, но такой искренний и открытый мирок, где прожила всю жизнь, где все знают друг друга и всегда придут на помощь.

Я придумала, я сделаю сон именно таким, и взялась за нитки.

Вечером отдала наволочку секретарю и больше я о после не слышала. Но краем уха, сплетня о том, как понравилось ему в нашей стране, и как он собирался вскоре опять ее

посетить все-же дошла до меня. В канцелярии мне выдали премию за отлично сделанную работу и устную благодарность от канцлера. Сам он архив так и не посетил.... Поговаривали, что маркиз уехал к невесте, и скоро должна состояться их свадьба. Девушки из секретариата рассказали, что король давно настаивал на венчании, но канцлер все время отодвигал дату свадьбы... Но видимо оттягивать дальше было уже невозможно. Я впала в задумчивость на несколько дней... Были две новости, связанные со свадьбой канцлера, хорошая и плохая. Хорошая в том, что женившись он наконец забудет про тот дурацкий сон о страсти и, возможно, воспылавший любовью к жене, оставит меня в покое, а возможно даже разрешит уволиться, что бы я не маячила у него перед глазами.

Плохая была в том, что мое непослушное сердце по прежнему не хотело воспринимать наше огромное классовое и социальное неравенство, трепыхалось и болело, на что-то надеясь... Парадокс, не правда ли?

Маркиз приехал через пару недель, раздраженный и злой. Устроил разнос в управлении, по увольнял заместителей. Его обходили стороной и лишний раз боялись потревожить. А мне опять навалили кучу работы... Периодически я плела легкие веселые, незамысловатые сновидения для семьи монарха, то наследнику престола, то дядюшке, то кузине... Но в основном сидела разбирала отчеты и архив.

«Рано или поздно это должно было случиться». - вздыхала я потерянно. Сегодня утром ко мне подошла убитая горем женщина, работающая уборщицей у нас в управлении и попросила помочь. Ее сын умирал. Лекари и маги, которых она могла пригласить, пока еще были деньги недоумевали и ничего не могли сделать. Говорили, что они бессильные перед депрессией и сердечной болью. Что если ваш сын сам не сможет захотеть жить — не поможет ничего. Деньги у нее закончились, пришлось продать, все что было ценного в доме, а лекари все разводили руками. Сын медленно угасал, ничего не ел, не разговаривал и не вставал с кровати. Что же могло случиться? Он так и признался матери...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я отнекивалась, что не могу, что не имею права, меня накажут и серьезно, но смотреть на материнское лицо, на котором гаснет надежда было ужасно больно... Я взяла с нее клятву, что никто не узнает об этом сне, что если удастся вытащить ее сына из депрессии — первое, что она сделает, это сожжет платок. Денег я не взяла, да и что она могла мне предложить?

Я опять сделала это — пошла против закона. Мучило ли это меня? Нет, конечно... Боялась только одного — только бы не попасться... Вечером, когда все ушли, я осталась в архиве и села за работу. Мне уже приходилось лечить людей сновидениями, наработки были... Я конечно не знала первопричину болезни, но главное дать толчок, заставить человека хотеть жить и бороться. Сама я была ужасная оптимистка, поэтому такие сны мне удавались особенно хорошо.

Просидела за станком почти до ночи, только теперь сообразив, как же мне будет страшно идти домой. Выскочив на пустую темную улицу, я увидела через дорогу от здания закрытую черную карету, которая тихонько покатила следом за мной. Я побежала. Быстро как могла... Испуганно неслась сквозь кусты, перескакивая через клумбы. Карета все равно не отставала. Перевела дыхание, только когда оказалась за крепкими воротами госпожи

Гросс... Сердце колотилось как сумасшедшее. Нет, больше ни за что не пойду среди ночи... Если и буду нарушать закон еще раз, то лучше рано утром...

На следующий день, незаметно отдав платок уборщице, села за свои бумаги... Опять скучный, похожий на предыдущие день... Отчеты, цифры, нумерация, каталоги...Надоело...

Через два дня ко мне в архив заскочила радостная улыбающаяся женщина и бросилась передо мной на колени. Платок помог. Юноша начал выздоравливать, вставать с кровати, интересоваться происходящим, а главное, у него проснулся волчий аппетит... «Вот ради таких минут и стоит жить», — подумала я, улыбаясь. «А не ради того, чтобы кухня монарха еще раз во сне посетила морской курорт»....

И когда меня вызвали вечером в кабинет канцлера, я все сразу поняла и приготовилась к неравной битве... Ведь канцлер предупреждал, то ничто от него не скроется...

Добрый день, милорд.

Здравствуй, Вероника.

Кабинет у канцлера был шикарным, большой, светлый, с двумя огромными окнами выходящими на городской парк. Полки с книгами, камин, пейзажи на стенах, мягкий диван в углу... Добротный широкий письменный стол в центре. Пока я осматривалась, маркиз внимательно наблюдал за мной.

Что ты можешь сказать в свое оправдание? Ты же понимаешь зачем я тебя пригласил? — с ленцой начал он... Поймал таки мышонка, и теперь раздумывает, съесть сразу или еще поиграть...

Вы же все и так знаете, лорд Антеро... Я жду наказания, — виновато склонила голову, прервав я его игру...

Эх, глупый наивный воробушек... Мне интересно было наблюдать за тобой... Делом времени было подождать когда ты сорвешься.

Я не жалею о том, что сделала. Может я и жалею о вашем сне. Может я понесла наказание за него справедливо и заслуженно... Но о битве за спасение человеческой жизни я не пожалею никогда, — я твердо стояла на своем..

Вот значит как... Смелая и дерзкая... — и тихо добавил, — почти как тогда....

Мы молчали... Канцлер сидел, задумавшись, отрешенно играя пером. Я стояла посреди кабинета и смотрела в окно, за его спиной...

Что же мне с тобой делать, солнечная девочка, — заторможено, как будто во сне прошептал он... и махнув рукой в сторону стула сказал, — сядь ты наконец, чего стоишь...

Я села. Тихонько тикали часы, отмеряя минуты, потрескивал огонь в камине. Было так уютно и спокойно вдвоем. Напротив сидел сильный, надежный, притягательный мужчина, расслабленно откинувшись в кресле. Такой знакомый и такой чужой. Меня вдруг накрыло мягкое теплое одеяло безопасности и покоя... Стало все равно, какое наказания для меня придумает канцлер и что будет со мной завтра. Но я точно знала, что он не причинит мне вреда.

Вдруг, медленно маркиз начал говорить..

За последние месяцы я прочитал все о магическом воздействии, все труды из академии, королевских архивов. Консультировался с убежденными седидами, самыми выдающимися магами нашего королевства. Искал хоть крошечную зацепку о том, что происходит со мной...

А что с вами происходит? — не удержалась я... Мужчина грустно иронично улыбнулся...

Все маги в один голос утверждали, что одиночное воздействие не приносит вреда. Что сон — это просто сон, пусть красивый, чудесный, притягательный, но один раз он ничего не сможет сделать... Главное, что бы я не спал на платке постоянно...

И что? Надеюсь, вы уничтожили платок? — я с тревогой посмотрела на маркиза.

Конечно, сразу же на следующий день, найдя его у себя под подушкой... Полетели головы слуг, которые убрали постель. Так я узнал о Алисии Мориц, а потом о тебе... Я был зол... Страшно зол, что посмели таким способом воздействовать на меня. Сначала я думал, что ты в сговоре с семьей Мориц... Потом злость ушла, я начал размышлять и понял, что тебя подставили... Ну ты все и так знаешь...

Да... можно сказать из первых рук, — рассмеялась я. Канцлер резко поднял голову, ловя взглядом мой смех, пристально всматриваясь в мои глаза.

Тогда почему я чувствую себя так, как будто до сих пор сплю на этом платке? Ответь мне! — прорычал он... Я растерянно хлопала глазами.

Я устал... Я устал каждый день с собой бороться. Я устал придумывать причины, чтобы зайти в архив. Я устал провожать тебя, сидя в карете, издалека наблюдая как ты идешь домой... Я даже обрадовался, когда ты нарушила правило не применять магию. Обрадовался потому что был повод вызвать тебя в свой кабинет...

Может, — я задумалась. — может я сплету вам сон о ненависти ко мне...

А ты сможешь? Девочка, в тебе нет ни капли злобы и ненависти, ты не знаешь что это, а посему как ты сможешь воплести эту эмоцию?

Я удивленно подняла глаза.

Откуда вы знаете специфику моего плетения?

Я же сказал, я знаю все о тебе и твоём даре... Скажи... ты говорила, что заснула на платке, ты видела то же, что и я?

Я густо покраснела. Запылала щеки, шея, грудь. Я смущенно опустила глаза и пискнула:

Не знаю, милорд, я проснулась почти сразу, как мы покинули бальный зал.

Тебе повезло... Я видел гораздо больше. Но все равно, ответь мне — почему тогда во сне ты была совсем другая, чем в жизни? Более свободная, раскованная, дерзкая? Такое ощущение, что там была ты и в тоже время не ты... И почему вообще я тебя увидел? Я же по плану должен был увидеть Алисию... Ведь так?

Да, наверное. Я много думала об этом... Если вы с Алисией любили друг друга, конечно вы бы увидели ее. Я вплела ее образ в сон, но то ли я вложила слишком много своих эмоций, и они перехлестнул ее образ, то ли вы негативно относились к семье Мориц, и к Алисии в том числе, магия выбрала меня для сна, как самого лучшего кандидата, — я опять покраснела.

Магия? Ты думаешь она разумна?

Конечно, маркиз Антеро, я точно знаю, что она сама выбирает кому помочь, кого наказать, а кому подсказать дальнейший путь...

Это все догадки и домыслы...

Возможно... А про раскованность... — я опять засмушалась, — лорд Антеро, я с первой минуты поняла, что это сон, и что кроме меня его никто не увидит... Поэтому решила оторваться по полной. Так сказать... Простите меня, но вы тоже вели себя немного по другому, — пискнула я и виновато опустила голову.

Я то думал, что все реально... Тем более, что заснул сразу после бала и твой сон стал приятным его продолжением...

Что же нам делать, лорд Антеро? — с неподдельным интересом и надеждой в голосе поинтересовалась я. Я считала его старше, мудрее, опытнее, наверное... Кто я и кто он. маркиз найдет выход из ситуации!

Как что? Ты станешь моей любовницей, естественно. Если я уже не могу избавиться от мыслей о тебе. Я куплю тебе особняк в столице, ты будешь богатой.... - его голос звучал уверенно и твердо, как будто он уже все решил без меня... Я так растерялась и опешила, что ловила воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Как вы... Нет...нельзя... — я ошарашенно бормотала, с ужасом глядя на маркиза.

— Почему? — с искренним недоумением спросил он.

— Ну как же? Так нельзя... — он молча, не понимая смотрел на меня, — ну во первых у вас есть невеста.

— Ну и что?

— Как же вы не понимаете таких очевидных вещей. Вы женитесь. Пойдете в храм. Произнесете клятвы. Нельзя иметь любовницу и жену. Это же предательство, измена, — в полном замешательстве произнесла я.

— Ты такая наивная, девочка, — хмыкнул маркиз. Это брак по договоренности, а невесту видел, возможно, пару раз... Она меня не любит и я ее не люблю... Все аристократы так женятся.

Я действительно не понимала... Вся моя жизнь с детства была пронизана любовью... Воспоминания о бабушке с дедушкой, их крепком, взаимном чувстве, пронесенном сквозь годы. Они не расставались ни на минуту, а если и приходилось дедушке уехать, то бабушка просто замирала в своем мирке и ждала его приезда, чутко прислушиваясь к шагам за дверью. Мама... Я вспоминаю, она и не жила все эти годы, меня в основном воспитывала бабушка, а мама застыла среди своих вышивок, заперла свои мечты и улыбки внутри... Без папы...

— Нет, — твердо сказала я, — я не буду вашей любовницей. С вашей стороны жестоко и оскорбительно предлагать мне такое..., - меня переполняло негодование.

— Понятно... - хмыкнул маркиз, — я так и знал, что ты встанешь в позу. Можно было догадаться по твоей наивности и провинциальности, что представления о браке у тебя не правильные.

— Как раз у меня они и правильные, — с жаром заявила я, вскочив, — а вот у вас, милорд... Вы казались мне честным и благородным человеком, может и суровым, но справедливым и порядочным...

— О, — потянул лорд, — как все запущенно... — Если я правильно понимаю, деньги, драгоценности, положение в обществе предлагать бесполезно? — хмыкнул он иронично...

Я грозно посмотрела на него. Еще и веселится... Вдруг, одним слитным плавным движением маркиз поднялся с кресла и двинулся ко мне. Я замерла. Придумал что-то новенькое, решила, глядя в загорающиеся огнем глаза. Мне стало страшно... Я отступала к двери, настороженно глядя из-исподлобья.

— Что вы делаете? — испуганно пролепетала, упершись спиной в стену и почувствовала как талию обхватили крепкие руки, а горячие губы запорхали, целуя лоб, щеки, шею... Я мгновенно вспыхнула, задрожав, обмякла в его руках.

— Что и требовалось доказать, — хрипло прошептал маркиз, — обманщица, ты то же

чувствуешь это... Эту невыносимую тягу, эту страсть, туманящую разум и лишаящую воли... - его голос обволакивал, отбирая разум, — Моя смелая, восхитительная, отзывчивая девочка...

Губы творили волшебство, мягкие и твердые, невыносимо сладкие и нежные. Его рот... Язык... Изысканное лакомство, которое таяло у меня во рту, оставляя роскошное послевкусие. Ладони мужчины обхватили грудь, то крепко сжимая, то нежно, почти невесомо прикасаясь к вершинкам. Пальцы выводили замысловатые узоры, дразня и теребя.

Как будто издалека слышала хриплый шепот «Красавица моя», «Нежная моя», «Солнечная девочка», таяла от бархатного голоса, тихого рокошующего звука, похожее на кошачье мурлыканье, зарождающегося у него внутри в груди, и уже почти ничего не соображала. Ум заволокло розовым туманом, кожа стала настолько чувствительной, что одежда мешала и голову посетила мысль от нее избавиться... Я вздрогнула... И пришла в себя... Я полулежа сидела на коленях у маркиза, на кушетке возле камина, платье было приспущено, бесстыдно оголив плечи и верх груди. Темноволосая голова маркиза склоненная надо мной, одна рука гладила колено, медленно пробираясь по ноге вверх, другая зарывшись в волосы, поддерживала затылок. Губы страстно целовали ключицы, шею, опускались потихоньку вниз к ложбинке... Стоп. Я резко оттолкнулась и вскочила с его колен.

— Что вы.... Да как вы... — слова давались мне с трудом, я вдруг сразу растеряла способность мыслить и говорить... маркиз был еще в более худшем положении. Он даже ничего не мог выдавить, просто тяжело, дико, не отрываясь, смотрел на меня. Хриплое дыхание вырывалось сквозь сцепленные зубы. Я развернулась и ринулась к двери. И уже на выходе прошептала:

— Это же не сон, это настоящая жизнь, здесь нельзя так...

Я влетела в библиотеку, как торнадо. Вихрем промчалась мимо господина Анрука и плюхнулась за свой стол. Руки дрожали, мысли путались, а сердце грохотало в груди кузнечным молотом. Отрывочные бессвязные мысли проносились в голове: «Это не могло со мной произойти. Я сошла с ума. Как же я буду дальше жить? Смотреть ему в глаза, ходить на работу, здороваться по утрам... Еще десять лет по контракту, я не выдержу». То, что я равнодушна к маркизу я поняла уже давно. Но у меня была еще призрачная надежда, что он женится и перестанет обращать на меня внимание и мое незрелое чувство угаснет, так и не успев вырасти... Но после случившего в кабинете, игнорировать факты было бы глупо... маркиз предложил мне стать содержанкой. Я горько усмехнулась. Ни на что большее, ты Вероника, рассчитывать не можешь... Да еще и раз за разом вляпываешься в истории, развязывая ему руки и давая повод для шантажа...

Три дня маркиз не показывался в библиотеке. Я так же сидела тихо как мышка. Утром незаметно проскальзывая в архив, а вечером, прячась за спинами, торопливо бежала домой. Самым лучшим решением было бы отпустить меня к себе в родной город, я бы уехала и перестала бы мозолить ему глаза... Может предложить канцлеру такой выход?

А на четвертый день он посетил архив сам. И поведение его разительно отличалось от предыдущего... Я даже немного опешила, когда, зайдя в комнату, он с искренней улыбкой поприветствовал нас и сразу подсел ко мне за стол. Я настороженно выглядывала из-за бумаг. Но оказалось, что тактика, которую избрал маркиз для достижения какой-то своей, неведомой мне цели, была гораздо страшнее и коварнее... Он ласково смотрел на меня, не ругая и не критикуя, легко, как будто играя, касался локтя, кисти. Сев почти вплотную,

разложил мой прошлый сводный отчет по Гуджону, почти задевая меня плечом. Я отодвигалась, пока чуть не свалилась со стула. Терялась, смущалась, краснела... Не понимала ни слова из того, что он говорил, сердечко стучало, как у пойманной птицы, а щеки полыхали румянцем. А этот нехороший канцлер только забавлялся, видя мое нервное состояние...

С этого момента началась новая страница в наших непростых отношениях.

Теперь в библиотеке канцлер стал частым гостем. Он приходил каждый день, приносил пирожные и конфеты из элитной кондитерской, такие безумно вкусные, что я физически не могла от них отказаться. То охапку желтых осенних листьев, собранных в парке. То одинокий цветок в стакане...

Его вероломная подлая тактика дала свои плоды. Господин Анрук сначала вопросительно, потом тревожно поглядывал на меня. Мои друзья и коллеги перестали приходить на обед в архив, пару раз встретив там маркиза. Да и вообще сослуживцы как-то странно стали коситься и шептаться по углам. Пошли сплетни... Это было естественно, и закономерно, особенно после того, как маркиз стал каждый вечер ждать меня в карете после работы, насильно усаживал внутрь, и не слушая моих возражений, провожал домой. Репутация была под угрозой.

Чего он добивается? Пару раз задав этот вопрос канцлеру, когда мы были наедине в карете я получила в ответ теплую улыбку и целомудренный поцелуй в ладошку... Он околдовывал меня, опутывал, приручал к себе, как несмышленного щенка. А я не понимая, что происходит, безвольно шла в эту ловушку, замороженная улыбками и непривычной для него добротой.

Последние сомнения коллег о моей пристойности и приличиях пропали, когда канцлер начал вызывать меня в свой кабинет по вечерам, якобы с отчетом за день о проделанной работе. Я дулась, ругалась по нос, смущалась, пеняла ему, на то что он пользуется своим положением. Но шла... Потому что уже не могла жить, без этих встреч, без его тихого ласкового голоса, без пронзительных карих глаз, смотрящих на меня восхищенно и жадно... Как на самое вкусное лакомство...

Я чувствовала себя самой красивой, самой желанной, окруженной заботой и лаской, как во сне, в том давнишнем сне, который мы увидели на двоих...

Сначала я боялась ходить к кабинет канцлера по вечерам. В памяти было свежо воспоминание о неприлично задранных юбках. Но маркиз, видя мои опасения, (я заходила к нему бочком и по стеночке, зыряя исподлобья), больше не предпринимал никаких попыток поцеловать или приблизить меня к себе. Чинно сидел в кресле и действительно просматривал бумаги, а мне велел тихо сидеть на кушетке. Потом, потихоньку осмелев, я сама читала документы, разложив их на туалетном столике, или брала работу с собой. Очевидно, что маркиз изменился. Вместо самоуверенного, высокомерного хлыща сейчас передо мной сидел просто уставший, заработавшийся и запутавшийся человек. Немного бледный, с красными от недосыпания глазами. Однажды мне стало его просто жалко. Он беспрерывно тер глаза и хмурил брови.

Почему вы не идете домой? Вам же нужно поспать, милорд, — тихо произнесла я.

Я уже давно не могу нормально спать, Вероника, — рыкнул он... Тебе ли не знать, из-за чего?

Я опустила глаза. Рукой нащупав в кармане нитки, потихоньку вытщила и сплела тоненькую косичку, вложив в нее самые свои сильные эмоции... Безмятежное спокойствие и

умиротворенность. Ощущение дома, родного и близкого, друзей, которые никогда не предадут, заботу, теплоту... И когда он выходил на минутку из кабинета, подложила под кресло... Пусть ругается, но хотя бы выспится... Спустя полчаса я вышла тихонько закрыв дверь, позади оставив посапывающего, улыбающегося во сне канцлера.

Было бы глупо не признаться себе, что я влюбилась. Точно и сомнению не подлежит. Влюбилась без оглядки, впервые в жизни, в человека, виденного во сне, человека, настолько выше меня стоящего по социальной лестнице, что будущего у моей любви нет. Потому что быть с любимым мне возможно только в роли содержанки. А это претит самой моей сути, воспитанию, моей бессмертной душе... Поэтому мне нужно придумать, как исчезнуть из жизни канцлера, что бы попытаться собрать свое бедное сердце воедино вдали от него...

За наведенный сон, и опять без согласия того, кому он предназначался, мне не попало. На следующий день, маркиз только вздохнул и сказал, что наверное судьба у него такая смотреть мои сны без своего согласия... Но что бы это в последний раз! Я закивала, сама с умилением смотря на выспавшегося мужчину.

Мы молчали, мы разговаривали, мы делились мыслями и воспоминаниями. Маркиз рассказывал о своей семье, семье потомственных верных слуг монарха и короны. Его дед был канцлером, а отец министром финансов. Герцог Доремби был нестигаемым и жестким человеком, так ни разу за все время не сказавший сыну доброго слова. Да и видел канцлер отца достаточно редко, тот все время проводил во дворце, истово служа королю, не допуская ни малейшей слабости, ни одной лишней эмоции. Приезжал в родовой замок только для того, чтобы сделать жене еще одного ребенка или наставить сына на путь истинный твердой рукой и строгим словом. У маркиза было еще два младших брата, все они выгодно женились и разъехались, оставив нелюбимых родителей. И сейчас отец и мать были уже пожилыми людьми, запертыми в своем родовом замке, как в клетке. Взаимно не любящие и не любимые. Последний раз, когда маркиз отдавал сыновний долг, приехав в замок, те даже не разговаривали с друг другом по нескольку дней, обитая в разных концах огромного дома.

— Как же это ужасно, — прошептала я, ошеломленно, — такая жизнь... Я бы ни за что не смогла так жить, — добавила, видя его пристальный взгляд.

— Конечно бы не смогла, ты же полна любовью до краев, солнечная девочка, — эхом ответил он.

Я же рассказывала о своей семье, о бабушке, о маме. Я смущенно поведала о своем первом, так сказать, профессиональном подарке ей на день рождения. Видя как она тоскует по папе я сплела ей сон о нем. Мне было десять лет и мои представления об отце были весьма надуманными и сказочными. Мама на следующее утро после сна, со слезами на глазах рассказывала всем, что всю ночь ее обнимал большой плюшевый медведь, щекоча колючей пушистой шерсткой.

Слушая мои рассказы, маркиз улыбался, его глаза теплели, в них появлялся какой то странный незнакомый блеск. Нет, не страсть (ее я уже видела и знала, как она выглядит). И я радовалась, что могла хоть на миг развеселить его. Он вызывал к себе каждый вечер, и каждый вечер убеждал меня в том, что только со мной его сердцу становится спокойно и безмятежно.

Моя любовь. Я была счастлива и не счастлива одновременно. Счастлива, потому что узнала ее, впустила в свое сердце, мир озарился светом и добротой. Я сияла так ярко, что люди на улице оборачивались мне в след. И мне казалось, что все в этом городе знали о моем чувстве. Я улыбалась случайным прохожим и они тут же подхватывали мои улыбки

следом. Все мои сослуживцы стали для меня самыми добрыми хорошими друзьями. Господин Анрук, заметив мое состояние (только слепой бы не заметил как я свечусь), хоть и хмуро, неодобрительно посматривал на меня, но так же не мог не заразиться улыбкой в ответ.

А несчастлива... Рано или поздно волшебство должно было кончиться. Король заставляет канцлера жениться. И давно подобрана невеста. А я... Я не смогу жить на два сердца. Видела, что Эдвард привязался ко мне, видела, как вспыхивают его глаза, завидев меня, видела тепло его улыбки, обращенной ко мне. Может он меня и не любит, так сильно и беззаветно как я, но что не равнодушен — это точно. И знала, что он сделает все, чтобы еще крепче и сильнее привязать к себе, что ни за что не отпустит от себя. И хоть сейчас он меня и не трогает, это продлится не долго. Он тоже заметил мою любовь, я вижу по глазам, ее ведь трудно не заметить. Мое радостное сияние, ауру нежности, женственной мягкости и теплоты, окутывающую меня. А значит, в следующий раз, когда он меня поцелует, я просто не смогу сказать нет, не смогу встать и уйти...

Я шла в кабинет к канцлеру с твердым намерением поговорить и расставить точки. Сцепив зубы и сжав волю (точнее ее остатки) в кулак. Нерешительность засунув подальше, свою несбыточную любовь посадив под замок.

— Здравствуйте, милорд.

— Здравствуй, Вероника. Давай бумаги и присаживайся... - все как всегда, но сегодня я не буду на него смотреть глазами преданного щенка, я буду уверенная и непоколебимая.

— Милорд, мне нужно серьезно поговорить с вами, — начала я пока еще не растеряла смелость..

— Я внимательно слушаю тебя, милая, — маркиз с ласковой улыбкой смотрел на меня, прекрасно зная как она действует на меня, нехороший человек... Я нахмурилась.

— Так больше не может продолжаться. Все эти наши встречи наедине, проводы домой в карете, совместные обеды, цветы... То что у меня уже давно не осталось репутации я могу стерпеть. Все мои самые близкие люди уже не смогут укорить за беспечность и мне в общем то плевать на сплетни. Но... — я замолчала, беря себя в руки.

— Но? — вопросительно потянул маркиз, внимательно и настороженно смотря мне в лицо. Наверное почувствовав угрозу своему теперешнему благополучию...

— Отпустите меня, — я жалобно хлопнула глазами, — вы же не жестокий монстр, которому нравится наблюдать за страданиями других... Вы же видите, как я к вам отношусь. Ваш план удался, я влюблена в вас...

— Дорогая моя девочка... — начал он, взволнованно.

— Стойте! - прервала резко, подняв руку, — дайте договорить. Что дальше? У вас по прежнему есть невеста и вы по прежнему на ней женитесь. Ничего не изменилось...

Маркиз молчал. Возражений не последовало.

— Ты не понимаешь, — неуверенно произнес он, — это мой долг, долг как старшего сына, наследника рода, долг как канцлера нашей страны. Я не принадлежу себе, Вероника...

— Зато я себе принадлежу... — перебила я, — я не смогу быть вашей любовницей — для меня это смерти подобно. А работая здесь еще десять лет, все это время мы будем терзать друг друга. Зачем это вам? Вы хотите, чтобы через время я превратилась в озлобленную, мрачную ненавидящую всех и вся женщину? — это был удар ниже пояса. На это я и рассчитывала, что если маркиз хоть немного любит меня, то не сможет сделать мне больно.

— Что ты хочешь? — повеяло холодом и безнадежностью от тихого голоса.

— Отпустите меня. А если не сможете уволить, то переведите куда-нибудь в провинцию, подальше от столицы. Я перестану вас видеть и возможно, моя любовь сама умрет через некоторое время... - я почувствовала как слезинка прочертила мокрую дорожку по щеке. Оказывается я плакала, даже не заметив этого...

Мы замолчали... Маркиз откинувшись в кресле, сцепив руки с побелевшими костяшками, хмурился, размышляя. Я тихонько сидела на диванчике, смотря в окно. Тишина давила. Это была не та уютная, домашняя тишина, которая окружала меня раньше в этом кабинете. Это была предгрозовая, настороженная тишина, за которой следует буря...

— Ты разрываешь мне сердце, — начал он, — Я не могу отпустить, и не могу не отпустить тебя... Я все понимаю, Вероника, думаешь я не вижу, что твоя любовь невинная и чистая, она не сможет жить, запертая в клетке условностей и сплетен, которые окружают меня. Ты права... Ты во всем права... Я, наверное, величайший эгоист на свете, если захотел присвоить светлую искреннюю душу себе, забрать в личное пользование. Превратить тебя в подобие тех дворцовых дам, меняющих любовников как перчатки, думающих только о нарядах и драгоценностях. Прости... — он помолчал, и как будто через силу — Я отпускаю тебя, лети, моя птичка, — его потерянный глухой голос царапнул по сердцу. И уже возле двери я услышала, как маркиз тихо прошептал — а что же я буду без тебя делать?...

Проведя бессонную ночь, утром я увидела на своем столе аннулированный трудовой контракт и записку получить расчет в канцелярии. Если бы не так пусто и тоскливо было на душе, я бы, наверное, даже обрадовалась. Быстро завершив все формальности, попрощавшись с госпожой Гросс я уехала домой. Канцлер так и не появился... Ну что же, свой выбор он сделал. Пусть будет счастлив с ним...

Почти полгода прошло с того момента, как я оставила свой родной городок, тогда была середина лета, а сейчас уже во всю свою силу буйствовала зима. Двор замело и я еле пробралась к крыльцу. Мой законсервированный дом остался точно таким, каким я его помнила. Заклинание консервации тем и хорошо, что предмет застывает во времени. Правда войти в дом не смог бы никто, но зато дождь и снег проникнуть тоже не могли. Пыли не было, даже запах оставался таким же, родным и знакомым. Два дня я не выходила из дома, медленно передвигаясь из комнаты в комнату, трогая ручки дверей, глядя подоконники, и крышки столов. Я села за свой станок, но тут же вскочила, сразу оборвав мысль сплести себе сон о моей любви, со счастливым концом... Нет, пусть мне будет больно, я переживу, но ни за что не стану замуровывать свои сердце и душу во сне...

Я не собиралась долго сидеть одна в доме. У меня был план, как отвлечься от тягостных дум, и этот план давал мне надежду на обретение родных и друзей. А дело в том, что мне все-таки написал мой дед и пригласил в гости. Письмо пришло именно тогда, когда я уже потеряла веру. В нем он каялся, что плохо поступил с моим отцом и со своим младшим сыном. Оказывается дед знал, что отец женился, тот написал ему, сразу после венчания. Но что у него есть внучка, виконт не знал. Правда, когда отец погиб на войне, виконт взял себя в руки и написал моей матери письмо, с просьбой встретиться, но ответа от нее так и не получил.

Я быстро собралась, взяла всю свою теплую одежду, какая была в наличии (я же ехала на север, да еще и зимой). Усмехнулась, что все-же отправляюсь в гости к северным волкам, но, правда, не в ссылку...

Уже прошел месяц, как я живу в замке у виконта. Меня, закутанную в шубу,

запорошенную снегом, приехавшую почти ночью в замок, встретили со всей теплотой и приветливостью. Оказывается женщин в замке было не много и мое появление скрасило их суровое мужское общество (как мне поведал по секрету дедушка).

Баронесса, моя бабушка, давно умерла, более десяти лет назад. Долго болела, так и не смогла оправиться после известия о гибели младшего сына. Старший сын, наследник титула, Роджер женился на смешливой белокурой женщине Марте, и у них уже было трое сыновей. Средний был моим ровесником. А старший сам собирался уже скоро обвенчаться с дочерью соседа. Так что из женщин в замке была только жена моего дяди Рождера. Мы быстро подружились. Женщина сразу оценив мой грустный и потерянный вид, тихонько спросила «Разбитое сердце?». А когда я молча кивнула, ласково погладила по волосам и поцеловала в щеку. «Ничего, все образуется, время — лучший лекарь», — прошептала она.

Я рассказала о себе (ну почти все), о моей жизни в провинции, моем даре, о том, что я плету сновидения и мальчишки тут же наперебой начали выпрашивать сны о рыцарях и войне. У них в семье никогда не было магического дара и на меня смотрели как на диковинную редкость. Я ответила мальчишкам, что про войну ничего не знаю, а вот про рыцарей смогу.

Но то, что я знала о рыцарях — это сказки о принцессах в замках и драконах, их охраняющих, поэтому посмотрев сон, наутро двоюродные братья ехидно скривились и бросили — «Девчачьи романтические бредни». Конечно, им подавай битвы, оружие, лязг мечей, кровь рекой... Но откуда я их возьму?

Все в замке окружили меня заботой и вниманием. За столом мне все подкладывали в тарелку лучшие кусочки (ах, ты такая хрупкая и худенькая!), на мои возмущения, что мол, я всегда была такая, никто не обращал внимания. Пригласили портних, чтобы приодели бедную девочку (меня опять никто не хотел слушать). Родственники решили организовать бал и позвать всех соседей для представления им меня как ново обретенной внучки. Я отбивалась, как могла — не хочу бал (так как последний еще стоял у меня перед глазами). Но опять обошлись без моего мнения. Да... Куда мне против такого напора многочисленных родных. Племянники взялись учить меня фехтовать. Дед брал с собой на псарню, где разводил ездовых собак (по мне так им больше подходило определение волков)... Марта тащила с собой разбирать запасы на зиму и учила управлять хозяйством (мне то это зачем?). Короче у меня не было ни единой свободной минутки, чтобы погрустить... Только ночи... Но после уроков фехтования и езды на санях с упряжками я падала мертвая на кровать, так что плакать и стенать было некогда.

Дедушка настаивал, чтобы я осталась у них жить на всегда.

Оставайся у нас, Вероника. Что тебе делать одной в доме? Здесь вся твоя родня. Мы любим тебя, найдем тебе жениха. Ты такая красавица, все парни вокруг будут у твоих ног.

Я тоже люблю вас, — всхлипывала я, растрогавшись, но пока я не давала окончательного ответа. Я тосковала по дому, по ткацкому станку, по работе. Но больше всего, конечно, по маркизу. По нашим вечерам в его кабинете, по доверительным разговорам, непринужденному смеху, и конечно, по его нежным, ласковым рукам и губам. Только Марте по-секрету, я поведала имя человека, по которому болит мое сердце. Она горестно покачала головой и сказала «Лучше тебе забыть его, такие никогда не женятся по любви». Я вздохнула «Знаю».

И когда соседи, приехав к нам, привезли свежие столичные новости, я тихонечко и незаметно удалилась в свою комнату, что бы поплакать в одиночестве. Назначена дата

свадьбы и через месяц в главном соборе столицы состоится главное событие года — венчание канцлера нашей страны маркиза Эдварда де Антеро.

Как я прожила следующий месяц? Знает одна богиня. Марта осторожно намекнула мужу и свекру, что лучше не упоминать имя канцлера при мне. В замке виконта со мной стали обращаться как с тяжело больной. Пока, наконец, мне это не надоело. За обедом я разошлась не на шутку, сказав, что пора готовиться к балу. Увидев удивленные лица, заявила — «Вы же обещали!» Меня радостно поддержала Марта (в глубине души ей наверное хотелось дочку, но увы) и взялась за организацию со всем пылом нерастраченной материнской энергии. Бал был приурочен к празднику середины зимы.

Из окна моей спальни открывался просто ошеломительный вид — белая сияющая пустыня простиралась на сколько хватало глаз, чистое яркое покрывало, окутывающее землю. Марта поведала, что на празднике будет много разнообразных конкурсов и гуляний. Езда на санях, упряжках, спуск с горки, постройка снежных крепостей и войны снежками. Мне должно понравится... Ее сыновья радостно вторили — «Конечно понравится!».

И мне, действительно понравилось.

Я спрятала в самый дальний уголок сердца и заперла на ключ, свою несчастливую, безнадежную любовь. Как незаживающая открытая ранка, она кровила и сочилась болью, не давая забыть о себе. Не смертельная по своей сути, но болезненная и увы, неизлечимая.

Даже улыбаясь и играя я ощущала, как где то на краю сознания этот рубец нарушал мою внутреннюю гармонию постоянным зудом, не давая полностью расслабиться и отдаться веселью. Неужели так будет всю жизнь? «Нет, — отвечала мне Марта, — поверь, время лечит»... И я ей верила... Иначе, если это не так...

А после бала в замок нескончаемым потоком потянулись молодые люди, знатные и не очень, выражая мне свое почтение и приязнь. Букетам (где они их только раздобыли зимой?) в гостиной уже не было места. Марта посмеивалась, а дедушка важно надувал щеки, ответственно отбирая кандидатов в зятья. Я только грустно улыбалась. И никого не обнадеживала...

Заканчивался второй месяц прибывания в гостях. Я не задумывалась о плохом, и потерялась во времени, но где то внутри сидели маленькие злобные часики, жестоко и беспощадно отмеряющие дни и минуты до свадьбы канцлера.

И когда наступил этот день, я просто заперлась на сутки в спальне и целый день сидела у окна, глядя на белую пустыню вокруг замка, повторяя «Все будет хорошо». Это здорово, что я здесь, а не дома. Славно, что меня окружают родные люди, а не пустой особняк. Прекрасно, что до столицы сотни миль и заснеженные сугробы Потому что, оказалось, я не такая уж и сильная... Потому что, в голову приходили иногда совсем недопустимые и абсурдные мысли — бросить все и поехать к маркизу, сказать «да» на его предложение и быть с ним рядом хотя бы так, как возможно... Содержанкой...

Прошла неделя и мои опухшие красные глаза, наконец, пришли в норму. Я опять смеялась и каталась с горки, опять кормила собак и барахталась с ними в сугробах. Опять лепила с братьями снежные крепости и снеговых баб. И стало почти все, как раньше.

Мы с Мартой и старшим братом Андре (названным в честь моего отца) наконец

съездили в гости к соседям, будущим родственникам. Андре проводывал невесту, а Марта обсуждала с тестем организационные свадебные вопросы, пока молодые шептались в уголке. А меня взяли за компанию, чтобы не скучала дома... Обрато приехали довольно поздно, зимнее кратковременное солнце давно село и к замку подъезжали уже с факелами. Во дворе темной громадиной стояла незнакомая карета с четверкой вороных. «Гости пожаловали», — недовольно пробормотала уставшая за день Марта...

Мы шумно ввалились в гостиную, на ходу сбрасывая слугам шубы и снимая перчатки, застыли на пороге. В гостиной стояла непривычная, предгрозовая тишина. Возле камина мрачно уставившись друг на друга сидели трое моих самых дорогих людей. Пристально и неприязненно дедушка буравил взглядом небрежно раскинувшегося напротив маркиза Эдварда де Антеро. Дядя Роджер так же не лучился дружелюбием. Скептически поджав губы, напряженно сидел в кресле, сжимая подлокотники.

Я нашла в себе силы тихо присесть в реверансе.

У нас гости? — нарушила тишину вопросом Марта, видя, что никто не собирается представлять визитера. Маркиз с непроницаемым лицом встал и поклонился, скользнув по нас взглядом.

Позвольте представиться, баронесса. Маркиз Эдвард де Антеро. Приехал сегодня по неотложному делу, — скороговоркой выпалил канцлер.

Очень приятно, милорд. Вы ужинали? — Марта, единственная вспомнила о приличиях.

Нет. Но я не голоден. Спасибо. Я приехал поговорить в виконтом, но здесь меня встретил прохладный прием, не понимаю, чем я заслужил такую неприязнь, — твердо сказал маркиз.

Ах не понимаете! — сквозь зубы прорычал дедушка.

Стойте, стойте! — воскликнула Марта, — уже поздно, вам, милорд, приготовят комнату, отдохнете с дороги, а завтра утром и поговорим, — правда? — они мило улыбнулись свекру.

Ладно, — бросил дедушка, — располагайтесь, — и хмуро язвительно добавил — будьте как дома.

Все это время я тупо стояла у порога, комкая в руках шарф. Зачем он здесь? Почему приехал? Неужели опять предложить мне стать любовницей и увезти в столицу. Ведь только неделю назад состоялась свадьба маркиза. Дико разболелась голова, сердце стучало как сумасшедшее, я тихонечко прошмыгнула на лестницу, ведущую в мою спальню... Надо ли говорить, что ночью я так и не сомкнула глаз?

Завтракала я в комнате. Марта зашла ко мне в спальню и предложила не высовываться, пока мужчины не поговорят. «Потерпи, Вероника, все скоро станет понятно». - гладила меня по волосам женщина. Я сидела, как напряженная струна, готовая лопнуть.

А когда слуга передал нам приглашение от виконта присоединиться к ним в библиотеке, первая сорвалась с места. «Не спеши», — придерживала за руку Марта, «спокойно, чинно идем». Как я могу спокойно идти, когда внутри все дрожит мелкой дрожью, а сердце бьется как ненормальное?

В кабинете нас встретила тягостная атмосфера. Дедушка сидел в своем кресле за столом, нервно перекладывая бумаги. Дядя раздраженно ходил взад в перед по кабинету. Только Антеро спокойно ровно стоял у камина, с таким лицом, как будто это они у него в гостях.

Увидев нас виконт не стал долго тянуть и выпалил Вероника, маркиз только что попросил меня твоей руки.

Я застыла ошарашенная.

Но, он же...

Нет, — перебил канцлер, — месяц назад я разорвал помолвку и уехал из столицы. А все это время я искал тебя по стране, пока не связал твою фамилию и род виконтов Арсон из северной провинции...

Я растерянно молчала. В голове билась единственная мысль «Не женился! Свободен!»...

Я конечно интересуюсь твоим мнением, Вероника, для этого тебя и пригласил сюда, — начал опять говорить дедушка, — но как умудренный опытом человек, заявляю, что ты бы могла выбрать более достойного кандидата в мужья.

Я смущенно опустила голову и покраснела. Дедушка добавил.

Вот сын барона Туи вчера просил твоей руки, прекрасный молодой человек...

Какой еще молодой человек??? — зарычал маркиз, и впервые, за все время нахождения здесь повернулся ко мне, делая шаг на встречу.

С нашей последней встречи прошло два месяца, Вероника. За это время ты не смогла бы забыть меня.

Я заторможено кивнула и подумала «Конечно, не смогла бы».

Значит ты все еще любишь меня? — опять шаг ко мне, пристально смотря в глаза.

Я опять кивнула «Конечно люблю, даже не сомневайся».

Значит ты выйдешь за меня замуж? — последний шаг, и его глаза внимательно и испытующе впились мне в лицо.

Я кивнула болванчиком в последний раз, замороженная его напором, силой, настойчивостью.

Любимая, — с облегчением выдохнул маркиз беря меня за руку. Победно обернулся к дедушке и произнес.

Теперь препятствий нет? Мы сможем обвенчаться в вашем храме завтра?

Марта пылко обняла меня и поцеловала. «Поздравляю, Вероника, я очень рада», — прошептала она. И кивнула мужу, показывая головой на выход. Дед, кряхтя встал из-за стола и оставляя нас вдвоем в библиотеке, уже возле двери проскрежетал, обращаясь в никуда.

Ну почему самые замечательные девушки достаются таким негодьям?

Мы синхронно посмотрели с маркизом друг на друга и рассмеялись... Когда хлопнула дверь, Эдвард не стал долго раздумывать, подхватил меня на руки и посадил на диван, крепко обняв.

Милорд, — начала я смущенно, — а вы мне так и не сказали любите ли вы меня...

Девочка моя, как ты можешь сомневаться в моей любви, если ради нее я отказался от титула герцога, рассорился с отцом, королем, бросил пост канцлера и уехал со столицы... Конечно же, я люблю тебя.

Я ошарашенно на него посмотрела.

Вы поссорились с отцом? — сказала я расстроено, — и с королем? Из-за меня? Ужас какой!

Ничего страшного, Вероника. На самом деле я страшный эгоист, — улыбнулся он расслабленно, — я пошел против них только ради себя самого. Ради своего сердца и своего счастья...

Я все равно огорченно вздыхала. Как же так...

Понимаешь, Вероника, — тихо произнес маркиз, — я мог бы заковать себя в броню гордыни и ненависти. Мог бы отдать все силы, эмоции, разум, чувства служению отечеству. Запереть свое сердце в клетку и жить без него, оставшуюся жизнь. Благо пример отца перед глазами. Существовать рядом с нелюбимой женщиной, спать с ней, для зачатия детей. Может быть я бы и полюбил их... Но лучше я буду любить наших, правда, моя нежная?

Слезы покатались из моих глаз.

Не плачь, любимая... — поцелуй в волосы, — Правда теперь тебе никогда не стать герцогиней, прости, — попытался пошутить Эдвард, — отец лишил меня наследства и титула.... - нежный поцелуй в висок, — Но нам хватит и титула маркиза. Правда? Да и я не бедный, в нашем распоряжении будут два больших поместья и замок, доставшийся мне от бабушки. Так что наши дети будут обеспечены...

Да при чем тут титул, земли? — пробормотала я. И уткнувшись ему в грудь, всхлипнула:

А я уже не надеялась... Неделю назад должна была состояться ваша свадьба и я... — тут я окончательно расклеилась и зарыдала в голос, судорожно вздрагивая и размазывая слезы по лицу. Меня укачивали, гладили, шептали ласковые слова. Но, видимо, напряжение последних дней вымотало меня совершенно и я отключилась.

Свадьба была.... Одним словом, быстрой. Марта подобрала мне наряд, но видя моей нервное заторможенное состояние не стала настаивать на церемониях и обрядах. Нас спешно обвенчали в храме, на территории замка. Потом, помню был пир, где я тупо сидела за столом рядом с маркизом, без единой мысли в голове, вцепившись в его ладонь. Потом нас отвели в спальню и оставили одних. Я впервые за день взглянула Эдварду в глаза. Они сияли. Да, наверное, счастьем. Не знаю, как я выглядела со стороны, но по тому, как смотрел на меня муж, мной, наверное, можно было освещать ночью улицы. Мы одновременно, не сговариваясь, начали стягивать друг с друга одежду. Я жалобно стонала от нетерпения, мои неумелые пальцы, только путались в его пуговицах и завязках, его руки были более умелые и быстрые. Я отогнала прочь чуть оформившуюся мысль....

Потом... Было даже лучше, чем я помнила по сновидению... Более ярко, насыщенно, более остро и сладко.

Отдышавшись, Эдвард улыбнулся.

Наверное я единственный человек на свете, который лишил невинности свою жену дважды... Я смущенно спрятала свое лицо на груди, вдыхая его неповторимый мужской запах.

Нас никто не тревожил. Завтрак приносили слуги и оставляли под дверью. А когда мы спускались к обеду, с сцепленными в замок руками и искрящимися счастьем глазами, родные на нас только весело посматривали и прятали улыбки. Эдвард постоянно трогал и гладил меня, как будто не мог выпустить из своих рук ни на секунду. Двоюродные братья ехидно перемигивались за столом. Марта искренне и тепло улыбалась. Дедушка тихо не злобно, ворчал на счет молодых, глупых новобрачных.

Я все время пребывала в каком-то сонном, ленивом оцепенении. Оглушенная неожиданно свалившимся на меня счастьем, я смотрела на мир через розовую дымку, и все вокруг казалось нереально прекрасным. Эдвард сказал, что у него был жуткий стресс, когда он на миг подумал, что потерял меня. И теперь этот стресс нужно лечить моим близким присутствием. «Идеально, конечно, было бы носить тебя на руках», — прошептал он мне на ухо, — «но, боюсь, твои родные не поймут».

Я лежала сверху на моем муже и выводила слова ноготком по широкой груди. За окном завывала метель, за спиной жарко пылал камин, сверху на меня были накинуты еще два пуховых одеяла. В теплом коконе рук, обнимающих меня было уютно и спокойно. Мы разговаривали, любили друг друга, дремали, нежась в объятиях, тихонечко мурлыча, опять разговаривали...

Эдвард рассказывал, как его бабушка, герцогиня Доремби, учила его танцевать. С того момента, Эдвард возненавидел все танцы на свете до конца жизни, и впервые за долгие годы, изменил своему обету, пригласив меня на том балу. Я улыбалась, давно уже ощущая бедром его возбуждение. Хихикала про себя, пытаюсь узнать границы его терпения, отвлекая разговорами.

Я, наверное, глупая, — прошептала смущенное и видя вопросительный взгляд мужа, добавила, — мне иногда так страшно...

Страшно? Почему?

Я порой боюсь, что сплю, и это мне снится. Ты, свадьба... Знаешь, Эдвард, самое жуткое мое желание было сплести сон о нашей любви со счастливым концом... Я даже однажды, чуть было не села за станок... И сейчас я просыпаюсь в холодном поту и щиплю себя за руку, проверяя, не сон ли это... Эдвард взволнованно начал целовать мокрое от слез лицо, шепча «Любимая, хорошая моя, родная», убеждая единственным доступным ему способом, что это реальность. А когда я успокоилась хрипло сказал:

Я думал, что лучше, чем в том сне, со мной ничего не было, я ошибался... Ты бы знала, что произошло в то утро, когда я проснулся, а тебя нет рядом. Я бросился искать, как одержимый, думал ты ночью сбежала из спальни... Перерыл дворец, но все слуги, как один твердили мне, что ничего не знают о белокурой девушке в голубом платье... Я перевернул верх дном спальню, надеясь найти хоть какое-то подтверждение твоего существования... И нашел платок.

Эдвард сильно вздрогнул и крепко прижал к себе.

— И теперь, дорогая жена, придется расплачиваться за месяцы моего вынужденного воздержания, - прошептал Эдвард, одним движением переворачивая меня и накрывая горячим телом. Я тут же потянулась к нему всей своей сокровенной сутью, обвивая руками и ногами как лиана, цепляясь, за своего единственного в мире мужчину.

Мне кажется именно тогда, под завывания вьюги, в доме виконта Арсон мы и зачали нашу дочь, прекрасную малышку Аннабель. Когда я узнала, что беременная, у меня не было ни единого сомнения, что это девочка. На удивленный вопрос мужа «Почему?», я ответила, что наш семейный магический дар передается только дочерям, и они традиционно первенцы.

Домой, в замок маркиза де Антеро, мы поехали через две недели после свадьбы. Покидая родных, я клятвенно пообещала приезжать в гости к виконту. Только обязательно теперь летом.

Поместье Эдварда де Антеро располагалось далеко на юге. Ехать пришлось долго, поэтому мы попутно остановились пожить в моем провинциальном городке в старом дедушкином доме. Я показала мамин вышивки с оживающими цветами, мой станок, любимые игрушки. Но спустя месяц, с началом весны мы опять тронулись в путь... Замок встретил нас неприветливо. В нем долго никто не жил, он одряхлел и зачах без любви и тепла. Пришлось приводить его в порядок, где ремонтировать, где просто хорошо убрав, выбив пыль и остатки плохих эмоций, застрявшие в коврах и гобеленах. И очень скоро,

замок расцвел, наполнился светом и теплом, людьми. Окруженный бесконечными виноградниками и цветущими садами, мне он ужасно понравился. А через девять месяцев дом огласился громким пронзительным криком, возвещая миру, что родилась еще одна представительница рода Антеро...

Через год с небольшим мы все-таки поехали в гости к виконту Арсон. Теперь уже летом. Наша девочка обладала поистине чудовищным обаянием и шармом. Видя группу незнакомых людей в гостиной (встречавших нас дедушку, дядю Роджера, Марту, их сыновей), это чудо природы протянуло радостно ручки и заорало «баба»! (Это уже потом я извинялась, и рассказывала, что единственная знакомая ей пожилая женщина в нашем замке была кухарка, и та ее научила этому слову, в обмен на леденцы на палочке)... Папа и мама, кстати, Аннабель выучила гораздо позже. Муж называл нашу дочь самым страшным стратегическим оружием нашей семьи. Против ее напора не устоял еще никто. Поэтому и виконт Арсон сдался тут же, подхватывая правнучку на руки и унося к дивану, внимательно слушая ее ломаное щебетание о поездке, карете, лошадках и прочее-прочее... А нам махнул рукой и заявил, идите в свою спальню, она приготовлена и занимайтесь тем, что у вас лучше всего получается. На наш удивленный взгляд ответил «Детей делайте! Они у вас замечательные выходят». Мы улыбнулись и послушались...

А потом у меня возникла сногшибательная мысль, что наше страшное семейное оружие можно применить, выиграв еще одну войну. На удивленный вопрос мужа «Какую?», я ответила «У нас же есть еще один дедушка! И он тоже не устоит»... «Ты знаешь, любимая, — произнес задумчиво Эдвард, — я начинаю бояться... Что же будет, когда Аннабель вырастит? И что за дар у нее откроется?»... «Готовься, папа» — весело сказала я...

Конец

Половина моего сердца.

— Хватит, Аннабель! Ты никуда не поедешь! — в пятый раз за сегодняшний вечер произнес канцлер нашего государства и по совместительству мой отец. И еще припечатал своим фирменный «канцлерским» взглядом из-под бровей. Сердечко боязливо дрогнуло... Не то, что бы я боялась... Я прекрасно знала, что папа ничего плохого мне не сделает, но пробрало до печенок... «Бедные подчиненные, — подумала я, — и как они с ним работают каждый день?»..

— Ну, пап... — попыталась разжалобить отца, слезами и невинным хлопаньем ресниц... Не помогло. Папа уже давно не реагировал на мои приемы и уловки. Наверное лет, этак с двенадцати... Перебрала быстренько в уме набор разных девчачьих штучек из арсенала «Слезы», «Капризы», «Тяжелый вздох», «Надутые губы», «Укоризненный взгляд», «Жалобное сопение», «Обида и молчание на пару дней»... Все не то, уже не берет... Оставался последний козырь, почти беспрюгрешный — «Мама»... Но она, как назло сегодня уехала на весь день к братьям в Роклдел, закрытую престижную школу для аристократов. «Мальчишки» учились там уже четвертый год. Точнее шестнадцатилетний Макс учится четвертый, а младший мой братик Томас второй... Отпускали их только по праздникам и на пару выходных раз в месяц... А я, как старшая сестра должна была быть для них примером для подражания... Ага, тот еще с меня пример... Если во дворце случился какой-нибудь переполох или чрезвычайное событие, знайте — без меня не обошлось...

«Ну почему у меня не белокурые волосы, и не голубые глаза, как у мамы?» — вздохнула мысленно я... Стоит ей только посмотреть на папу с укоризной, тот становится ласковым и послушным, как котенок... В детстве я так сильно хотела быть похожей на маму, что верила, когда вырасту, мои каштановые волосы побелеют, а карие глаза превратятся в небесно-голубые. Чушь. Уже в пять лет я была копия папа. Такая же темноволосая и темноглазая... Но верить то хотелось...

— Па, мне уже восемнадцать, даже восемнадцать с половиной, — с гордостью заявила я, — вот мама в моем возрасте жила одна и сама зарабатывала себе на жизнь. Вы же сами мне рассказывали, — я попыталась зайти с другой стороны.

— Мама в восемнадцать лет осталась круглой сиротой, или по-крайней мере так считала, и ей пришлось работать, что бы не умереть с голоду, — ровно произнес папа, мимоходом просматривая какие то бумаги, — тебе, слава богу, это не грозит...

— Ну папа... — шмыгнула носом, — я все продумала уже... Еще вчера... Я буду жить в мамином домике, в Гримли, вы же там все отремонтировали, он стоит пустой уже сколько лет... Ну пожалуйста... Я хочу попробовать самой зарабатывать на жизнь...

— Бель, — устало произнес канцлер, — пустой дом, в незнакомом провинциальном городе не место для молодой восемнадцатилетней девушки, не умеющей даже завтрак себе приготовить самостоятельно. И не смотри на меня так, ты знаешь, твои взгляды и хлопанье ресниц на меня давно не действуют... Все, разговор окончен, мне нужно работать, — махнул рукой папа...

«Ничего, папочка, — злобно фыркнула я, — еще никому не удавалось сбить меня с пути, если я что-то задумала. Я упрямая. Все в тебя...»... Но уже поняла, что сегодня разжалобить папу не удастся. Дождемся маму и попробуем завтра... Сделав вид незаслуженно обиженной, посопев и жалобно хмыкнув, вышла из кабинета с гордо-поднятой головой и поплелась к себе в комнаты. А все из-за моей внезапно вспыхнувшей идеи попробовать себя на поприще самостоятельности, случайно пришедшей мне вчера вечером в

голову. Не скажу, что родители держали меня в черном теле. Совсем нет... Мне разрешали многое. Правда, мама всегда повторяла, что чуть было не упустила мое воспитание, но я ей не верю. Я была почти что идеальным ребенком... Сколько я себя помню, меня очень любили. Родители, дедушки, бабушки, тети, дяди, кухарки, горничные, и даже папины коллеги, когда я прибегала к нему на работу в канцелярию, широко улыбались мне и пытались подсунуть то яблочко, то пирожное, то конфетку.

Я была еще очень маленькая, когда мы переехали в столицу. Папу назначили канцлером нашего королевства. Я почти ничего не помню о дороге, мне было года четыре, а моему младшему брату Максиму недавно исполнился годик. Мы долго ехали, я капризничала, Макс плакал. Мама с папой ворковали над ним, я мне никто не уделял внимания, это обижало... Потом мы поселились в папином особняке в столице, и там уже через год родился мой младший братик Томас. Папа много работал на короля, его почти никогда не было дома. Но всегда приезжал вечером и привозил что-нибудь. Или игрушки, или сладости, или цветы маме.

В детстве мама мне представлялась сказочной принцессой. Самой красивой и замечательной на свете. Добрая, нежная, хрупкая, она творила волшебство каждый день своим нежным голосом, ласковыми руками, солнечной улыбкой. Наш дом был самым приветливым и гостеприимным в столице. И конечно же, рано или поздно она очаровала и короля с королевой. Хотя, мне рассказывали (слуги по секрету), что в самом начале король был против того, чтобы папа женился на маме. И даже дедушка! Мой самый дорогой и щедрый дедушка-герцог был против! Я, конечно, не поверила... Как маму можно не любить? Но дед признался. Смущенно опустив голову он рассказал, что даже лишил папу наследства. Правда потом, когда познакомился с мамой и со мной, поменял свое мнение... Я с ним не разговаривала после этой новости целый день. Но вечером, после подаренной новой куклы, конечно я его простила, и попросила больше никогда не лишать папу наследства, да и маму за компанию, тоже. Дед серьезно пообещал... Он рассказал, что когда мои родители приехали к нему знакомиться, он не вышел к ним в гостиную, а грозно ожидал их в своем кабинете, сидя в кресле. И когда мы втроем вошли, дед был настроен очень негативно. Отец женился вопреки его воле и герцог был очень зол... Но я (мне в то время было около трех лет), как только мы зашли, нетвердыми шапками потопала к креслу. Молча забралась к нему на колени, удобно устроилась и дернув деда за воротник, серьезно произнесла «А когда меня будут кормить? Я хочу рыбки! И чтобы без косточек. Они кусаются». Дедушка сказал, что до сих пор помнит эти слова. Он тогда так опешил и растерялся, что произнес «Конечно, сейчас прикажу кухарке готовить»... Его броня растаяла как снег на солнце.... Герцог Доремби был душкой. И почему его боялись слуги и сыновья?... Со мной он всегда был самым лучшим и добрым. Всегда задаривал подарками и сладостями. Катал на лошадках, позволял барахтаться со щенками и котятками в кровати. В его замке мне позволялось абсолютно все. У меня были куклы, одетые в шелковые платья, расшитые жемчугами, а бриллиантовые заколки сверкали в их волосах. У моего пони была серебряная сбруя и расшитое драгоценными камнями седло. А на обложках книг, по которым я училась читать сверкали вышитые золотом буквы. Мама частенько отпускала меня к деду в его замок, почти все ее время отнимали мои малолетние братья.

Но когда, однажды, они с папой приехали и увидели тот бедлам, который я творила в дедушкином замке, взялись за меня всерьез. Потом мама говорила, что еще бы чуть-чуть и

меня бы разбаловали окончательно, и ей бы ничего больше не оставалось, как браться за ремень. Вот тогда то, лет в десять, моя вольготная жизнь и кончилась. Родители забрали меня в столицу и взялись за воспитание. Наняли гувернанток, учителей музыки, рисования, танцев. Неподвижно сидеть часами я не любила, и при первой же возможности сбегала с уроков. Но ровно до того самого момента, пока об этом не узнали мама и папа. После я стала учить таблицу умножения и географию во сне... Да! Я же не рассказала самого главного! В нашей семье, от матери к дочери передается уникальный магический дар. Моя мама, например, плела сновидения. Она умела сотворить чудо своими маленькими ручками, и сказки мне с братьями в детстве рассказывали именно так, во сне... Но потом, когда каждую ночь я стала учить математику и биологию вместо того, чтобы наслаждаться яркими красочными снами, я взмолилась и пообещала больше не сбегать с уроков...

Мы уже давно жили во дворце. После того, как королева назвала мою маму лучшей подругой (на самом деле единственной, так как королева была еще та карга, мы с подружками ее так и называли за глаза), и сделала ее главной фрейлиной, нам пришлось переселиться из нашего особняка во дворец... Мама умела очаровывать всех вокруг, кого улыбкой, кого добрым словом, кого мягкостью и кротостью... На балу с папой они были только вдвоем. Родители были прекрасной парой. Их окружала нежная аура любви и какой-то сокровенной тайны. Как будто только они знали секрет настоящего счастья. Каждый хотел немного прикоснуться к этому чуду, но мой папа сторожил свое сокровище и никому не позволял даже приблизиться к маме. Кроме друг друга они никого не видели, им никто не был нужен... Даже королева, пытаясь забрать маму от папы терпела неудачу... Мама потом нам с братьями рассказывала, что с папой она познакомилась на королевском балу, и поэтому эти вечера только для них...

Я подсматривала за ними с балкона. Нас, детей, на балы не пускали, и нам приходилось тайком забираться на верхний ярус, где сидели музыканты, и сверху наблюдать за чудесной восхитительной сказкой, разворачивающейся внизу. Я любовалась прекрасной принцессой, одетой в голубое бальное платье, танцующей с темноволосым галантным кавалером — принцем... Только их я выделяла изо всей яркой толпы, только за ними следовал мой взгляд. Они были самыми лучшими — мой папа и мама...

Во дворце я сколотила свою небольшую банду. В нее вошли три мои подружки — дочери фрейлин королевы, моя двоюродная сестричка (ей так же было десять как и мне), дочь папиного младшего брата и двое мальчишек — сыновей наследника престола, внуков действующего короля. Что мы только не творили! И лягушки в супе (а что, даже был такой рецепт — я вычитала из древних книжек!), и приведение, поселившееся в восточной башне и не дававшее спать слугам, и ежики в кровати (пришлось подкупить мальчишку — конюха, чтоб достал), рисование сажей по шторам, и многое — многое другое. Шутки были разными, иногда веселыми, иногда не очень... Иногда даже совершенно неуместными и грубыми... Мне потом было до слез стыдно за них перед родителями... Помню, мама меня строго наказала, когда горничная упала и разбила нос, перецепивший в коридоре через натянутую нами нитку... А папа заставил прилюдно извиняться, когда фрейлина чуть не подавилась, съев, пирожное, начиненное острым перцем... Девочка я была активная и целеустремленная. Энергия была ключом... Копия папа. Такая же высокая, темноволосая,

гибкая и быстрая. Чуть раскосые карие с зеленою глаза, широкие темные брови, ровный нос, высокие скулы. В детстве я была похожа на нескладного жеребенка, но мама мне всегда говорила, что я вырасту красавицей... Друзья заглядывали мне в рот, слушали каждое мое слово, соглашались на самые идиотские каверзы... Было весело... Пока мальчишек — наследников из нашей банды не забрали в школу Рокддел... Со мной остались одни девчонки...

Я все ждала, когда же откроется мой семейный дар? Ведь мне уже десять, почти одиннадцать... Расстраивалась и огорчалась, что ничего не происходит. Неужели я дефектная? И у меня не будет своего волшебства? Мама меня успокаивала, что все придет в свое время... И как обычно, это случилось неожиданно.

Мы с подружками сидели на балюстраде паркового фонтана и болтали голыми до колен ногами в воде, распугивая рыбок. София горестно вздыхала. Всхлипывая рассказывала, что родители помолвили ее с каким то неизвестным ей юношей, которого она и в глаза не видела. И через пять лет она должна будет выйти за него замуж... Мы расстроились. «Все аристократки так выходят замуж», — пыталась успокоить я ее... «Но ведь тебя же не помолвили! — немного завистливо воскликнула София, — тебе повезло»...

Да, мне повезло. Мама взяла с папы слово, что мы, их дети, будем выбирать свои судьбы сами, и никаких помолвок в детском возрасте нам грозит. Я присутствовала на этом разговоре... Папин взгляд на секунду сделался виноватым и он серьезно пообещал, что не будет вмешиваться в наши сердечные дела и позволит нам самим выбирать суженого...

Я крепко-крепко обняла Софию, и гладила ее по голове...

— А вот интересно бы узнать, — вдруг пришла мне в голову мысль, — а кто твоя настоящая половинка? А может быть, этот мальчик, которого ты никогда не видела, с которым тебя помолвили и будет твоей настоящей любовью?

— Ну и как мы это узнаем? — тяжело вздохнула Софи. Мне так хотелось ее приободрить и порадовать, что я сильно-сильно пожелала узнать имя ее суженого, и тут я увидела на воде проявившиеся буквы и очертания лица... Я в шоке уставилась на воду... Генрих Канинский... Лицо было мальчишеским, серьезный подросток смотрел на меня из фонтана. Я вскрикнула и упала на спину с балюстрады. Девчонки перепугано окружили, охая, протягивали мне руки, помогая встать.

— Вы ничего не видели необычного? — осторожно спросила я...

— Нет, ты вдруг вскрикнула и упала назад, на спину...

— Софи, а как зовут твоего жениха? — поинтересовалась я.

— Эдуард, — вздохнула девочка... Я подумала «Не он»... А сама уже мысленно была далеко, размышляла и анализировала произошедшее. С девчонками мы распрощались после обеда. В библиотеке я взяла книгу дворянства и раскрыв ее на букве К, начала читать фамилии родов... Канинский, баронет. Древний, хоть и не богатый род. Самуил Канинский бывший полковник в отставке, есть единственный сын Генрих, шестнадцати лет... Я закрыла талмуд. Значит это имя реального человека. И что-бы это значило?

Всю ночь ворочалась и не могла заснуть... Сердечко стучало в преддверии грандиозного открытия... Я помнила, как страстно хотела узнать суженого Софии и успокоить ее, а вдруг ее суженный тот мальчик, с кем помолвили родители? Но в воде отразилось другое имя... Значит ли это, что отразилось имя ее второй половинки? И видела его я одна... Неужели мой долгожданный дар дал о себе знать? Я пока боялась даже загадывать. Нужно было еще потренироваться... Что я собралась сделать утром...

Сначала попыталась высмотреть имя своего суженного, бултыхаясь в ванной — неудача. Потом зашла к маме и попросила ее опустить руку в миску с водой. А сама прижалась к ней и обвила талию руками. «Ну и что?», — весело поинтересовалась мама, выполняя мою просьбу. Я мысленно проговорила вчерашнее пожелание и о чудо — в миске отразилось лицо папы и имя — маркиз Эдвард де Антеро. «Мама, мама!» — заорала я, — «Мне кажется, у меня наконец пробудился дар»...

В течении следующий нескольких месяцев я тренировалась на всех, до кого могла дотянуться. Все во дворце знали свои истинные половинки. Ну и то, что половина народу уже были женаты, и не на них... Только у мамы с папой, сколько бы я раз не просила опускать руки в воду все время на воде вырисовывались имена друг друга... После каждого такого раза руки папы мимо воли тянулись обнять маму и в их глазах, глядящих друг на друга вспыхивали яркие огоньки. Имя своего суженного я так и не смогла прочесть. На мой горестный вздох, мама рассказала, что наш собственный дар не работает для нас самих, и иногда выдает совсем не те результаты, что загадывались. При этом она как то таинственно улыбалась... Пообещала, что расскажет, когда вырасту. Вот так, в одиннадцать лет, наконец, я и открыла свой дар.

Мой талант позволял найти человеку его настоящую, истинную любовь, вторую половинку, того человека, который будет идеальным выбором из всех людей, живущих на земле... Имя и лицо отражались в воде, и обязательно тот человек, которому гадают, должен был опустить в нее какую-либо часть тела. Руку или ногу... Это было в начале. Постепенно я освоила разные способы, и теперь достаточно было поместить в воду что-нибудь телесное — локон, каплю крови, слюну. В основном, конечно давали волосок, если нужно было погадать кому-то, кто не может прийти ко мне. Я, на радостях, что у меня открылся дар, гадала всем без разбору. Сначала я рассказала всем моим подружкам об их судьбах (девчонки побежали к родителям с именами, на что те отмахнулись — помолвки почти со всеми уже были заключены, никто их разрывать не собирался). Потом погадала всем незамужним горничным и кухаркам. С обыкновенными простыми людьми было гораздо проще. На моих глазах наша горничная Мари вышла замуж за сына пекаря. Ей повезло, ее избранник жил здесь же, в столице. Я назвала его имя, описала лицо, а уже адрес выпытать у нашего придворного мага было делом времени... Я упростила маму дать ей немного денег и направила в ту самую булочную, купить пирожных. Мне было ужасно интересно, что же выйдет с моего дара. Будут ли они счастливы?... Как оказалось, только Мари увидела парня, то влюбилась с первого взгляда. Пекарь был так же не меньше поражен и заинтересован. Через месяц сыграли свадьбу, а через год они вдвоем с сияющими от счастья лицами, пришли меня благодарить с первенцем на руках. Я была страшно горда. Вот оно — первое подтверждение истинности моего дара.

После этого события все уже стали серьезнее я к моим именам на воде... Но все равно было обидно. Возможно только несколько аристократов, которым я назвала имена их половинок, прислушались ко мне и соединили свои судьбы. И то, только потому, что те девушки или парни были по богатству и титулу вровень с ними. А в основном, оказывалось, что или они помолвлены, или их половинки. Или девушка или парень были бедны и стояли ниже на социальной лестнице. Например, брату короля герцогу Травису повезло, я назвала ему имя девушки из нашей страны, правда из обедневшего рода, но все-таки дворянки. Он поехал на нее посмотреть... Я уже обрадовалась, что все сложится удачно, но через полгода герцог все же женился на богатой аристократке из соседней страны, а с той девушкой стал

жить как с любовницей. Я ужасно расстроилась. «Как же так можно?» — плакала я у мамы на груди, — «Они же могли быть так счастливы, а он... женился на этой богатой уродине.» Мама тяжело вздыхала и ласково гладила меня по голове «У каждого свой путь, — шептала тихонько она, — и каждый выбирает для себя, быть ему счастливым или нет»...

С другой стороны, мой дар никогда не выбирал принцу — крестьянку, а кухарке — дворянина. Потом мама объяснила мне, что люди не могут влюбиться друг в друга, если они воспитывались по разному, или у них разные интересы, предпочтения, разное воспитание. Это просто будет насилием над природой. В двенадцать лет мне это было непонятно... Но повзрослев, я уразумела, что она пыталась мне втолковать. Не может парень, всю жизнь проработавший в поле, не грамотный, не умеющий читать и писать быть счастлив с графиней, которая знает четыре языка и играет на арфе... Поэтому магия и соединяла в себе абсолютно все предпочтения, и воспитание, и красоту, телесную и внутреннюю, душевные порывы, общие интересы, увлечения, стремления... Все это и еще много всего другого, что я даже не могла сформулировать в свои года...

Только однажды я столкнулась с непонятным событием. Когда я назвала имя суженой своему среднему брату Максу, тому было всего восемь. Через семь лет я еще раз погадала ему и имя поменялось. Я побежала к маме жаловаться. Что могло случиться?

Мама пообещала все разузнать об этих двух девочках. И через неделю я услышала неутешительную новость. Оказывается магия выбирает суженого в данный момент, ориентируясь на настоящее время и возможное будущее. Если случается в жизни кого-то из двоих что-то экстраординарное, что сильно влияет на его судьбу, то имя может тоже поменяться. Первая девушка Лидия, дочь графа, в пять лет случайно упала с пони и сломала ногу. Все было бы ничего, подумаешь — немного прихрамывает. Но она обвинила весь мир в своей травме, родителей, богиню, подружек, лошадку. И через шесть лет из милой хохотушки она превратилась в озлобившуюся на весь мир девушку. Которая кричала на родителей и третировала слуг. Она теперь вообще не выходила из замка на улицу, сидела в своих комнатах и дулась. Бедные родители сначала потакали ей во всем, жалели и позволяли, что угодно — девочка же повредила ножку. Но с течением времени масштабы трагедии росли, и сейчас они совершенно не знали, что делать с неуправляемой дочерью. Все это мне рассказала мама и мы с ней немного поразмышляли на тему разумности магии...

На самом деле, во дворце, среди аристократов, мой талант оставался невостребованным. После нескольких (подобных герцогу Травису) историй, когда мужчины женились на богатых титулованных невестах, а выбранным мной девушкам предлагали долю содержанок, я разочаровалась в своем даре и перестала гадать без разбору, как в детстве, направо и налево. Взясась за учебу, много читала, рисовала, каталась на лошадях, ходила на балы... В общем вела жизнь, как все аристократы, в праздности и безделье. Иногда гадала, но только по большой просьбе и то, если мне человек действительно нравился. Я училась наблюдать, подмечать нюансы эмоций... Если мужчина или девушка искренне хотели встретить свою судьбу, если в их глазах горел огонек азарта, надежды и веры — я с радостью бралась за дело... А если в глазах, пришедшего ко мне человека я видела высокомерие и насмешку, ледяной холод и иронию — то отказывала.

Постепенно, почти все мои подружки повыходили замуж, за избранных родителями

женихов. Ни одна так и не смогла уговорить родных, хотя бы просто познакомиться с юношей, чье имя я написала на листочке и дала каждой. Вот так бесславно умерла надежда на возможное счастье девушек... Я видела, как гаснут голубые глаза Софи, когда она выходила замуж... Мне было больно и грустно видеть ее, одетую в белое воздушное платье, идущую под руку в храм с человеком, который даже не смотрел в ее сторону, не замечал, как юна и прекрасна невеста. Мое сердце рвалось на части, видя равнодушие и холодность в глазах жениха... А дома я плакала у мамы на груди, повторяя «Зачем богиня мне дала такой дар, если он никому не нужен».

Мама обнимала меня как в детстве, гладила по спине и шептала «Все наладится, вот увидишь. Твой дар великолепен. Он очень редкий и незаурядный, просто не все люди в жизни выбирают счастье и любовь. Некоторые выбирают дорогу в зиму, одинокую и холодную. Ты ни в чем не виновата, девочка...», - мама стерла слезинки у меня со щек, — я расскажу тебе одну древнюю легенду... Когда то очень-очень давно, на свете жили цельные самодостаточные люди. Они были счастливы и благословенны... Но однажды серьезно провинились перед богами, то ли гордыня охватила, то ли высокомерие и надменность — не известно... Боги наказали их и разделили сердце и душу каждого человека на две половины. Теперь, что бы обрести настоящее счастье, людям необходимо было найти свою вторую половинку... Некоторые всю жизнь могли искать по всему свету, мучиться, но так и не найти судьбу... Твой талант чудесен, Бель... Ты способна соединить две половинки, подарить людям надежду на счастье, и даже если в своей жизни ты помогла одной паре — это уже прекрасно, ты выполнила свой долг... Вспомни, хотя бы, нашу Мари и ее пекаря.» Я укоризненно посмотрела на маму «Они могли бы и так встретиться и без моей помощи. Они жили рядом... Когда-нибудь она бы пошла в булочную и все...» «Хорошо, а Клавдий?», — улыбнулась мама, — ты же знаешь, он бы никогда не встретился со своей избранницей»... Я кивнула и повеселела... Всегда, когда я вспоминала нашего королевского мага, добродушного чудака-балагура, на душе становилось светлее.

А история была такова. В тринадцать лет я еще не разочаровалась в людях и гадала всем без разбору, радуясь своему проснувшемуся дару как ребенок. Во дворце постоянно толкалось много народу. Были в том числе на службе его величества и маги. Возглавлял магический отдел барон Клавдий Вонг. Барона ему дали недавно, за выдающиеся заслуги перед страной, а родился он обычным сыном зажиточного крестьянина, но с сильным магическим даром. Когда я познакомилась с ним во дворце, Клавдий уже был толстеньким сорокалетним весельчаком. На столичных праздниках он запускал в небо яркие фейерверки, дарил нам, малолетним девчонкам воздушные шары и летающих бумажных птиц... Своих детей у него не было, да и женат он ни разу не был. Все свои силы и время он отдавал службе королю. И мы с девчонками решили помочь найти ему невесту. Я долго за ним ходила, уговаривая мага отрезать кусочек волоса и хотя бы ноготок. Тщетно. Клавдий шутил, что он уже стар для женитьбы и ему, кроме нас никто не нужен... Но однажды, после праздника середины зимы, я со своей бандой подловила мага в коридоре немного навеселе. Мы вцепились в него, как пиявки — «Давайте мы вам погадаем! Давайте узнаем имя вашей суженной!» — хором пищали мы и прыгали вокруг него. Под таким натиском Клавдий сдался и согласился на эксперимент. Имя его суженой звучало как «донья Лидия де Рионе». И в воде отразилась очаровательная молодая женщина, с глубокими синими глазами и грустной улыбкой. Я несказанно обрадовалась и захлопала в ладоши.

— Клавдий! Ваша суженная настоящая красавица! Вы счастливый человек! Если бы ес

только увидели! Маг погрузился и враз протрезвел.

— Аристократка? Красавица? — пробормотал он ошарашенно, — ты что-то напутала, девочка. Я, крестьянский сын и сам далеко не привлекателен... Да и возраст уже... - он горестно махнул рукой и побрел прочь.

Прошла неделя. За это время по имени я узнала где живет эта Лидия. Оказывается, даже не в соседнем государстве, а еще дальше на восток. Почти месяц на лошадях, через три страны. И после того, как все тщательно записала и даже нарисовала ее маленький портрет по памяти, начала осаду мага. Сначала он шутя отбивался от нас, потом злился, но когда я стала подкидывать адрес с портретом ему в комнату, в лабораторию, класть под тарелку с супом, он сдался. Все таки был магом и верил в магию, в ее сверхъестественную силу.

— А чем черт не шутит! - заявил он мне, хлопнув в ладоши, — возьму отпуск и поеду! Хотя бы посмотрю издалека...

Через три месяца он приехал назад с женой. И устроил по этому поводу во дворце такой фейерверк, что мы запомнили на всю жизнь. Таких огромных разноцветных птиц и огненных драконов мы никогда не видели. В небе над городом распускались прекрасные цветы и яркими сверкающими громадинами плыли корабли с серебряными парусами. Клавдий выложил на весь свой огромный магический дар, без остатка, до суха. Потом сказал, что не знал, как меня отблагодарить за свое обретенное счастье...

Лидия была вдовой одного из самых богатых людей той далекой восточной страны, но счастья ей это не принесло. Дон взял ее в жены, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Жениху в то время было уже под пятьдесят. Десять лет прожила она с жестоким бездушным мужчиной... И когда, два года назад ее муж умер, она вздохнула с облегчением — наконец свободна. Так как детей маркизу она так и не родила, Лидия не имела никаких прав на наследство. Родственники покойного мужа (братья, сестры, старший сыновья от первой жены), почти заточили ее в замке, заставляя носить черный вдовый наряд и прятать лицо. За два года она ни разу не выходила на улицу и почти превратилась в бесправную служанку, целыми днями вышивала скатерти и шила белье в своей башне. А когда к ним в замок приехал Клавдий с просьбой остановиться на денек с долгой дороги, его грубо вышвырнули за ворота. Естественно, наш лучший маг королевства был в возмущении. И в лепешку расшибся, но в замок пробрался... Разузнав, где держат взаперти Лидию, не долго думая, Клавдий просто умыкнул ее из башни и решительно увез с собой. «Это был вызов моему магическому могуществу — рассказывал он нам, — я, как настоящий доблестный рыцарь, забрался по лестнице на самый верх высокой башни, охраняемой огнедышащим драконом и похитил прекрасную принцессу прямо из-под его носа». Мы слушали его, раскрыв рты, а глазенки горели восхищением и восторгом. Настоящий дракон! «А вы его видели? Вы сразились с ним?» — забросали мы мага вопросами. А он только таинственно улыбался «Конечно сразился. И победил...»...

Теперь во дворце жила еще одна пара счастливых людей. Они уже приехали во дворец мужем и женой. На границе с нашей страной скоро обвенчались в первом же храме. По началу они просто не могли оторваться друг от друга. Лидия даже сидела в его лаборатории, когда Клавдий проводил опыты, ходила с ним на магические конференции... Клавдий просто светился от переполнявший его чувств и всегда, когда меня встречал в коридоре, низко кланялся и целовал мою руку. А через год Лидия подарила ему маленькую девочку, и они назвали ее Анна, в честь меня. Меня просто распирало от гордости и самодовольства. Я стала совершенно неуправляемая. Месяц летала, как на крыльях и всем повторяла «Мой дар

работает! Как прекрасно!»... Пока мама не заставила меня прийти в себя и сесть за учебу...

Но таких вот прекрасных воспоминаний было до обидного мало. Буквально по пальцам перечесть.

И вот вчера вечером, раздумывая над бесполезностью своего дара здесь во дворце, в мою голову вдруг пришла новая мысль — нужно уехать из дворца, из столицы, и попробовать применить свой талант в отношении людей, которым действительно он будет нужен. Попробовать самой зарабатывать себе на жизнь. Ведь мама смогла, значит и я смогу!

Мысль прочно засела у меня в мозгу и не хотела оттуда уходить. Как ни странно, мама поддержала меня, и сказала, что никакого вреда не будет, если я несколько месяцев, а то и полгода поживу одна. «Пора привыкать нашей девочке к самостоятельности» — заявила она папе за ужином.

— Но, Вероника... — папа удивленно поднял голову, — ей же только восемнадцать...

— Почти девятнадцать...

— Она всю жизнь прожила в столице, и нигде не была...

— Значит, пора повидать мир, — отрезала мама. Я хитро улыбнулась... Жизнь налаживается...

— А если она не заработает денег?

— Положим на ее счет в банке, с голоду не умрет... Самостоятельность пойдет ей на пользу.

— Хорошо, — вдруг согласился папа, я закусила губу от волнения, — но мы вместе съездим в этот дом, я посмотрю, можно ли там жить... Он стоит уже десять лет после ремонта законсервированный... И на соседей посмотрю, — подозрительно произнес папа, щуря глаза.

— Пожалуйста, поедem... Давно хотела побывать в родном городе, а ты все «работа-работа»... Вот и развеемся, — тепло улыбнулась мама, и в глазах папы отразилось осознание того, что он проиграл по всем фронтам...

«Я знала, знала, что мама меня поддержит!» — пела я в свой комнате, — у меня самая лучшая мама на свете!»... В последнее время я чувствовала себя во дворце одинокой и не нужной. Год назад умер мой любимый дедушка-герцог... Я искренне скорбела и скучала по его непререкаемому командирскому голосу и добрым морщинистым рукам... Папа стал герцогом Доремби и работы ему прибавилось. Нужно было еще руководить двумя провинциями, следить за городами и поселками, заниматься хозяйственными делами герцогства... Отец работал не покладая рук, и бывал дома только поздно вечером, и почти сразу они с мамой после ужина уходили к себе. Мама проводила дни то у братьев, то у королевы, то по своим многочисленным комитетам и благотворительным собраниям, то ездила с папой по провинциям. Моя «банда» развалилась. Подружки повыходили замуж, внуки короля так же учились в Роклделе, как и мои братья... Я же много читала, рисовала, каталась верхом по дворцовому парку, немного флиртывала... У меня даже появились кавалеры. За мной ухаживали два блестящих молодых человека, но, если честно, иногда мне казалось, что они ухаживают не за мной, а за моим отцом... Один хотел сделать карьеру государственного чиновника, другой, наверное, просто породниться с герцогом... Было скучно... Но теперь... Я мысленно ухмыльнулась, — «Что мне ждет?!»...

Мамин родной городок Гримли, действительно, находился недалеко от столицы — всего полдня пути в карете. И домик показался мне верхом изящества и уюта. Небольшой дворик, новые высокие ворота, кованная узорчатая калитка. Сам дом отремонтировали десять лет назад, перекрыли крышу, заменили трубы, окна, двери, пристроили зимний сад (правда там пока ничего не росло). Перестелили полы. Завезли новую мебель, но все еще не до конца было расставлено и развешено. И я замерла в предвкушении, охватывая взором очаровательный бедлам, творившийся в гостиной. «Какая прелесть!». Я представила, как я буду обживать здесь, все менять по своему вкусу, переставлять, что почти не обращала внимания на родителей, стоящих обнявшись возле входной двери и что-то ворковавших друг другу... У меня было столько дел! Ух ты!

Мама с папой оставались в городке два дня. За это время папа побывал на обеде у бургомистра, пообщался с местным начальником полиции, посетил самого известного в городе банкира... Мама нашла старых знакомых, друзей, восстановила связи с соседями, договорилась с торговцами, замолвила за меня словечко в магазинах, на рынке... В общем я поняла, что меня опять окружают заботой, как крепостной стеной, не давая ни глотка свободы... Я, как ребенок праздника, ждала их отъезда и дождалась... Последние напутствия папы, сухим твердым тоном (думаю все в городе будут следить за мной по его просьбе), теплые ласковые объятия мамы (шепот «Я верю в тебя, девочка. Ты справишься»)... И родители уехали. Одна! Наконец!

Сначала, правда, стало немного грустно. Я даже немного всплакнула, даже не знаю, чего было больше, бурного эмоционального подъема от наконец обретенной свободы или тоскливого сожаления от одиночества... Я в первый раз осталась совершенно одна... Одна? Ага, как же... Скорее всего, папочка приказал всем вокруг «присматривать» за мной изо всех сил. Возможно даже нанял пару-тройку телохранителей... Не зря он оставил на столе визитные карточки и бургомистра, и банкира, и местного штатного мага (на всякий случай). Но я твердо решила не брать денег, которые положили на мое имя, а попробовать зарабатывать самостоятельно.

Следующую неделю я обустроивалась. Расставляла мелкую мебель, застилала покрывала, вешала гардины... Еду покупала на рынке и даже научилась варить суп... Но в основном питалась сыром, фруктами и молоком с булочками... В доме было несколько картин, с вышивкой моей бабушки по маминной линии. Я целыми днями любовалась на распускающиеся утром цветы и порхающих птиц... Сказочно и волшебно... Вот это талант, не то, что у меня...

Но я не унывала, в местную газету я дала объявление «Всех, кто хочет встретить свою судьбу, кто хочет стать счастливым и найти вторую половинку, приглашаю посетить дом номер 7 по улице Лесной»... Люди должны были помнить мою маму Веронику Арсон, ее сновидения...

Неуемная энергия бурлила во мне. Я навела порядок в доме, не очень качественно, конечно (во дворце всегда убирала слуги), но мама иногда меня заставляла собирать за собой книги, класть на место игрушки, вытирать пыль со стола, так что я была не совсем безнадежна. Хотя, наверное, нужно будет нанять девушку или двух... Уборка, стирка, готовка... Не любила я этого... Пока мама договорилась с соседкой, что бы та приходила и забирала вещи в стирку, а там посмотрим...

Первый посетитель был невероятно застенчив. Девушка, миленькая, молоденькая... Лет шестнадцать — семнадцать. Скорее всего пришла просто из любопытства и в тайне от родителей. Я провела ее в небольшую комнатку, оборудованную под кабинет, где уже стояла хрустальная миска и кувшин с водой. Девушка страшно волновалась и я вместе с ней. Потихоньку расспрашивала о ее семье, где живет, чем занимается. Звали первую посетительницу Марта. Дочь живущего дальше по улице (а улица Лесная считалась «элитной» в городке) богатого купца. Ее отец имел несколько пекарен, мельницу, ювелирные мастерские, торговые лавки... А сама она обучалась грамоте, умела читать и писать, и даже играть на лютне... Это она мне рассказывала взволнованным голосом, пока я наливала воду в миску и немного ее подогревала... И как всякой романтически настроенной девушке, Марта верила в сказки, и как только она прочитала мое объявление ей захотелось встретить своего суженого... Я не стала долго тянуть. Попросила опустить ладошку в воду. В воде отразилась немного лихая на вид физиономия молодого человека с лукавыми, блестящими глазами, ироничным прищуром и густой шевелюрой на голове... Найрим Берин... Кто таков? Чем занимается?..

Я тут же зарисовала по памяти портрет и написала имя... Теперь к магу за адресом... Девушка впиалась глазами в изображение лица. Я видела загоревшийся огнем взгляд и закушенную губу, голос тихо шептал «Найрим... Найрим..» Все, девушка готова... Доверие магам плюс романтическая натура — она уже почти в него влюблена...

В последующие несколько дней я пару раз встречалась с девушкой, мне было самой интересно, что с этого выйдет. Она пока обрабатывала папу. Ее Найрим жил далековато, почти на границе с Зонтом, в южной части нашей страны. Но, наверное, папа очень любил свою единственную дочурку, если согласился на эксперимент. Она даже привела его ко мне познакомиться. Мужчина оказывается знал мою маму, они были почти ровесниками, верил магам и серьезно отнесся к моим словам. Решили, что он поедет с караваном торговать на юг и заодно разузнает о Найримере...

— Как же заинтересовать молодого человека? Как сделать так, что бы он согласился приехать и познакомиться с Мартой? — спрашивал меня купец. Я задумалась...

— У вас есть ее портрет? — мужчина кивнул, — возьмите его с собой и просто покажите Найриму. Если он ее вторая половинка, как минимум он сразу заинтересуется ею... А как только увидит воочию, — я улыбнулась, — влюбится непременно...

— Где вы были, когда я женился, — грустно вздохнул мужчина, — ну да ладно, завтра выезжаю, дай бог вы не ошиблись... Я пожелала ему удачи и купец уехал...

Полтора месяца я ждала известий. За это время я окончательно освоилась в городке. Со мной здоровались на улице и на рынке. Люди в большинстве своем были радушны и приветливы. Как же здесь хорошо! Все очень внимательно и почтительно относились к моему дару. Никто не насмехался и не иронизировал, как во дворце. Правильно я сделала, что уехала. За это время я немного научилась готовить и наняла подходящую служанку. Днем она убиралась по дому, а вечером уходила к себе. Клиентов было не много. Но все же раз-два в неделю ко мне приходили юноши или девушки, а бывало и взрослые женщины, ищущие свою судьбу и еще не разочаровавшиеся в любви. Иногда их суженный жил неподалеку, а иногда за тридевять земель. Многие, узнав, что нужно ехать в другое государство или даже в соседнюю провинцию, обреченно махали рукой на мои предсказания

и шли уныло домой. Или не было денег, или желания, или того и другого. Я не расстраивалась... Мама мне напоследок сказала, — «Каждый человек сам выбирает свою судьбу. Ты только можешь подсказать и указать ему путь к счастью, только от него самого зависит, пойдет ли он по этому пути. Поэтому, Бель, никогда не вини себя ни в чем»... И я всегда повторяла эти слова, когда мое гадание сказывалось не удачно...

Наконец, с юга с караваном приехал наш купец с Найримом, а через неделю уже они играли свадьбу. Меня, естественно пригласили. С счастливой невестой я не виделась, у той было море дел — примерка платья, гости, банкет, жених... Поэтому я расспросила ее отца, как все прошло. Оказывается, моя догадка, в том, что взгляд у молодого человека был каким-то бегающим и хитрым оказалась верной. Найрим Берин был профессиональным вором. И первым делом, при встрече с купцом обчистил его карманы и сумки. Мужчина хохотал, рассказывая мне эту историю... Но потом, на следующий день сам пришел извиняться и принес все украденное... А все потому, что нашел портрет дочери в украденных вещах... Опустив голову, он упрашивал купца рассказать, что за девушка изображена на нем... «И что теперь вы будете делать? Он же вор..» — удивленно спросила я. Купец хитро ухмыльнулся... «Вор, когда чужое, а когда свое, да ради любимой девушки... Думаю, из него выйдет прекрасный торговец, и он продолжит мое дело...»...

Я жила в Гримли уже четвертый месяц и пока не собиралась возвращаться в столицу. Мне все страшно нравилось. Даже готовить себе бутерброды и смахивать пыль с комода... Я как будто вписалась яркой разноцветной нитью в покрывало этого маленького провинциального городка и сделала его особенным и привлекательным своим магическим даром. Меня полюбили, приглашали в гости, на именины, свадьбы (только гадать при этом не просили)... Я писала родителям письма, как у меня все хорошо и замечательно, пару раз даже съездила на денек в гости. На более долгий срок обещала приехать на свое девятнадцатилетие, через пару месяцев. Мама отвечала, что рада за меня, и желает мне счастья...

Сегодня у меня было приподнятое настроение. Я получила от мамы письмо, сама отнесла на почту ответ (мы переписывались где-то раз в две-три недели)... Остановилась на обратном пути поговорить с Мартой (та до сих пор пела мне дифирамбы и благодарила). Уже почти стемнело, когда я зашла в дом. Моя девушка-помощница давно ушла домой, а я собиралась насладиться поздним ужином, когда услышала стук в ворота. «Ну кого еще нелегкая принесла?», — пробормотала я любимую здешнюю присказку и пошла открывать...

Возле ворот стояла добротная четырехместная карета, запряженная четверкой вороных, без какого-либо герба и других опознавательных знаков. У калитки топтались двое молодых мужчин.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Добрый вечер, мы по объявлению, — вежливо произнес светловолосый красавчик, стоящий ближе к калитке. Я на интуитивном уровне почувствовала в нем мага... Другой, высокий, темной громадиной прятался в тени...

— Вы опоздали, я уже не принимаю, — крикнула я сквозь прутья, — приходите завтра утром...

— Девушка, миленькая, — воскликнул молодой человек — нам очень-очень нужно, чтобы вы нам погадали... Буквально дело жизни и смерти, — заискивающе пропел он и

широко улыбнулся... Очаровашка, да и только. Я заколебалась...

— Меня зовут Руперт Рич... Понимаете, мы проездом через ваш город по делам, и мы очень торопимся, уже завтра должны будем пересечь границу. Но мы не могли покинуть Гримли, не побывав у самой известной городской знаменитости, можно так выразится, достопримечательности, — мед лести и восхвалений лился из уст красавчика легко и непринужденно, я даже заслушалась.

— Позвольте нам войти, мы не на долго задержим вас, мне ужасно хочется узнать свою судьбу. Неужели вы откажите? Это разобьет мне сердце... — проникновенно вещал он... Второй мужчина не вступал в разговор, молча стоял в тени сзади, но почему то именно он интриговал меня больше всего...

— Хорошо, — смирилась я с отсутствием ужина (ничего, буду стройнее), — проходите, — и отперла калитку. Мужчины торопливо вошли. Я провела их в дом... Стандартно, скорее по привычке, спросила «Чаю?». На мое удивление, гости согласились. Пришлось идти на кухню за чайником и чашками. Выставила так же на поднос розетку с джемом и печенье. «Угощайтесь», — произнесла я... Мужчины заинтересовано разглядывали мое жилище... Что-то, я смотрю, торопиться они уже перестали... Наконец, я смогла рассмотреть второго... Высокий шатен, не худой, но и не крупный, литые мускулы, широкие плечи. Широкоскулое, как будто выточенное из гранита лицо. Не такое как у его друга, идеально красивое, скорее мужественное, твердые прямые линии, квадратный подбородок, крупный нос, холодные серые глаза. На миг я встретилась с ними взглядом и опешила от такой сильной неприкрытой ненависти и злобы, что даже отшатнулась... Мужчина сразу же отвернулся и дальше стал рассматривать комнату... Я застыла. «За что? Почему? Я точно уверена, что вижу его в первый раз в жизни... Не понимаю»...

— Хорошо, кому нужно погадать? Пойдемте со мной в кабинет... — приподнялась я с дивана..

— А вы, разве не будете пить чай? — вопросительно произнес Руперт, — не хорошо угощать гостей, а самой не присоединиться... — попенял он иронично. Я опять села, взяла чашку и отпила глоточек...

— Извините, вы говорили, что торопитесь, — поднялась я опять и почувствовала, что пол уходит у меня из-под ног... Я пошатнулась и схватилась за стол... «Простите, — пробормотала я растерянно, — не понимаю, что со мной»... И потеряла сознание...

Очнулась я в карете... Все тело мучительно болело, застыв на сиденье в неудобной позе. Было такое ощущение, что я провела неподвижно как минимум несколько часов... За окном быстро мелькали деревья, скорость была приличная... Голова еще плохо соображала, глаза слипались, жутко хотелось пить... Я облизала пересохшие губы... «Что со мной произошло?»... Последнее, что я помню — двоих мужчин у меня в гостиной, мы пьем чай...

«Меня опоили?» — пришла в голову пугающая мысль... «Выкрали?»... Я пришла домой поздно вечером, а теперь (посмотрела в окно кареты) высоко в небе сияет солнце, почти полдень... Значит, мы едем уже больше двенадцати часов... Я медленно огляделась... Шикарное убранство кареты порадовало (следовательно не разбойники с большой дороги), изнутри ручки на дверях отсутствовали... Плохо... Хотя, выскакать на такой скорости из кареты — гарантированно сломать себе шею... Я потихоньку приходила в себя...

Что-то чужеродное мешало... Переверла взгляд на правую руку и холодный пот прошиб

меня с макушки до пят... Запястье обвивал широкий рабский браслет... Мне рассказывал учитель, такие браслеты одевали заключенным, которых или конвоировали по этапу, или заставляли работать в карьере, поле, чтобы те не убежали... Самая удачная государственная магическая разработка... Браслеты не давали никакой возможности удалиться от «хозяина»... Они настраивались на определенное расстояние и были самой лучшей защитой от побега...

Паника тихонько подкралась на мягких пушистых лапках и резко выпустила когти... Стало действительно страшно до жути... Я громко заорала и забарабанила кулаками по стенке кареты... «Выпустите меня отсюда! Как вы посмели! Немедленно откройте!»... Карета начала притормаживать... После ее остановки с внешней стороны открылась дверь — я тут же фурией выскочила наружу... Мы остановились посреди пустынной дороги, с одной стороны плотной стеной стоял густой лес, с другой — простирался каменистый неприветливый пустырь... Сухой жаркий ветер раздувал мое мягкое домашнее платье, туфли тут же запорошило дорожной пылью. Возле кареты стояли те самые двое мужчин... Только красавчик уже не улыбался, а шатен не прятал взгляд. Оба смотрели на меня неприязненно и хмуро... А во взгляде последнего, еще периодически мелькало злобное жестокое торжество...

— Кто вы такие? — высокомерно заявила я дрожащим от негодования голосом, — по какому праву вы увезли меня из моего дома?

— По праву сильного, миледи, — ухмыльнулся шатен, видимо, он здесь главный.

— Да вы знаете, кто я? — прошипела я гневно, — мой отец — канцлер нашей страны, герцог Доремби, он с ваш шкуру спустит, когда найдет. Немедленно разворачивайте карету и везите меня назад! — топнула я ножкой в пыль... Мужчины расхохотались... Я непонимающе опасно огляделась. На козлах кареты сидели двое кучеров, отвернувшись спиной, не обращая никакого внимания на мои крики. Мои «знакомцы» только что спешили с верховых лошадей, кони топтались неподалеку...

— Эй вы, — крикнула я кучерам, — вы что не боитесь канцлера? Да он вам головы отрывает! Ни звука, как будто они глухие... — Да что ж такое! — заорала я истерично, стиснув кулаки...

— Миледи, кричать бесполезно, — холодно произнес шатен, — здесь находятся люди, преданные мне безоговорочно, никто вас слушать не станет...

— Ну послушайте, — сменила я тактику, — вы меня похитили из-за денег? Моя семья очень богата, — заискивающе начала я, — папа вам заплатит столько, сколько скажете, только отпустите меня... Я попыталась мило улыбнуться... Черт, а он же мне понравился сначала... Этот шатен... Почему то именно он, а не тот смазливый красавчик... А теперь меня охватывает такая слепящая ярость при виде его, особенно тогда, когда я заметила пару своему «браслетику» у него на запястье... «Рабовладелец, негодяй, подлец» — костерила я его самыми ужасными ругательствами, которые знала... Я все еще пребывала в недоумении, пока еще не могла оценить масштабов бед и предстоящих событий, поэтому была дерзка и смела.

— Мне не нужны деньги, — отрезал шатен, — я не из-за этого вас похитил...

— А из-за чего? — воскликнула я, — Я вас не знаю! Я вас вижу в первый раз в жизни! Что я могла вам успеть сделать такого серьезного за свою короткую жизнь, оправдывающего это все??? — я обвела взглядом карету, лес на опушке, пыльную дорогу, и подняла руку с браслетом, тряся ею... Мужчина многозначительно молчал...

— Кто вы такой? Я не знаю вас! — повторила я опять, — Да вы и старше меня...

— Да, — тихо и жутко произнес шатен, — ты младше меня, но уже успела сотворить в своей жизни подлость, уже успела сломать судьбу и перевернуть верх дном мое существование... Так что, теперь придется расплачиваться...

— Но... — потянула я уже тише, — я правда не понимаю... Чего вы хотите от меня? ... — меня медленно стало охватывать какое то нереальное страшное предчувствие беды...

— Ты хочешь знать, что я хочу? — произнес насмешливо мужчина, — Банальная месть... Сладкая и долго планируемая... Хотя чем то себя порадую в жизни напоследок...

— Месть? — переспросила я, судорожно выискивая в голове, где я могла повстречаться с этим мужчиной... На вид ему не больше двадцати пяти — двадцати шести... Лицо характерное, запоминающееся... Я как неплохой художник (мне пришлось в связи со спецификой моей работы, научиться рисовать), разбиралась в лицах... Нет, если бы я его видела, разговаривала с ним — я бы его не забыла... Он притягивал мой взгляд с первой же минуты нашей встречи...

— Не переживай. Я не ошибся в отношении тебя, — продолжал мужчина, — Перед тем, как спланировать это похищение я присматривался и разузнал о тебе все. Полгода это заняло и тьму денег, но оно того стоило. Ты единственный человек в мире, обладающий уникальным даром связывать судьбы двух людей. Никто на земле больше не обладает этим талантом, так что, я не промахнулся...

— Но я не помню... — нахмурилась я, — хотя бы скажите. В чем моя вина...

— Расскажу вечером, когда остановимся на ночлег. Через пару часов нам предстоит пересечь границу, так что придется поторопиться... Залезай в карету... — мужчина немного грубо подтолкнул меня сзади... Мы тронулись...

Мои мысли металась испуганно и беспорядочно. Мужчина показался мне жестоким и твердо решившим меня покарать. Этот не отступить ни за что... Что же я такого умудрилась сделать, что бы так разозлить его? В памяти зияла пустота... Я крепко обхватила себя руками. Стало страшно...

Я так привыкла к нерушимым родительским любви и заботе... Так привыкла к защищенности во дворце, надежной охране за крепкими каменными стенами... Так привыкла к всеобщей любви и преклонению... Маленькая проказница — герцогиня... Меня все любили и носили на руках... Я не была злой по характеру. Если и случались скверные плохие шутки, то я мило хлопала глазками и просила прощения — и меня всегда прощали! Всегда!.. Даже с той горничной, сломавшей по моей вине нос, мы потом стали хорошими приятельницами..

Я до сих пор пребывала в недоумении и растерянности. В моей голове не укладывалось то, что со мной произошло. «Все будет хорошо — тихонько шептала я, — папа меня обязательно найдет и спасет»... Любой маг может без труда узнать мое местопребывание... Главное, чтобы не было слишком поздно...

Через пару часов в карету заглянул шатен, без разговоров связал мне руки и ноги, я попыталась возмущаться и брыкаться — мне грубо заклеили рот и скрутив, привязав к ножкам сиденья, положили на пол... Мужчина легко справился со мной за пару минут. Даже не запыхавшись... Некоторое время спустя, я как будто издалека слышала приглушенные разговоры (наверное проезжаем границу), попыталась стукнуть несколько раз головой о дверцу, замычала, заерзала — бесполезно. Изнутри кареты была обита мягким войлоком и толстой плотной тканью... Впервые за все время, на глазах выступили слезы — охватило

какое-то нереальное чувство беспомощности и бессилия... Свернувшись калачиком я беззвучно плакала, а мы ехали дальше... Все, моя родина осталась позади... Где то через час, когда я уже совсем одеревенела от неподвижности, карета остановилась и меня развязали... Наверное, со стороны, я представляла собой взъерошенную драную кошку, шипевшую и плюющуюся на всех... Я и чувствовала себя при-паршиво... Жутко хотелось в туалет, пить, есть и домой к маме... Слезы уже неконтролируемо бежали по щекам.

— Мы заночуем здесь, — холодно произнес шатен. Мужчины слаженно выгрузили сундуки сзади кареты и стали распрягать лошадей... Я мрачно застыла на краю поляны... Иногда в мою сторону светловолосый красавчик бросал непонятные взгляды, то ли сочувствующие, то ли заинтересованные... Я была дико зла и на него... Маг, чертов. Это, наверное он, создал эти браслеты... Подошел «главный» похититель...

— Ты знаешь действие этих браслетов, — шатен указал на мое запястье. Я хмуро кивнула..

— Так вот, я поставил расстояние в сто метров... Должно хватить... Я не завидую тебе, если ты посмеешь отойти дальше этого расстояния... Иди, делай свои дела, мы пока приготовим ужин и постели...

Я понеслась искать кусты... Облегчившись, немного повеселела... Пока убегать не буду, посмотрим, что расскажет шатен. Может все не так страшно... Я еще надеялась на скорейшее разрешение недоразумения между нами. Да и на папу была надежда... Может быть удастся откупиться деньгами. Все любят деньги, даже такие гордые и властные... «Посмотрим, что за «месть» подготовил он для меня, а потом можно будет и убежать»... Браслеты представлялись мне какой то непонятной игрушкой... О них я читала в книжках, а воочию увидела только сейчас, поэтому их действие представляла слабо...

Пока я делала свои дела, мужчины развернули несколько палаток, кинули теплые шкуры внутрь, зажгли костер... Впервые мне предстоит спать на земле, в лесу... Если бы не предшествующие всему этому события и мое окружение, мне бы, наверное, было бы интересно и увлекательно, еще бы — такое приключение!... Я подошла к костру, высокомерно сморщив нос, присела на небольшую табуретку и отвернулась, уставившись в огонь... Красавчик протянул миску с кашей с чашку с чаем...

— Надеюсь, без яда? — холодно фыркнула я... По смущенному виноватому взгляду блондина удалось понять, что я его задела... Шатен внимательно наблюдал за другом... Что, боялся, что я переманю его на свою сторону? «А это мысль!» — подумала я и ласково, изогнув бровь, посмотрела на мага. Но тут же наткнулась на злой презрительный взгляд шатена, сидящего позади...

— Думаю, нам пора поговорить, — бросил он, и не дождавшись, пока я поем, грубо схватил за руку и дернул вверх. Меня затащили в самую большую палатку, посреди даже стоял небольшой столик и несколько табуреток...

— Значит, ты меня не помнишь, — констатировал он, садясь...

— Совершенно, — фыркнула я презрительно, — и не представляю, где мы могли с вами пересекаться... Я играла роль герцогини, стервозной, высокомерной и холодной... Только такую защиту я знала, только так могла не поддаваться панике, стоящей уже совсем близко, рядом со мной, почти вплотную, и терпеливо ждущей своего часа...

— Мы и не встречались, — бросил он насмешливо, я удивленно подняла на него глаза, — шесть лет назад, я и четверо моих друзей, приехали делегацией от Златы. Мы были молоды, честолюбивы и романтичны... Не помнишь? — опять спросил он. Я покачала

отрицательно головой. Злата. Злата... Я неплохо знала географию. Большое богатое государство на юго-западе континента, с нашей страной не имеющее общих границ... Между Златой и моей страной располагалось еще небольшая страна Верта... Поэтому дипломаты из Златы редко у нас бывали... Он продолжал, — Дипломатическая миссия состояла из наследного принца Златы — моего кузена Генри, меня — герцога Дункана Прадо (он иронично кивнул головой, как бы знакомясь), и троих наших друзей графа Марти, младшего брата Генри и маркиза Рутри. Всем нам было на тот момент около двадцати — двадцати двух лет... После торжественных балов и пиров в нашу честь, монарх предложил нам небольшое изысканное развлечение — гадание... Он сказал, что во дворце находится маг с уникальным талантом находить вторые половинки. Талантом соединять судьбы людей... Мы были холосты, пьяны, веселы и беззаботны — конечно, мы согласились... От нас потребовалось только по одному локону... На следующий день каждому дали листок бумаги с именем суженой и адресом ее местопребывания... Вскоре, мы уехали домой... Не то, что бы я поверил... Я и не собирался искать ту девушку, имя которой валялось у меня в кармане... Но через полгода меня пригласил мой друг Марти на свадьбу... Я обрадовался — наконец наша холостая братия начала разваливаться... Приехав, я не узнал своего давнего товарища... Всегда сдержанный, бесстрастный Марти был до неприличия, до одури весел и счастлив. Они с невестой не отрывали друг от друга нежных взглядов, не могли насытиться друг на друга. Девушка была прекрасна, и в ее глазах я с удивлением обнаружил самую, что ни на есть, сильную, бескорыстную любовь... Я был ошарашен... Марти всегда собирался жениться по-расчету и тут так повезло... Оказывается, поведал мне позже друг, он поверил тому листку, разыскал девушку, чье имя ему дали, и ни секунды не пожалел об этом... Я с удивлением рассматривал своего друга — он просто светился от счастья... Потом, постепенно, со временем, переженились все мои друзья на своих вторых половинках. И все, как один, горячо благодарили того неизвестного мага, который им погадал... Я пребывал в недоумении... Я верил в магию, но гадание?... А в памяти всплывали счастливые лица друзей. Наконец, я решился и поехал за своей невестой... Она жила в вашей стране, была благородного рода, не очень богата, но и не бедна... Красива, воспитана... Правда, мне не удалось с ней даже перемолвиться словечком, родители как коршуны охраняли ее непорочность (это они так представили)... Я решительно заявил ее отцу, что намерен просить ее руки. Согласие было получено сразу... Но меня по-прежнему не подпускали к невесте. На мой недоуменный вопрос «Почему вы не разрешаете поговорить с ней?», отец отвечал, что девушка непорочна и скромна, и с молодыми мужчинами еще не общалась... Иногда у меня возникали в голове сомнения, но в памяти тут же всплывали семьи моих друзей — четверо нашли свое счастье, они не могли ошибаться!... Короче, вскоре мы поженились... А после пошлы открытия, один ужаснее другого... Сначала, в первую брачную ночь открылось, что жена уже не девственна, потом, что не тиха и не скромна... А потом и того хуже... Прошло четыре года нашей «счастливой», в кавычках, семейной жизни... Уже через пару недель я понял, что меня все в ней раздражает, и что я никогда, ни за что не смогу полюбить эту женщину... Моя жизнь день за днем скатывалась в ад... Мрачный, тягостный, беспросветный... Мало того, что она глупа как пробка, дурно воспитана, вульгарна и бесстыдна... Она еще жестокая психопатка, мучающая слуг и издевающаяся над животными... Я по твоей воле связал свою жизнь с этой женщиной, и не вижу выхода из этой ситуации... Развода она мне не дает. Репутацию мою она уже разрушила до основания... О ее оргиях в столице ходят слухи уже в соседних королевствах...

Убить ее мне не позволяет благородное воспитание. Я пробовал запереть ее в замке, но она умудрялась соблазнить охранников и сбежать, рассказав о моих «зверствах» королю... Пробовал не давать ей денег, но в столице она покупала в долг, и потом торговцы и купцы приходили ко мне с долговыми расписками, страша погубленной репутацией... В общем так... — мужчина на секунду замолчал, — скажи мне только одно, Аннабель, — голос зазвенел сталью, — зачем?...

Я сидела, низко опустив голову... Я вспомнила этот случай... Не сразу, но вспомнила... И теперь я судорожно пыталась сдержать слезы... Да, действительно, шесть лет назад, делегация из далекой страны приехала во дворец... Нас, малолеток, не пускали на банкеты и на балы... Мы сверху, иногда, краем глаза, смотрели на макушки молодых стройных, подтянутых юношей, приехавших с наследником престола Златы... Мне было тогда двенадцать или чуть больше... Я как раз пребывала еще в эйфории от своего таланта, проказничала и шутила направо и налево... И, когда пришло послание от нашего монарха, с просьбой написать суженных нашим гостям, я с радостью согласилась... Я получила пять закрытых конвертов с локонами внутри. Я не знала, чьи это были волосы... Да я и имен парней не знала... Мне для гадания они не были нужны, только волосы и вода... С четверыми я разобралась быстро... А вот с пятым... Когда я увидела свое отражение в воде и имя Аннабель де Антеро, я чуть не упала со стула... И сразу хлопнула ладошкой по миске, испугавшись, что кто-то увидит еще... В то время, я была влюблена в наследного принца из моей «банды», мы только неделю назад поклялись друг другу в вечной любви и верности... Роб был моим ровесником, ему было тринадцать... Правда мама прозрачно намекала, что Роб не пара мне, и чтобы я не увлекалась даже крохотной надеждой связать с ним свою судьбу — нам двоим было все нипочем... Мы даже уже поцеловались «по-взрослому»... Тогда мы с принцем считали, что любовь (в тринадцать то лет!) пересилит все, и даже то, что его собирались помолвить с принцессой из соседней страны — нас не пугало... В общем, видя свое лицо в воде, я дико испугалась... Кто я была? Проказница, шустрая озорная девчонка, считающая себя вершительницей судеб... В итоге, я написала на листке вместо своего первое пришедшее в голову имя — Лауры, дочери барона Ибери... Она недавно гостила во дворце и посмела меня толкнуть в спину, и я чуть не слетела с лестницы... Мерзкая, злобная вертихвостка, кокетничающая направо и налево... Почему то такой ответ я посчитала тогда самым остроумным... Дурочка... Я давно уже забыла об этом прошествии, а оно меня догнало и лягнуло в спину со всей силы...

— Я жду. — повторил холодно мужчина... Я подняла мокрые глаза...

— Мне было тринадцать лет... Простите меня, это была шутка... — прошептала я...

— Шутка? — воскликнул мужчина и нервно сжал кулаки, как будто борясь с собой... — за такие «шутки» нужно платить, — спустя некоторое время произнес шатен, — из маленьких шутниц, потом вырастают взрослые злобные стервы... — мужчина помолчал, беря себя в руки, — Несколько месяцев назад, как только я узнал, что ты уехала из дворца, я стал готовить месть... Разузнал твой распорядок дня, когда ты пишешь письма родителям, через какое время получаешь ответ... Твой отец с матерью уехали неделю назад в дальнюю поездку по своим провинциям, поэтому раньше, чем через две недели твои родители не узнают о твоём исчезновении... — по моей спине потек холодный пот... я сжалась от страха, — и даже если через две недели герцог Доремби узнает твое местоположение — это уже не спасет, ему понадобится еще две недели, что бы добраться до моего замка, а к тому времени моя месть уже осуществиться... — Я подняла голову и хриплым шепотом

поинтересовалась...

— И что вы придумали для меня, милорд?

— Абсолютно то же самое, что и ты для меня... — иронично хмыкнул мужчина, — не переживай, — добавил он, видя мой недоуменный опасливый взгляд, — я не собираюсь тебя убивать, я только выдам замуж за мужчину, которого тебе приготовил... Равноценный обмен, не правда ли?

— А может лучше деньги? — пискнула я, уже ни на что не надеясь...

— Зачем они мне? Я и так богат до неприличия... Наследников у меня нет, и наверное, уже не предвидится, с такой то женой, а так хоть потешу себя напоследок...

— Но папа все равно меня найдет, рано или поздно... — прошептала я севшим от страха голосом...

— Конечно, найдет... Но к тому времени, ты уже будешь несколько недель замужем. И даже, возможно, беременная, если конечно муж постарается, — я мучительно покраснела... — так что, твой отец, естественно, приедет, но ему придется смириться с твоим замужеством, с погубленной репутацией, а возможно, и с внуком... Посмотрим... Развод в нашей стране очень трудно получить. Нужно абсолютное согласие обеих сторон... А я тебе подобрал жениха, самого близко похожего на свою жёнушку... — Я внутренне содрогнулась... Паника устала стоять рядом и потихоньку начала заползать под кожу.... Я резко упала перед герцогом на колени... Слезы нескончаемым потоком текли у меня из глаз....

— Пожалуйста, — всхлипывая, я схватила его руку, — не делайте этого... Мне всего восемнадцать, вы сломаете мне жизнь... — плакала я уже не сдерживаясь...

— А ты думала, что сломаеть мою, когда готовила свою злую детскую шутку? — выдернул руку мужчина... Я сжалась клубочком на полу и горестно рыдала... Герцог встал и вышел из палатки, оставив меня внутри... Я плакала и плакала, почти всю ночь... И никто меня больше не тревожил...

Утром я с трудом разлепила опухшие глаза. Маг принес мне воды для умывания, завтрак на тарелке... Я вяло поковырялась вилкой — есть не хотелось... Голова усиленно трудилась, выискивая пути избежать страшной навязанной судьбы... Вырисовывался только побег... Я сидела в закрытой карете, ехала, думала, тербила на руке браслет... Тот плотно прилегал к коже. Снять его не представлялось никакой возможности. Я лихорадочно перебирала в памяти свои знания по магическим предметам... Как они работают? Что за последствия «ослушания»? Жаль, что предмет «Магические разработки и применение технологий в действии» я учила, спустя рукава... Мне было интереснее рисование, танцы, верховая езда... А теперь, я не знаю, что ожидать от этого браслета... Но попробовать нужно все равно... Все дальше и дальше мы уезжаем от моей страны, еще неделя и пересечем вторую границу с Вертой, и тогда мне уже никто и ничего не поможет... Верта была нашим хорошим союзником, она граничила с моей родиной и была до нельзя лояльна и благонадежна, там мне помогут...

Бежать я решила ночью... Мне ставили отдельную палатку, и в сущности не трогали, надеясь на браслет. Как невидимый поводок он связал меня с этим страшным человеком, моим мучителем.... Мне иногда даже казалось, что от моей руки к его тянется серебряная нить, намертво соединившая нас... Мелькнула и погасла мысль «Интересно, а кто его

суженная сейчас? Может предложить погадать ему?» — хмыкнула мысленно я и ужаснулась... Страшно представить, как он отреагирует на такое предложение...

Когда все уснули, я тихонько выскользнула из палатки. Ночь давно перевалила за середину, звезды яркой россыпью сверкали драгоценными камнями над головой... Было страшно до дрожи, но еще ужаснее было оставаться... Я схватила первый попавшийся мешок, брошенный возле едва тлеющего костра (будем надеяться там есть хоть что-то съестное)... Потихоньку развязала самую дальнюю лошадь и шепча ей на ухо разные ласковые слова, повела прочь от лагеря... Неужели удалось?... Я была в эйфории... Через сотню шагов я взгромоздилась на спину коня (без седла, так как седла остались в лагере) и поскакала по направлению на север, держась недалеко от дороги... Небольшое время спустя, рука стала наливаясь жаром... Такое ощущение, как будто кисть всунули в камин и медленно поджаривали... Я пришпорила коня... «Ничего, — шептала я сцепив зубы, — я сильная, переживу»... Чем дальше, тем сильнее горела рука... Огненная боль добралась до плеча, и я почувствовала как плавиться сустав... От боли перед глазами вспыхивали многочисленные разноцветные огоньки. Половину тела я уже не чувствовала. По голове долбили кузнечным молотом, я вцепившись в гриву, еще сильнее пришпоривала лошадь... И уже теряя сознание от боли, почти скатываясь со спины коня, подумала «Вот и все, Аннабель. Мама, папа, простите меня. Я люблю вас»...

Очнулась я на чьих то руках... Меня несли сквозь лес, крепко прижимая к груди... Рядом слышала топот копыт... «Идиотка, дурочка безмозглая, — шептал какой-то мужчина знакомым голосом, — если бы я не проснулся... Если бы свернул не туда в темноте»... Я то приходила в себя, то опять уплывала в небытие... Правая половина тела перестала мне принадлежать. Суставы рук как будто выдернули и заново приставили к туловищу... Болезненно ныли все косточки, рвотные спазмы периодически сотрясали внутренности... Ничего более ужасного в моей жизни не происходило никогда... Когда я приходила в себя, то тихонько хныкала от боли, не способная даже толком заплакать, так было зверски, непередаваемо больно...

«Тихо, тихо, — гладили меня по голове, — скоро станет легче»... Я опять теряла сознание...

Потом очнулась уже в палатке, надо мной суетился светловолосый красавчик маг, смазывая руку, какой то вонючей гадостью... Я обессиленно закрыла глаза... «Что же, вот опытным путем и проверила действие рабских браслетов», — мысленно похвалила себя я... «Этот способ побега, пожалуй, можно вычеркнуть»... Остаток ночи я вертелась и стонала, острая боль прошла, осталась ноющая тупая суставная... Я не находила себе места, ворочалась на шкурах, вскрикивала и металась, не способная заснуть... И чья то прохладная широкая ладонь ложилась на мой пылающий лоб... «Шшшш, — шептали мне, — все будет хорошо, спи, девочка»...

— Папочка, это ты? — простонала я...

— Да, моя дорогая...

— Папа, мне так больно. — хныкала я, жалуясь...

— Это пройдет, милая, — меня погладили по волосам, — все будет хорошо, скоро все пройдет... Спи, красавица моя...

После прошлой ночи я стала совершенно другая... Тихая, пассивная, задумчивая... Я впервые столкнулась с такой Болью. Впервые узнала ее, всмотрелась в ее лицо и склонилась на колени перед ее могуществом... Поняла, что бесконечно слабее ее. Поняла, что она победила — я никогда теперь не смогу опять решиться сделать себе так же больно... Отголоски той агонии, по прежнему дрожью отдавались в моем теле. Воспоминания заставляли покрываться мурашками и скручивали узлом внутренности... Увы, я проиграла... Я задумчиво ехала в карете, и мысли вяло шевелились у меня в голове... Побег? Ну уж нет... Мне нужен был один раз, чтобы намертво проникнуться осознанием своего поражения... Значит, только ждать папу и молиться, что бы он приехал скорее... Мужчины внимательно смотрели на меня, выискивая следы непокорности и новый умысел... Наивные!... Нет, я теперь послушна и безотказна... Замуж? — Конечно! За кого угодно!... Только снимите браслет...

Вторую границу я проехала точно так же, связанная, и спеленутая как поросенок... Я уже не собиралась биться головой о дверцу кареты, брыкаться и орать. Молча протянула руки вошедшему с веревками герцогу...

— После пересечения границы мы остановимся в таверне, отдохнем, помоемся, — холодно произнес герцог... Я только равнодушно пожала плечами... За неделю я уже давно превратилась в грязную, растрепанную крестьянку... Волосы заплетала сама кое-как... Те ручьи, которые встречались нам по пути, были мелки и не давали возможности полноценно искупаться... Хорошо еще, что было лето... Я представляю, как бы мы путешествовали зимой.

Таверна обнаружилась в паре часов пути после границы... Оказывается, хозяин таверны, пожилой грузный мужчина хорошо знал герцога «Еще один преданный слуга» — прошипела я сквозь зубы... Меня провели на второй этаж в комнату с зарешеченными окнами. Щелкнула задвижка с внешней стороны двери... «Они, что, действительно думают, что после того показательного выступления, я способна еще раз совершить побег?»...

В ванной я провела, наверное часа два... Дорвалась... Три раза вымыла волосы, стерла мочалкой кожу до костей... Горничная оставила на спинке стула пушистый белоснежный халат... Какое блаженство... Я даже заулыбалась от переполнявших меня восхитительных эмоций... «Вот как мало человеку для счастья нужно — вымыться после недельного путешествия»... Я расслабленно сидела на стуле и смотрела в окошко... Жизнь уже не казалась такой уж мрачной и беспросветной... Мой природный оптимизм не позволил мне долго пребывать в депрессии и меланхолии... Ну выдадут замуж... Ну и что? Я и у себя в столице могла бы попасть впросак, как, например Софи... И выйти за нелюбимого... И всю жизнь жить с холодным черствым человеком, не зная счастья... Я жива, относительно здорова... Рано или поздно родители найдут меня... Ребенок? Ну и что? Это же будет мой ребенок! Репутация? Ну и черт с ней! Буду жить в Гримли, в мамином домике, зарабатывать сама... Так что, дорогой герцог Дункан Прадо, вам не удастся сломить меня и ввергнуть в пучину отчаяния!...

Горничная принесла обед на подносе и так же молча удалилась, не забыв запереть зверь снаружи... Я недоуменно пожала плечами — ну и ладно... И принялась с аппетитом уплетать горячую еду.

Стук в дверь раздался, когда я уже пила чай... «Войдите» — сонно произнесла я...

После ванны и обеда меня так разморило, что я только не засыпала над тарелками...

На пороге застыл герцог. Я немного удивленно посмотрела на него, хлопая осолопевшими глазами, пытаюсь прогнать дремоту... И зацепилась за непривычную для него задумчивость и замешательство во взгляде... Он рассматривал меня, как будто увидел впервые и не мог насмотреться... Я находилась напротив окна, прямо под солнечным ярким светом, заливавшим комнату... Лучики нежно грели мне спину, сушили мои распущенные волосы, мягко золотили ореол вокруг меня... Я сидела в банном пушистом халате, закутанная до ушей, только голые розовые пятки выглядывали из под тапочек. И почему мне кажется, что более обнаженной я не была ни разу в своей жизни?.. Иголочками кололо кожу под халатом, тяжелый взгляд мужчины как будто дотрагивался до самых сокровенных мест... Я смущенно опустила голову, сердце встрепенулось и застыло...

— Вы что-то хотели? — пробормотала я...

— Да, — прокашлялся мужчина, — я хотел... — он на секунду замолчал, как будто вспоминая, что же он хотел... — я хотел настроить твой браслет на милю. Мне нужно съездить в город, купить тебе вещей. Да и себе тоже... — и видя как я встревоженно встрепенулась, вздрогнув всем телом, поспешно поднял руку, — нет, не волнуйся, я не на долго, и не далеко... Миля, думаю, даже много... Рынок здесь через улицу... Просто дай мне дотронуться моим браслетом до твоего и все... Я настороженно кивнула... После той адской боли, я до нельзя осторожно относилась ко всему, что касается моего браслета...

— А мне с вами нельзя? — спросила я с затаенной надеждой...

— Нет, — отрезал мужчина, и тут же миролюбиво добавил, — я быстро. Посиди в комнате, отдохни, поспи... Герцог быстро подошел и взял мою правую руку... И застыл, как будто опять на пару секунд забылся, зачем он здесь и что нужно делать...

Я подняла глаза и посмотрела снизу вверх на своего мучителя... Он внимательно рассматривал мою руку, лежащую в его широкой ладони... такую маленькую, с коротко подстриженными розовыми ноготками, поцарапанную, с еще не сошедшими синяками вокруг браслета... Пальцы нежно невесомо погладили отметины... Я судорожно втянула в себя воздух...

— Больно? Извини... — тут пришел в себя герцог, аккуратно кладя руку на стол. Потом быстро дотронулся наверху своего браслета до моего, что то нажал и резко развернувшись, почти выбежал из комнаты...

Я задумчиво смотрела на закрывшуюся за мужчиной дверь... Нет, я не боялась, что он про меня забудет и уйдет дальше, чем на милю... Я уже немного выучила этого человека... И знала, что при всей своей мрачности — слово он держит, значит мне ничего не грозит... «Кроме замужества» — улыбнулась я и поплелась к кровати...

По словам мага, нам оставалось ехать около недели. Наш путь лежал вглубь страны. Замок Прадо находился почти в центре Златы. Герцогство занимало огромную территорию богатых земель, обширных лесов, полей, озер... Блондин — красавчик Руперт, словно расслабившись, теперь частенько ехал со мной в карете, развлекавая разговорами... Виновато смотрел на меня, и пытался хоть чуточку поднять мне настроение... Он рассказал, что обязан Дункану, как минимум жизнью, а как максимум еще и свободой... Поэтому не смог ему отказать в его просьбе..

— Выкрасть герцогиню, — хмыкнула я... Маг потерянно опустил голову...

— Я, — он запнулся, — я заранее прошу у вас прощения, миледи... Я действительно не хотел, что бы вы пострадали... Я сурово молчала... Что я могла сказать? Что прощаю его и не держу зла? Это было бы неправдой... Пусть помучается, подлый сообщник...

С герцогом мы почти не пересекались... Он ехал впереди на своем вороном и не разговаривал со мной на привалах...

После произошедшего в таверне, в наших вражеских отношениях что-то изменилось, перегорело, трансформировалось. Что-то новое, неизведанное поднимало нерешительно голову и присматривалось к нам обоим... Размышляло, обдумывало, осмысливало... Я ловила его мимолетные взгляды, быстрые и острые, и тут же прятавшиеся за маской невозмутимости... И сама одергивала себя, за неуместным подсматриванием за герцогом... Я больше не ощущала его ненависти, ни в его словах, ни в его взглядах... И сама не чувствовала ее у себя внутри.... Странно... Вот он — мой мучитель, человек, выкрававший меня, лишивший меня дома, родителей, привычной благополучной жизни... Заставивший ехать за тридевять земель по пыльным грязным дорогам, унижавший и связывавший меня... Планирующий страшную месть, которая, возможно, разрушит мою жизнь... А я не чувствовала внутри ни малейшей злости и обиды... Неужели я признала его право мне мстить? Или что-то другое?

Я повзрослела за эти несколько недель в пути. Мне иногда кажется, что прошло как минимум год, а то и два. И теперь понимала, что мои «шутки» в большинстве своем были злыми и обидными. И то, что казалось в двенадцать лет верхом остроумия и изящества, теперь представлялось в совершенно другом свете.

Мы теперь почти каждую ночь останавливались в тавернах, везде были верные герцогу люди, чем то обязанные ему, в чем то повинные пред ним... Я спала теперь на кровати, а не на земле, и каждый вечер принимала ванну... Мне купили несколько платьев, не шикарных, конечно, но вполне приличных. Белье, чулки, шаль, плащ, туфли... Все это принесла горничная, но думаю, покупал все же герцог... Я готовилась к нелегкой борьбе, берегла силы... Чувствовала, что уже скоро... Наш путь заканчивался...

Замок Прадо мы увидели издалека... Высокое громадное сооружение из темно-красного камня, возвышавшееся на холме, окруженное садами и виноградниками... До него были еще многие мили, а казалось — вот оно, рукой подать... Светловолосый маг встрепенулся.

— Вот увидите, миледи, вам понравится в замке, — скороговоркой проговорил он...

— Конечно понравится, у меня есть выбор? — пробурчала я... На самом деле я была очарована красотой долины и дворца... Такого великолепия я еще не видела... У дедушки Доремби был красивый замок... И я очень любила его, но в прошлом году, когда я с родителями отправилась путешествовать по герцогству (папа вступал во владения), что-то мне в нем не понравилось... Показался мрачным, сырым и неприветливым... Возможно без хозяина, он зачах?

«Вот и закончилось путешествие, Бель... Скоро тебя выдадут замуж.»

Въехали в ворота мы уже глубоким вечером. Толпа слуг вышла во двор встречать хозяина... «Радостные какие-то... — подумала я, — неужели, они действительно его любят? Это чудовище?»... Герцог мимоходом взял меня за руку и дотронулся браслетом... «Я пока оставляю расстояние в милю, — тихо сказал мне, — постарайся не выходить далеко из

замка»... «Главное, что бы вы об этом не забыли и сами не уехали» — резко ответила я, выдергивая руку...

Горничные провели меня в приготовленную комнату... Ванна, легкий ужин... Спальня была богато и изысканно обставлена, явно для высоких гостей. Окно открывалось, но третий этаж и обрыв внизу, отбивали всякую охоту выбираться этим способом... «Хотя, о чем это я? На мне же браслет!»...

Горничные относились ко мне хорошо... Улыбались, шутили, ахали «Какая вы красавица, миледи»... «Мы так рады, что вы приехали погостить в замок»... «Ага, — думала я отрешенно, — погостить... Только приглашения то не было, и согласия моего никто не спрашивал»... Платья развесили в гардеробе, расчесали мне волосы, одели в ночную рубашку и пеньюар...

— Доброй ночи, миледи, — пропели девушки и закрыли за собой дверь... Не заперли... Хоть что-то радуется...

На завтрак меня пригласили вниз, в общий зал... Пока шла за служанкой, во все глаза рассматривала замок... Чудо, как хорош... Такой же, как хозяин — основательный, мужественный. Четкие линии, выдержанные приглушенные цвета — коричневый, песочный, травянисто-зеленый... Именно таким, я бы и сделала свой дом... Широкие просторные коридоры, портреты на стенах, везде чисто, ни пылинки...

— Доброе утро, — присела я в неглубоком реверансе. За столом уже сидели герцог Прадо и Руперт. Мужчины синхронно встали и поклонились... Руперт отодвинул стул рядом с собой и я села... Слуги накладывали кушанья, поглядывая на меня заинтересованно...

Мужчины между собой негромко обсуждали хозяйственные проблемы, уборку урожая, будущую ярмарку через неделю... Я молча ела... Иногда ловила на себе задумчивый, и какой то рассеянный взгляд герцога. Такое ощущение, что забывшись за разговором, он удивленно замечал, что пристально смотрит на меня, одергивал и опять поворачивался к другу... А через некоторое время, его глаза опять невольно выбирали своей целью меня...

— Свадьба послезавтра, — вдруг резко проговорил герцог. Я вздрогнула...

— Почему же не сегодня? Что, жених сбежал? — едко ответила я...

— Нет, не сбежал. Он как раз ждет не дождется соединения узами брака, — глаза герцога заледенели, я внутри меня все сжалось от ужаса... — Просто священник, который будет вас венчать, не здешний, я вызвал из столицы преданного мне человека... Так что, даже если ты скажешь «нет» у алтаря — тебе это не поможет...

Черт, а ведь была у меня такая мысль, сказать «нет»...

— А познакомиться с женихом мне можно? — а вдруг мне удастся уговорить женишка отступить, за большое количество золотых?

— Зачем? — насмешливо, — увидите у алтаря, ведь так выходят замуж настоящие герцогини?

Тягостный завтрак закончился... Я побрела в свою комнату. «Папа, ну где же ты? Скорее...».. И понимала, что он не успеет...

Целый день я была предоставлена сама себе... Слуги по моей просьбе показали библиотеку, я немного почитала, но томительное и тревожное ожидание неизбежного, довлело надо мной гранитной плитой, и не давало ни на чем сосредоточиться... Горничная Сара, сделала мне красивую прическу к ужину, одела в новое зеленое бархатное платье, по

пути расхваливая мои волосы и раскосые глаза... «Какая вы красавица, миледи»... «В замке так скучно и пусто без гостей. Вы не знаете, собирается ли герцог организовать бал?». - спрашивала она меня... «Возможно» — пробормотала я и подумала «В честь моей свадьбы»...

Мужчины, увидев меня, застыли с бокалами в руках... Руперт сразу же подскочил ко мне и поцеловал руку. «Вы сегодня так прекрасны, миледи», — прошептал он проникновенно и обернувшись к герцогу «Дункан, может разрешишь мне жениться на Аннабель? Какая тебе разница?» Я невесело улыбнулась шутке и повернулась к хозяину замка...

«Это будет не наказание, а награда для нее»... — хмыкнул герцог, — «Нет уж, друг, найди себе невесту сам»... Дункан подошел ближе и протянул руку. «Пойдем?»... Я вложила свои пальчики в теплую ладонь... Крохотные разряды побежали по руке вверх, обжигая приятным покалыванием. Я с удивлением посмотрела на герцога. В глазах мужчины застыло какое то растерянное удивление... Сердечко внезапно трепыхнулось и застучало часто-часто... Герцог молча, сосредоточенно подвел меня к столу и посадил рядом с собой... Книголюб.нет

Слуги только-только начали разносить суп, когда дверь столовой распахнулась и в комнату вплыла роскошная женщина, сверкая бриллиантами, но с кривой злой усмешкой на красивых губах...

— Ах вот вы где! — воскликнула она.

— Лаура? Что ты здесь делаешь? — поднялся герцог со стула... «Вот и женушка пожаловала», — подумала я... Я ее сразу узнала... Именно она толкнула меня с лестницы, когда мне было двенадцать лет... Именно ее я застучала в коридоре с камердинером короля, целующуюся «по взрослому» в губы... Именно ее имя, я написала на листке, вместо своего...

— Это и мой дом, дорогой муженек, — промурлыкала женщина... — и когда хочу, тогда и приезжаю... Герцогиня уселась за стол, напротив хозяина...

— Ужинать будешь? — хмуро спросил герцог.

— Нет, милый, меня сейчас постоянно подташнивает, поэтому откажусь... Мужчины застыли... Пауза затягивалась...

— Ах, ты все равно узнаешь рано или поздно... У тебя через восемь месяцев будет наследник, дорогой, — хихикнула женщина мерзким голосом...

— Какой наследник?! — громыхнул, вылетев стул из-под герцога, — я с тобой уже три года как не сплю...

— Нашлись добрые люди, помогли... Ах, не хмурься, тебе же нужен наследник? Правда, я не очень твердо знаю от кого... Хорошо было бы, конечно, от барона Прусса, или от маркиза Бюсси, хотя, — женщина задумалась, — возможно и от моего конюха... В общем, какая разница... — хмыкнула она... мне нужно было приехать к тебе, переночевать хоть одну ночь, а то как я смогу доказать, что это твой ребенок, если мы уже три года не видимся?...

В столовой наступила гробовая тишина... Я сидела за столом, возле герцога, низко опустив голову... Я кожей ощущала горечь и боль стоящего рядом мужчины, как свои собственные... Мне было жутко стыдно... Вина царапала острыми коготками прямо по сердцу, щеки горели...

— А это еще кто, рядом с тобой? — заметила меня Лаура, — очередная твоя шлюха?

Я подняла голову...

— Где то я ее уже видела... — задумчиво произнесла герцогиня, — давно она у тебя подстилкой?

— Не твое дело, Лаура, иди к себе... Утром поговорим... — отрезал герцог... Женщина поднялась.

— Ну не буду вам мешать... У вас, я смотрю, любовь на троих... — и обернувшись ко мне, — не тяжело с двумя, девочка? Если не будешь справляться, зови — я помогу, мне нравятся, когда мужчин много, — гадко хихикнула она и вышла из столовой... Я сидела, как оплеванная, и щеки полыхали жаром... Меня еще так никогда не оскорбляли... Втроем? Я даже не представляю, как это? И зачем?...

После ухода герцогини в столовой наступила оглушительная тишина... Есть уже расхотелось окончательно... Вдруг оглушительный грохот разбившегося бокала заставил нас с магом вздрогнуть... Герцог со всей силы стукнул кулаком по столу и схватился за голову, как будто из-за мучительной боли...

— Я пожалуй, пойду, — пролепетала я... Я вскочила со стула... Руперт провел меня грустным взглядом. Герцог даже не поднял голову со сцепленных в замок рук...

«Что я наделала!» — шептала я весь вечер, ходя у себя в спальне из угла в угол... Как я могла знать, что детская невинная шалость, через шесть лет превратиться в такой уродливый страшный кошмар? Как мне помочь ему? Как искупить свою вину? Ничего не приходило в голову... Разводы, действительно среди аристократов не практиковались... У нас в стране, еще были более лояльные законы, можно было при достаточно серьезных провинностях (измена, бесплодие и т. д.) развестись, но здесь... Эта страшная женщина никогда не согласиться лишиться титула герцогини...

Сара раздела меня и расплела волосы...

— Вам понравилось у нас?

— Да, спасибо... Все было замечательно, — пролепетала я...

— Вот видите, я знала... А герцог ничего не говорил про бал? — девушку интересовал именно этот вопрос...

— Нет. Ничего... — ответила я, — вечером в замок приехала герцогиня.

Я услышала как Сара резко вздохнула...

— Да... Наверное, бала не будет, — грустно произнесла она...

— Расскажи мне о герцоге, — вдруг, с удивлением для самой себя, сорвалось с языка...

Сара замаялась...

— Что можешь, что всем известно, — добавила я, — я не прошу сплетен или страшных тайн... Просто расскажи о его семье. Сара улыбнулась и кивнула...

— Наш герцог, самый лучший и благородный хозяин во всей стране... Он стал герцогом уже давно, еще в десятилетнем возрасте. Его отец погиб на охоте, неудачно упав с лошади и сломав себе спину... Мать умерла через пять лет, так и не смогла оправиться после смерти мужа. Они так сильно любили друг друга... — я удивилась, у герцога были любящие родители? Значит, он верит в любовь?... Сара продолжала...

— Его род очень древний и уважаемый... Герцоги Прадо родственники самого короля... Очень богатые и родовитые... Сколько я здесь работаю.. — Сара задумалась, — да уже пять лет, я никогда не слышала от него ни одного бранного слова, ни одной грубости или крика... Он такой благородный, воспитанный... Как его отец... Всегда думает о своих подданных прежде всего. Все вокруг уважают и любят нашего герцога...

Я подняла руку.

— Все, хватит на сегодня восхвалений, — ничего толком не узнала от горничной, одни дифирамбы... Я то знаю герцога совсем с другой стороны... Хотя...

Я отослала девушку, а сама забралась в постель... Еще один день прошел...

Утром, завтрак мне принесли в спальню... Сара шепотом сказала, что герцог разговаривает с женой... «Они кричат друг на друга» — со страшным лицом поведала она мне... До чего они там договорились — не знаю, но герцогиня после обеда укатила в столицу... Весь день я просидела в комнате, то читая, то рисуя возле окна... Зеленая долина за окном, прямо просилась на холст.... Но чаще всего в моем блокноте из под карандаша проявлялось широкоскулое мужественное лицо... И пронзительные глаза герцога смотрели мне прямо в душу...

Вечером меня все-таки позвали на ужин... Руперта в столовой не было. На мой вопрос, где маг, герцог ответил, что отослал его в город, чтобы тот не мешал...

— Он слишком привязался к тебе, — хмыкнул мужчина, — пытался меня заставить изменить решение... Я пристально посмотрела ему в лицо...

— Вы никогда не сможете простить меня? — с затаенной болью спросила я... Герцог задумался, медленно скользя взглядом по комнате, на меня он старался не смотреть....

— Я согласна, что должна заплатить... Вы правы... За ошибки нужно платить... Даже за такие детские шалости... Я просто хочу попросить у вас прощения, — мой голос дрогнул. Нет, я не расплачусь... — простите меня, милорд, я правда не думала, что все вот так произойдет... Я не хотела...

Мне стало немного легче. Я высказалась... То, что болело и ныло у меня внутри выбралось наружу... Я попросила прощения и признала свои ошибки... Как говорила моя мама, это уже полдела...

— Если вам станет легче от свершившейся мести, я завтра скажу «да» в храме, — тихо сказала я... — И не нужно было вызывать священника из столицы... Я согласна на свадьбу...

Медленно поднявшись, я побрела к себе... Герцог так и не сказал мне ни слова... Мне казалось, что он уже и сам не знает, что делать, и скорее действует по привычке, как заведенный, чем от большой ненависти. Ее уже не было. В глазах Дункана отражалась только растерянность и сомнения.

Утром Сара помогла мне одеться. Моя свадьба... Какой я представляла ее в детстве, в своих мечтаниях? Конечно с мамой, папой, братьями. В белом шикарном платье, в главном соборе нашей столицы... Да, уж точно не такой, как сейчас... Я не стала становиться в позу и одевать лохмотья... Одеда, то зеленое, бархатное, с открытыми плечами. Оно несказанно шло мне, делая ели заметную зелень в моих глазах более насыщенной и яркой... Волосы уложили в красивую высокую прическу, несколько темных локонов опускались на плечи... Рабский браслет скрыли широкие рукава... В храме уже стояло несколько людей... Кто такие? Свидетели жениха? Родственники? Мне было все равно... Краем глаза заметила Руперта (приехал все-таки). У стены застыл хмурый сосредоточенный герцог... «Все, что угодно... Только бы тебе стало легче» — мысленно прошептала я ему... Возле алтаря, на возвышении стоял мой жених... Ну что же, посмотрим, кого приготовил мне милорд...

Жених обернулся и окинул меня заинтересованным взглядом... Одет простовато, или зажиточный крестьянин, или мелкий ремесленник, или солдат... Грубое недалекое лицо с маленькими бегающими глазками, крепкие бицепсы, мощное, сильное тело... Не такое изящное и стройное, как у герцога, скорее мужицкое... В глазах я увидела неприкрытое восхищение и разгорающуюся похоть... Я неподвижно замерла прямо посреди прохода... Никакая сила в мире не заставит меня добровольно взять его руку...

— А вот и моя герцогинюшка пожаловала, — он ухмыльнулся... Мерзкий дребезжащий голос резанул по натянутым нервам... Жених подошел ко мне и грубо схватил под локоть, потащив к алтарю...

— Боишься? — прошептал мне в ухо, — правильно... Знаешь, что я с непокорными бабами делаю?

Я пыталась отрешиться от происходящего... Повторяла про себе «Это не надолго, только папа найдет меня, то сразу заберет... Нужно потерпеть несколько недель... Не убьет же он меня, в конце-концов»... Но уговоры помогали слабо... Тело била крупная дрожь, по спине бежал ледяной пот... Мы с женихом застыли перед алтарем. Его рука сильно стиснула мое предплечье, не давая отодвинуться ни на дюйм. Наверное, останутся синяки.

— Дети мои, — начал свою речь священник, — мы собрались здесь, чтобы соединить две судьбы...

— Стоп, — вдруг донесся спокойный, какой то деревянный голос герцога... — Свадьба отменяется... Все вокруг зашущукались, толпа всколыхнулась...

— Как? — закричал жених, — вы же обещали ее мне! Я не согласен!

— Ты хочешь сейчас поспорить с моим решением? — жутким тоном произнес герцог, — все вон... На сегодня развлечения закончились...

Я впала в ступор... Руку еще сжимали потные ладони жениха, а Руперт тянул меня прочь, на выход... Кто-то оторвал от меня визжащего обманутого мужчины... Ноги одеревенели, едва переставляя их, я поплелась к двери... Жених еще что-то возмущенно кричал, что его обманули, ему обещали невесту, был уговор... Краем уха слышала холодный голос герцога, что то ему отвечающий... Сознание уплывало, в голове стоял густой плотный туман, мыслей не было. Я еще не осознавала того, что освободилась, что все закончилось... Все еще пребывала в каком то безразличном мертвенном оцепенении...

Привели в мою спальню, усадили в кресло. Сара принесла чай... Наверное в нем был успокоительное, так как, выпив напиток, я отключилась... Проснулась я уже вечером от тихого стука в дверь...

— Миледи, вас приглашают ужинать, вниз, — раздался из-за двери голосок Сары...

— Да, — прохрипела я, — сейчас спущусь, только умоюсь... Девушка осторожно вошла, помогла привести меня в порядок... Я в каком-то полусне вышла из комнаты... Все еще казалось нереальным... Свадьба. Жених. Приказ герцога прекратить... Несостоявшаяся месть...

— Добрый вечер, милорд, Руперт, — присела я в реверансе... Мужчины молча поклонились... Дункан потягивал вино возле камина, Руперт стоял рядом, играя небольшим кинжалом...

Герцог не смотрел на меня... Задумчиво и неподвижно он уставился в огонь...

— Я дал распоряжение завтра утром приготовить для тебя карету... Мои слуги доставят тебя туда, откуда забрали... Через две с небольшим недели ты будешь в Гримли... — невыразительно произнес герцог камину...

— Спасибо, — прошептала я... Герцог упорно не поднимал головы, я посмотрела на Руперта, тот ели заметно пожал плечами...

— Ну что, будем ужинать? — деланно веселым тоном произнес маг.

— Ужинайте, — выдохнул герцог, — а я сегодня собираюсь напиться... Один, — добавил он, прервав возможное соучастие друга... Взяв две бутылки, стоящие на столе, стремительно вышел из комнаты...

Мы с Рупетром быстро поужинали... Без особого аппетита, просто так надо... Я боялась заговорить о герцоге... С одной стороны, я была рада, что утром я уеду домой, с другой — мне было тягостно и больно оставлять герцога наедине со своей бедой, с моей ужасной ошибкой... Он поступил, как благородный человек, простив меня... Как же мне ему помочь? Как я могу отблагодарить его? Хотя немного развеять его тягостное, гнетущее настроение... Для такого высокородного и гордого человека, нет ничего страшнее, чем знать, что ребенок не от тебя, что все богатства и родовую честь унаследует сын шлюхи от неизвестно кого...

Я сидела у себя в комнате и размышляла... Завтра я уеду из этого замка, исчезну из жизни человека, который стал мне за две недели далеко не безразличен. За эти дни он перевернул мой мир сверху до низу, превратившись из ненавистного мучителя в самого близкого и родного. Он сразу обратил на себя мое внимание, еще там, в Гримли... Мое сердце выскакивает из груди, когда он близко подходит, глаза постоянно следят за ним, а когда наши взгляды случайно встречаются — все мое тело опалает жаром, и мурашки бегут по спине... Никогда и ни с кем такого не было... Даже, с моим принцем, наследником престола было иначе... В шестнадцать лет Роб клялся мне и божился, что никогда не жениться на той заморской принцессе, с которой его помолвили... Только меня он любит, только со мной собирается прожить всю жизнь... Даже планировал отказаться от наследования и отдать первенство своему младшему брату... Когда Роб приезжал во дворец из Рокленда, мы все время проводили вместе... Моя детская первая любовь... Теперь я понимаю, что никакая это была не любовь, а просто увлечение принцем, наследником престола, самым блестящим молодым человеком в стране... Я была горда собой, еще бы — я встречаюсь, целуюсь с будущим королем! Вскоре наши встречи перестали быть тайной... Сначала со мной поговорила мама, потом королева...

Мне все было не по чем... А вот Роб... Не знаю, струсил ли он, или проникся важностью государственных обязательств... Мама как то вечером зашла ко мне в спальню и передала конверт... Распечатав, я не увидела письма, только один тонкий локон, с такими знакомыми белокурыми волосами... Я ни разу не гадала Робу... Может боялась, может думала, что смогу повернуть судьбу вспять, может просто не задумывалась о будущем... В общем, в воде отразилось не мое лицо... Я проплакала весь вечер у мамы на груди... А симпатичная физиономия незнакомой девушки стояла у меня пред глазами. Я даже не запомнила и не записала ее имя... Зачем? Наследник все равно жениться на выбранной ему монархом невесте... Вот так бесславно закончилась мое первое чувство... Теперь то я понимаю, что это просто было упрямство и непослушание с моей стороны. Буквально через месяц мне стал нравиться другой молодой человек, молодой граф Роберт... Правда, через пару месяцев разонравился, но это уже другая история... А принц остался со своей принцессой...

Наконец в моем мозгу сформировалась совершенно дикая мысль, я даже зажмурилась от негодования к себе... Расплатиться единственной ценностью, которая у меня сейчас при мне... «Ведь если бы он не остановил венчание, ее бы уже не было, Бель»...

Другая часть меня роптала «Как ты можешь! С ума сошла? Девственность — самое ценное, что у тебя есть!»...

«Нет, — отвечала я себе же, — самое ценное — твоя совесть и честь»...

«Ты любишь его, признайся...» — шепнуло мне сердце.

«Не знаю...» — ответила я самой себе...

«Ведь свое лицо ты видела в воде шесть лет назад» — не унималось сердце...

«Быть может все поменялось за эти шесть лет» — высказала я сомнения...

«Возможно, — согласилось сердце, — но ты никогда не узнаешь, если не попробуешь»...

Я шла по коридору глубокой ночью, как вор, пугаясь каждого шороха и замирая возле каждого поворота... Целых десять минут добиралась я до герцогской спальни, когда днем до нее можно было добраться за пару... Тихий нерешительный стук в дверь... Нетвердое «Войдите»...

Я нашла герцога уже порядочно набравшимся. Мужчина в полу-распахнутой рубашке, откинувшись сидел в кресле, а на журнальном столике рядом стояли полупустые бутылки... Глаза герцога удивленно, как то не веря себе, уставились на меня.

— Что ты здесь делаешь? — хриплым, пьяным голосом произнес Дункан... А сам внимательно следил за моими передвижениями... Я подошла ближе к креслу и развязала халат... Под ним ничего не было... Мужчина резко и шумно втянул в себя воздух... Зрачки герцога расширились и почти закрыли всю радужную оболочку, глаза превратились в два глубоких черных омута... Пальцы на левой руке побелели, вцепившись в бокал...

— Я сплю? Ты мне снишься? — произнес он недоверчиво...

— Нет, вы не спите, — ответила я тихо...

— Это благодарность? — проскрежетал он сипло...

— Это извинения...

Я трусила, как никогда в жизни... Нет, живя во дворце, я насмотрелась всякого. Парочки особо не прятались, и в коридорах дворца можно было встретить не только страстно целующихся мужчин и женщин, но и женщин с задранными юбками, и мужчин со спущенными штанами... Фрейлины королевы строгой моралью не страдали, и мои горничные часто рассказывали о том или ином скандале во дворце... Моя девственность, скорее была исключением, чем правилом... Просто видя перед собой каждый день светлое чувство, которое горело в глазах мамы и папы, я просто не могла потерять ее абы с кем... А сейчас я боялась лишь одного, как бы рыцарское благородство Дункана, не дало осуществиться моим планам... «Если он сейчас выставит меня за дверь — я умру со стыда» — подумала я...

Гробовое молчание накрыло герцогскую спальню. Моя голая кожа покрылась пупырышками, и вовсе не от холода... Я просто не знала, что делать дальше. Мои знания ограничивались поцелуями с Робом, и подсматриванием за парочками в коридоре... Я всегда думала, что мужчина сам знает, что делать, и если я предстану перед ним обнаженная — то он не устоит...

Дункан с невероятным титаническим усилием отвел глаза в сторону от моего тела... И так пристально уставился на бутылку, как будто в ней находилась разгадка всего сущего... Рука вцепилась в подлокотник кресла, казалось он сейчас его оторвет... Я растерялась...

Такое благородство герцога не вписывалось в мои «извинения»... Я твердо решила рассчитаться за свой поступок шестилетней давности, но пока все складывалось не в мою пользу... Может следовало зайти по-позже, когда Дункан напился бы сильнее? Но с другой стороны, я боялась столкнуться с абсолютно невменяемым мужчиной... Мысли лихорадочно метались в голове...

Я подошла еще немного ближе, почти вплотную к креслу. Челюсти виконта сжались, я увидела, как желваки заходили на его скулах.

— Иди спать, Аннабель, — уже абсолютно трезвым голосом произнес герцог, — мне не нужны твои извинения. Я давно тебя простил...

— Мне нужны, — тихо ответила я, — мне нечего вам предложить. У меня ничего нет, только это...

— Оставь «это» будущему мужу, — язвительно хмыкнул Дункан.

— Моему будущему мужу и так много чего достанется, пусть хоть чем то я распорядюсь сама, по своему усмотрению, — я сделала еще один малюсенький шагок и окончательно сбросила халат..

Стакан, который герцог сжимал в левой руке брызнул осколками в разные стороны, не выдержав давления сильных пальцев... Кровь потекла по ладони... Я схватила салфетку и прижала к его руке.

— Вы поранились? — вскрикнула я... Впервые за долгое время герцог поднял на меня глаза и впился в лицо немигающим диким взглядом. Сумасшедший огонь, горящий в глазах заставил меня вздрогнуть...

— Я проиграл, — хрипло прошептал он, — я больше не в силах... Что не силах, я так и не разобрала... Мужчина тяжело дышал, а я стояла так близко, что чувствовала всей поверхностью кожи его лихорадочное горячее дыхание... Его глаза чуть опустились вниз. Прошлись по моим губам, зацепились за нервно бьющуюся жилку на шее, ошупали ключицы... Взгляд оставлял жгучие отметины на теле, клеймил, обжигал... Глаза опустились на грудь... Мужчина как будто впал в ступор и несколько секунд просто неподвижно сидел, уставившись в одну точку на моей груди... Медленно, как будто во сне, Денкак поднял левую руку, с окровавленными пальцами и начал медленно рисовать узоры своей кровью на моей груди... Обвел контур, чуть тронул вершинку. Я судорожно всхлипнула, пьянящие горячие волны расходились по телу, кожа сразу покрылась мурашками...

Было по-своему изыскано... Красные линии на моем животе, талии, бедрах, красивые извилистые узоры... Герцог был как будто в трансе, с закушенной губой, горящими глазами он с каким то исступлением и восторгом разрисовывал мое тело, гладил бедра, талию, ноги... Приблизил лицо и водил носом по коже, глубоко вдыхая мой запах... Как дикий зверь, на одних инстинктах, метил меня своей кровью... Я дрожала, как в лихорадке он непонятных, но таких сильных ощущений... Ноги подгибались, я вцепилась Дункану в плечи и почти повисла на нем... Внизу живота образовался какой-то горячий тугой комок, болезненный, пульсирующий... Я сама уже хрипло, со стоном дышала... К его рукам вскоре присоединились губы... Теплые, сухие, с запахом вина и горечи... Короткие трепетные поцелуи живота, язык медленно обвел контур пупка, я вздрогнула и задрожала... Что со мной? Внутри все звенело, как натянутая струна, каждая мышца внутри, каждый мускул превратились огненную лаву, плавилась от этой пронзительной нежности и осторожных касаний... Кожа стала настолько чувствительной, что казалось, губы мужчины оставляли на

ней болезненные ожоги... Я уже ничего не соображала. Мои руки давно жили своей собственной жизнью, зарывшись в его жесткие волосы, гладили широкие плечи, царапали короткими ноготками шею, спину...

Я ощущала пальцы герцога совсем уж в неприличных местах. Он сильно, до боли сжимал ягодицы, гладил внутреннюю поверхность бедер, невесомо и осторожно дотрагивался до самого сокровенного... А губы по-прежнему не могли оторваться от моей груди... Язык творил что-то немыслимое. Влажные, долгие поцелуи сменялись осторожными легкими укусами. Теплое дыхание опаляло вершинку, посылая внутрь меня огненные волны, заставляя дрожать и постанывать... Было немного неудобно от странных непривычных ощущений внизу. Одновременно и пугающе и удивительно... Руки мужчины дрожали... Горячий лоб уткнулся мне в живот... Дункан на пару секунд замер... Потом сильные ладони подхватили меня под ягодицы, он резко рывком поднялся с кресла вместе со мной... Пару шагов и меня осторожно положили на кровать... Я сквозь полуопущенные ресницы наблюдала за раздевающимся герцогом. Он был прекрасен. Сильное красивое мужское тело. Гладкая смуглая кожа на груди, поросшая темными волосками. Ровные мускулистые ноги, крепкие руки... Он не дал мне насладиться видом своего обнаженного тела в полной мере, потому что через пару секунд накрыл им мое... И опять сумасшедшие поцелуи и руки, казалось побывавшие везде, проникшие в самые укромные уголки моего тела, только теперь он еще горячо шептал мне на ухо «Как ты прекрасна, моя красавица»... «Ты сводишь меня с ума»... Я уже не сдерживаясь стонала и цеплялась за него, то ли прося, то ли извинялась... Я ничего не понимала, что происходит, где я, что со мной... Темное душное марево накрыло комнату, растворились в дымке окружающие предметы, пропал стол, кресло, камин... Взгляд сфокусировался только на нем, мужчине рядом со мной, надо мной, выхватывал из чернильной темноты то губы шепчущие мне «Любимая», то горячий алчный взгляд, опутывающий меня всю и заставляющий пылать ярче самого жаркого костра...

Больно почти не было... Подружки зря меня страшили... Только немного испугалась, когда что-то большое стало проталкиваться внутрь... Но горячий шепот мужчины «Девочка моя, я не сделаю тебе больно», — заставил меня расслабиться... Зато потом... Меня охватили такие непередаваемые яркие, упоительные ощущения, что я забыла обо всем...

После, Дункан, с какой то торжественной серьезностью подошёл с влажным полотенцем и нежно раздвинув мои ноги, аккуратно стер следы своей страсти и небольшие мазки крови... Я вдруг ужасно засмушалась... Мне стало стыдно, я заалела, как маков цвет и попыталась сжать колени... Мне не дали... Горячий взгляд герцога прошелся по телу от макушки до пяток, рассматривая меня, как самый ценный приз, выигранный в кровопролитной войне, добытый в самом пекле, выстраданный, вымученный, бесконечно дорогой и бесценный...

— Простите меня, — прошептала я тихонько, когда он улегся рядом и крепко обнял.

— Я действительно тебя простил, — горячо выдохнул мне в ухо, — месть не принесла бы мне счастья и удовлетворения... Стало бы еще хуже... Я, слава богу, это понял не слишком поздно...

Я развернулась к нему лицом. В темноте комнаты его взгляд выворачивал наизнанку...

— Пусть я буду несчастным, но один... Зачем делать несчастным еще кого-то? Я мужчина, и должен поступать по мужски. Я сам женился, никто меня за руку не тянул... Это моя вина, и мой крест. Мои глаза наполнились слезами...

— Не плачь, Бель. Это моя судьба... Пусть такая кривая, убогая, но моя... Значит я чем то заслужил ее...

— Нет-нет, — шептала я сквозь слезы. — это все я... Это моя вина, что так случилось.

— Девочка дорогая, — нежно поцеловал меня Дункан, — ты не при чем... Я старше тебя на семь лет, и у меня должна быть голова на плечах. Нет, не спорь, — добавил он, видя мое возмущение, — Ты подарила мне самую прекрасную ночь... Чудесную сказку. Я буду помнить ее всю оставшуюся жизнь... Моя волшебница, — он обхватил мое лицо ладонями, — спасибо тебе...

Глаза герцога пристально, с каким то болезненным наслаждением всматривались в мои... Я со стоном потянулась к нему, к его твердому горячему телу, сильным рукам, к его чудесному запаху...

— Тебе же будет больно, Бель, — простонал он хрипло...

— Мне будет восхитительно, — прошептала я...

Я знала, что эта ночь — единственное, что у нас есть. И он знал... И как будто смертник перед казнью, я пыталась ухватить за краешек ускользающую нить. Уцепиться всеми конечностями, крепко-накрепко в своего мужчину. Врасти в него, почувствовать его сердце у себя в груди, его дыхание у себя в горле, его кожу у себя на теле... Хоть на время почувствовать, как это — быть вместе, единым целым со своей судьбой, со своей второй половинкой. Я как будто сошла с ума. Превратилась в одержимую. Завтра я очнусь, и наверное, приду в себя, подумаю и поразмышляю над своим поведением. Возможно, умру со стыда. Возможно поплачу от горечи и потери. Возможно мне будет стыдно не то, что смотреть в глаза герцогу, но даже смотреться в зеркало... Но все это будет завтра. А сегодня я хочу взять от этой единственной ночи все, что смогу унести с собой. В свою будущую одинокую жизнь, жизнь без него...

Проснулась я в кровати одна. Рядом на стуле висел мой халат, правой руке было непривычно легко. Я перевела взгляд — браслет отсутствовал... Подушка со стороны Дункана уже успела остыть... Значит, ушел давно... «Как же я пойду назад, в свою комнату? — мысленно застонала я, — ведь слуги увидят»... Медленно поднялась с кровати, одела халат, и наконец, впервые внимательно осмотрелась... Исключительно мужская комната, чем то похожа на папин кабинет... Ничего лишнего, строгость, простота и элегантность... Но высшего качества... В углу, на полу стоял кувшин с водой... Я раздумывала лишь секунду... Собрала несколько темных коротких волосков с подушки и подошла к кувшину. Сомнений не было ни единого... Нужно было лишь подтвердить свою уверенность. И когда в воде отразилось мое лицо — я даже не удивилась... Только грустно улыбнулась. «Да Бель, ты сама своими же руками оттолкнула свое счастье шесть лет назад, а ведь могла бы быть уже замужем за Дунканом... Могла бы жить в этом прекрасном замке, спать в этой кровати, каждую ночь наслаждаться его ласками»... Глаза наполнились слезами от невероятной горечи и разочарования... «Тебе некого в этом винить, только себя»...

Я вышла в коридор и побрела в свою спальню, ни на кого уже не обращая внимания... Пусть думают, что хотят...

Вот значит оно как, встретить свою половину... Неужели мои родители постоянно ощущают то же самое? Неужели все те люди, которым я помогла, за деньги или по доброте,

бесплатно, так же связаны неразрывной нитью с другим человеком, с тем, кого я им указала? Чувствуют его, как самого себя? Стук его сердца у себя в груди, горячую кровь, пульсирующую в сосудах, жар, охватывающий тело? Это одновременно и так прекрасно, и так ужасно...

Сара ждала в моей спальне, на столике стоял поднос с завтраком... Молча помогла мне одеться, причесаться... негатива от нее не исходило, думаю, она обо всем догадалась, но не осуждала, и то хорошо...

— Ваша карета уже ждет во дворе, — тихо сказала девушка...

— Сара, скажи, где герцог? Можно мне с ним увидеться? — спросила я.

Девушка посмотрела на меня грустными глазами.

— Он с утра заперся в библиотеке, и никого не хочет видеть, — ответила она...

— Я все же прощаюсь...

Внизу, в гостиной я встретила хмурого Руперта.

— Уезжаешь?

— Да, только прощаюсь с милордом...

— Он приказал проводить тебя до границы с Вертой. Так что тебе придется терпеть меня еще неделю, Аннабель...

Я просто кивнула и пошла в библиотеку. Дверь оказалась заперта. На мой стук донеслось «Проваливайте»...

— Это я, милорд. Я пришла попрощаться, — негромко произнесла я... Через несколько долгих секунд щелкнул замок и дверь отворилась... Герцог с шутливым поклоном махнул рукой внутрь комнаты «Проходи»...

Мне было страшно и боязно смотреть ему в лицо, и в то же время я мучительно жаждала заглянуть в серые любимые глаза. Увидеть там.... Что?

— Я... хотела... — запинаясь и дрожа, с трудом выдавливая из себя слова, — поблагодарить вас, за то что отпустили меня...

— Ну ты же знатно расплатилась, — холодом обожгло от высокомерного тона... Я смутилась и растерялась.

— А можно мне остаться? — вырвалось у меня вдруг, я даже сама удивилась своим словам... Герцог внимательно посмотрел на меня...

— Зачем?

— Мне здесь понравилось, — начала тараторить я, — я хотела бы погостить у вас подольше, и все-равно за мной папа приедет через несколько недель...

— Нет, — резко ответил герцог, — нечего тебе здесь делать. Увы, гостеприимство не мой профиль, — его голос звучал почти спокойно, только побелевшие костяшки на стиснутых кулаках выдавали волнение...

— Уезжай, Аннабель. Мне нечего тебе предложить.

— Но вы же вчера ночью... — я запнулась... Я хотела сказать, что слышала «Любимая» из его уст, но слово встало у меня поперек горла...

— Ночью? — насмешливо потянул герцог, — наивная девочка, ты совсем не знаешь мужчин... Тому, что они говорят ночью верить никак нельзя... Ради прекрасного женского тела, можно еще и не то сказать, — обидные слова били наотмашь... Я низко опустила голову....

— Чем скорее ты покинешь мой замок, тем лучше... У меня много дел накопилось, мне

некогда возиться еще и с наивными глупенькими девочками...

Я развернулась и побрела к двери. «Прощайте» — прошептала я... «Прощай» — тихим эхом ответил герцог.

И только за дверью, я услышала приглушенное сдавленное ругательство и глухой стук, как будто что то уронили тяжелое.

С родителями я встретилась уже на второй границе с Вертой. До дома не доехала всего несколько дней. Когда я увидела в таверне знакомый герб на карете, сердце подпрыгнуло к горлу...

— Папочка! — заорала я и кинулась внутрь... Оказалось, что с папой на мои поиски отправилась и мама... Когда стихли рыдания, отец отвел меня в снятую ими комнату... Что я могу сказать... Он был очень зол... Точнее, папа был просто в ярости. Сначала взволнованно осмотрел и ощупал меня на предмет ранения и повреждений, потом, выяснив, что я здорова и цела, процедил «Расскажешь все в карете» и потянул за собой... У меня было время, чтобы состряпать простенькую историю о моем похищении... Мы ехали домой, в шикарной герцогской карете, вокруг сказал отряд личных телохранителей канцлера, а мне было опять страшно, только теперь перед родителями...

Вкратце я рассказала, о недовольном обманутом клиенте, который решил отомстить, но потом передумал и простил меня...

— Я все равно накажу этого негодяя, — процедил отец сквозь зубы, мама проницательно смотрела на меня, поняв, что я что-то недоговариваю..

— Нет, — вскрикнула я, — не нужно наказывать, я сама во всем виновата. Это моя злая шутка сделала человека несчастным. Он хороший, и он в своем праве... И он простил меня... Со мной ничего плохого не случилось, и я хотела бы забыть этот инцидент как можно скорее..

— Посмотрим, — пробормотал отец...

Мы поехали прямо в столицу. Папа сказал, что теперь никакой самостоятельности я не получу... И буду жить за крепкими стенами дворца.

Я опять обитала в своих комнатах, рисовала, совершала конные прогулки, сплетничала с фрейлинами, ходила в гости к подружкам... Прежняя жизнь потихоньку вошла в привычное русло... Но внутри меня теперь навсегда поселилась странная выматывающая тоска... Болезненная, томительная, беспросветная... Прошел месяц, а я никак не могла забыть герцога. И каждое утро вставала с опухшими глазами... От моего сердца осталась ровно половина... Вторая находилась далеко-далеко, за многие мили. Жить с половиной сердца оказывается совсем непросто, точнее, совершенно невозможно. Раненое, оно обливало кровью, постоянно болело и ныло, не давая спокойно ни есть ни спать... Ну вот зачем людям дается память? Чтобы заново переживать самые прекрасные моменты в жизни? Или чтобы страдать и мучиться от невозможности испытать их снова?.. У меня было Воспоминание... Я очистила его, отмыла от всего грязного, наносного. От боли, ссор, обид, непонимания. Оставила себе только яркую прекрасную сердцевину, и каждый день вынимала из тайников сердца и любовалась им...

Я вдруг поняла, что мой дар не такой уж и нужный... Потому что узнав свою вторую половинку, я больше не смогу быть ни с кем, это уже понятно... Больше не смогу не то, что

выйти замуж, завести семью, детей, но и даже просто поцеловаться или пофлиртовать с другим мужчиной... Лучше бы мой дар никогда не просыпался...

Мама беспокоилась. Пыталась со мной поговорить по душам, но я только молчала и опускала глаза... Еще одна призрачная надежда умерла — ребенка у меня не будет... Я надеялась, что хоть что-то смогу забрать себе, присвоить, отобрать у Дункана, но нет, наша единственная ночь не оставила последствий...

Наконец, видя как я маюсь и хую, мама вызвала меня на серьезный разговор.

— Рассказывай, Бель! Что действительно произошло за эти две недели, когда тебя похитили. — твердо сказала мама. Слезы тет же потекли у меня из глаз, как будто ждали разрешения...

— Я нашла свою вторую половинку, — прошептала я...

Мама внимательно на меня смотрела.

— И что?

А после... Я рассказала все... И что произошло шесть лет назад, и что случилось потом. Я рассказала о Лауре, о ребенке, который не его. Я рассказала о нашей ночи... Мама меня не осуждала, только задумчиво гладила меня по голове...

— Что мне делать, ма? — рыдала я, — я не могу без него жить, я люблю его...

— Ну, успокойся, Бель, — мама поцеловала меня в макушку, — девочка моя родная, это же счастье — встретить свою судьбу...

— Конечно, счастье, — всхлипывала я, — он выгнал меня, сказал, что получил от меня все, что хотел...

— Бель, он благородный человек. И он женат. Что он мог тебе сказать? Что дать? Оскорбить предложением стать любовницей? Мужчины... Они такие гордые... Как нужно было оторвать тебя от своего сердца, что бы ты уехала? Вот Дункан и сказал те единственные слова, которые тебя обидели...

— Думаешь, он меня любит? — прошептала я...

— Конечно, любит, — ответила мама, — он же твоя вторая половинка, ты же сама столько гадала другим людям, а сама не разобралась в главном принципе своего гадания...

— И как же мне быть? — с надеждой подняла глаза... Мама на миг задумалась...

— Езжай к нему, девочка моя, — вдруг сказала мама серьезно, — будь с ним... Как угодно, каким угодно способом, жизнь такая короткая, я это поняла... Вы созданы друг для друга и судьба сведет вас. Настоящая любовь обязательно найдет лазейку... Не знаю как, но найдет, и вы обязательно будете вместе. И не обращай внимания на сплетни, пересуды, черную зависть... Главное, что ты будешь рядом с ним...

— Но ты ведь сама мне рассказывала, что уехала от папы, когда он предложил тебе стать его любовницей, — хлюпнула носом я... Мама улыбнулась.

— Тогда был другой случай... Папа был холостой и перед ним стоял выбор — жениться по расчету или по любви. Я просто подтолкнула его в правильном направлении... Точнее он сам все решил и правильно решил... У твоего Дункана такого выбора нет. И в этом есть твоя небольшая вина... — я пыталась запротестовать «не небольшая, а очень даже огромная». — мама погладила меня по руке, — езжай к нему... Придумай, как, придумай когда... А я помогу.

Как мне стало хорошо, после этих слов — не передать словами. Я воспрянула духом, принялась обдумывать план, собирать вещи. Мама пообещала подготовить папу... За него я

не переживала, если мама возьмется, то папа обязательно сдастся на милость любимой жене...

И через два месяца, после того как покинула Злату, я опять в нее въехала... В роскошной карете, со слугами, с несколькими чемоданами с одеждой, книгами, разными мелочами. Я собиралась задержаться здесь надолго и побороться за свое счастье...

В десяти милях от замка Прадо находился крупный город, один из находящихся под патронатством герцога — Стром. Там я и решила остановиться... Сняла небольшой двухэтажный домик, чистенький, уютный, так похожий на тот, который достался маме от прадедушки. Маленький дворик, крошечный садик и светлая веранда вокруг. Я собиралась открыть лавку, рисовать портреты, картины на заказ... Я все продумала... Заниматься гаданием опасно, не буду привлекать к себе внимания, а единственное, что у меня еще хорошо получалось — рисовать... Я привезла холсты, краски, карандаши... Папа положил на мой счет в банке круглую сумму, так что бедствовать мне не пришлось бы... Слуг с каретой отослала домой, а сама начала обживать... Городок был немного по-больше Гримли, но такой же тихий и провинциальный. Меня по-доброму приняли жители... Я сочинила сказку, что приехала из Верты, закончила там художественную школу, и мне нужно практиковаться. А у вас здесь такие чудесные виды...

Рисовала портреты жителей, то бесплатно, то за небольшие деньги. Часто брала холст, карандаши и выходила за город... Постепенно обо мне узнали, и стали приезжать зажиточные горожане, заказывая картины или семейные портреты...

О Дункане в городе говорили часто и много. Очень хвалили, гордились своим патроном. Такой хозяйственный, такой заботливый. Если случается какая беда, или эпидемия, или мор у скотины — всегда поможет и деньгами, и советом, и солдатами. Не чурается даже самой грязной и тяжелой работы...

Несколько раз из окна видела, как он проезжал по улице с отрядом, хмурый, серьезный, тут же пряталась за занавеску, как испуганный заяц... То где то прорвало дамбу, то пожар на мельнице, то городской суд... Он был хозяином этих земель, постоянно разъезжал по провинциям, вникал в проблемы жителей, помогал... Я тихо наслаждалась этим знанием, знанием того, что я не ошиблась в своем выборе, что я выбрала самого замечательного человека на свете...

Но иногда мне было так плохо и больно, что сердце разрывалось в груди и я не могла заснуть всю ночь... В замке редко, но все же проводили балы... Это были не те изысканные балы для высшего света... Жители городка шептались, что в замок приезжали женщины легкого поведения из столицы, и замок гудел несколько дней, спиртное лилось рекой, танцы, музыка... Слуги приезжали в городок за вином и мясом, и рассказывали, какие красавицы, вьются вокруг герцога и как они там веселятся... После бала герцог запирался у себя в кабинете и пил неделю... Потом, правда брал себя в руки и опять занимался делами подданных... Нет, его не осуждали в городке. Молодой мужчина. Жена редкостная дрянь, конечно он может расслабиться и кутить всю ночь... Но мне от этого было не легче...

О его жене ходили самые жуткие сплетни... Когда она жила в замке, то успела насолить и навредить всем, до кого успела дотянуться... Обожгла свою служанку, плеснув в лицо кипятком, за то, что та принесла ей чай и не положила сахар. Любимая болонка герцогини пропала... Все обыскались и через пару дней наши трупик на камнях под окнами ее спальни... Оказалось, что собачка мешала ей отдыхать и улетела в окно... Таких историй

было великое множество... За моей спиной сплели были гораздо хуже, о ее беспутном поведении и многочисленных изменах герцогу... Но мне, как девушке, это не рассказывали...

Я уже жила в Строме четыре месяца, и сама не знала, что делать дальше... Я была в тупике... Мама говорила, что любовь всегда найдет выход даже из самой неразрешимой ситуации, и я верила...

Я часто выставляла свои картины на продажу в небольшом магазинчике в центре Строма. Жители покупали недорогие маленькие акварели, или зарисовки карандашом здешних красот и достопримечательностей городка... Вот и сейчас, прихватив несколько своих работ я шла в магазин. Господин Арно приветливо поздоровался.

— Ну что ты нам принесла на этот раз, Анна? — я назвалась Анной Арсон, на всякий случай...

Я с улыбкой протянула свои зарисовки. В ответ хозяин магазина отсыпал мне несколько золотых за проданные картины.

— Мне так с тобой повезло, девочка. Твои картины в витрине — дополнительная реклама моему магазину. Многие жители просто останавливаются и рассматривают их, потом заходят и покупают еще что-нибудь... Вот и герцог вчера заинтересовался твоими работами, даже купил несколько, — я вздрогнула и напряглась... Не то, что бы я испугалась, мало ли художников на свете... Но следовало быть осторожнее...

Сделав некоторые покупки, я шла домой, когда издали увидела отряд во главе с герцогом. «Ох, — подумала я, — забыла». Сегодня у бургомистра торжественное событие — открытие первой общественной библиотеки в городе, а так как герцог спонсировал строительство здания, пригласили и его... Я быстро свернула в соседнюю улочку, правда успев издали зацепить внимательный цепкий взгляд своего мужчины в мою сторону... Но нечего переживать. В плотном платке, повязанном, как у замужней, полностью закрывавшему волосы и часть лица, меня сейчас узнать было практически невозможно... Да и простое серое платье не выделяло меня из толпы... Я так уже несколько раз сталкивалась с герцогом Прадо на одной улице, правда сразу отворачивалась и пряталась, не дожидаясь, когда он меня заметит... Пронесет и в этот раз... И уже краем глаза увидела, как герцог свернул на улочку, где находился магазин господина Арно... «Как же не вовремя герцог увлекся живописью» — подумала я пошла домой.

Успела только разобрать покупки, как раздался решительный стук во входную дверь. Калитку днем я всегда оставляла открытой и запирала только на ночь, ко мне часто заходили соседи и мои клиенты... Сердце сжалось от нехорошего предчувствия... Ох, не зря, герцог свернул к магазинчику... Хотя — кто такой герцог и кто простая бедная художница? Вряд ли он приехал сам, скорее всего прислал кого-то...

Но распахнув дверь, я с изумлением увидела на пороге высокую фигуру Дункана Прадо... В первую секунду он, кажется, опешил даже больше, чем я... Его глаза некоторое время неверяще смотрели на меня, а руки вцепились в косяк по обе стороны от двери... Он тяжело дышал, как будто бежал десять миль без остановки. На лбу поблескивали бисеринки пота... Потом, через несколько секунд герцог, по-видимому, решил для себя, что я ему не привиделась... В глазах появилось осмысленное выражение... Сначала вспыхнула сумасшедшая радость, потом удивление, потом понимание и осознание... Взгляд упивался,

смаковал, будто перед самым голодным человеком на свете поставили роскошные кушанья. Глаза герцога перебегали с шеи на губы, опускались на грудь, перескакивали с одной руки на другую, скатывались вниз на ступни, ни где не останавливаясь дольше пары секунд. Он хотел охватить меня всю, с макушки до пяток, и не мог налюбоваться. Когда же Дункан утолил свой визуальный голод, он сделал шаг вперед... Я отступила от двери вглубь комнаты... Мужчина закрыл за собой дверь.

Мы стояли друг напротив друга в гостиной и молчали. Я рассматривала его с не меньшим наслаждением, чем он меня... Мне было легче — я все-таки иногда встречала его на улице или видела из окна... За эти четыре месяца я узнала о нем все, что могла. О его семье, детстве, юности... Знала, что происходит в замке, знала сколько раз он выезжал за пределы провинции, и чуть ли что он ест на завтрак... Ему было хуже... Если, действительно, он меня любит (а мой магический дар говорил именно об этом), то за эти полгода он должно быть просто сходил с ума от тоски...

— Что ты здесь делаешь? — наконец спросил Дункан хрипло.

— Живу, — постаралась спокойно ответить я...

— Давно? — герцог с трудом отвел глаза от меня и начал внимательно рассматривать мое жилище.

— Четыре месяца, — четко отрапортовала я... На лице мужчины отразилось замешательство пополам с удивлением...

— Зачем приехала? — хмуро поинтересовался он, делая несложные вычисление в уме, а взгляд невольно возвращался ко мне...

— Мне здесь понравилась природа, — буркнула я обиженно... Глупый герцог, неужели трудно понять, зачем? Я видела, что он из последних сил держит себя в руках, и сама не меньше жаждала прикоснуться к нему. Так долго его не было рядом... Слишком долго... Я смотрела на его губы, руки и чувствовала их у себя на коже. Жар медленно разливался по всему телу... Я первая сделала шаг вперед, ближе, еще ближе, мой взгляд сфокусировался только на его плотно сжатых, но таких соблазнительных губах. Меня как магнитом притягивали его сдержанная страсть, его неуместное благородство, показная невозмутимость и бесстрастность... «Ну поцелуй же меня», — мысленно взмолилась я, и уже не сдерживаясь дотронулась пальчиками до теплой щеки. Герцог вздрогнул и на секунду прикрыл глаза, как будто от наслаждения...

— Нет, — прохрипел он и отступил к двери... — если я сейчас дотронусь до тебя, я уже не смогу сдержаться...

— А зачем сдерживаться? — тихо спросила я и добавила, — я люблю тебя, Дункан и как бы ты ни скрывал от меня свои чувства, я целиком и полностью уверена, что и ты тоже меня любишь...

Мужчина дернулся и застыл каменным изваянием.

— Шесть лет назад я увидела себя в воде, когда гадала по твоему локону, — наконец я сказала свою ужасную тайну и замерла, ожидая его гневной отповеди...

Герцог ничего не сказал... Все и так было понятно... На секунду взгляд его сделался больным и тоскливым... Горечь, сожаление, невыносимое разочарование смотрели из его глаз, и никакой надежды на возможное счастливое будущее... Мы молчали...

— Да... — наконец прошептал он, то ли соглашаясь с моим утверждением, то ли обвиняя в содеянном шесть лет назад... — ты права, — добавил уже разворачиваясь к двери и выходя... Я осталась стоять посреди гостиной, и из окна смотрела на сторбленную фигуру,

идушую прочь от моего дома. Что нас ждет дальше?... Я чувствовала внутри только пустоту и леденящий холод...

И началась жизнь еще более мучительная и болезненная, чем прежде... Теперь я не пряталась, и когда видела кавалькаду герцога не ныряла в переулок. Он замечал меня тотчас, мгновенно. Кажется мы были связаны одной крепкой неразрывной нитью, и всегда знали, где находится второй из нас.

В замок приехала супруга. Городок гудел самыми разнообразными слухами. Беременная герцогиня стала еще более невыносимой и стервозной. С ней приехал лучший врач из столицы принимать роды. Это великое событие должно было случиться через месяц. Все, кому ни лень, шептались и злословили о непонятном «наследнике» герцога, а мое сердце обливало горячими слезами.

Случайно, в городке я встретила Сару, оказывается у нее в Строне живет бабушка, и иногда девушка проводит старушку.... Мы немного поговорили, старательно избегая темы о герцоге и его жене. Сара только сказала, что замковые слуги получили разрешение не прислуживать герцогине, и она вызвала своих личных горничных из столицы... В доме установилась тягостная мрачная атмосфера, и по-возможности она отпрашивается у управляющего. То посетить родственников, то на ярмарку, то просто погулять в городе. Я пригласила Сару в гости. И она стала частенько ко мне навещать, рассказывая новости, наблюдая за моими художествами, показывая самые удивительные виды в городе и за ним...

Герцог почти не жил в замке, я слышала от господина Арно, что частенько ночует то в охотничьем замке, то совершает дальние поездки по провинции, у него еще есть несколько больших поместий на юге, на западе...

Через время герцогиня родила девочку. Все вздохнули с облегчением, так как наследование герцогства ведется по мужской линии... Но если, честно, мне было не легче от осознания этого... Ведь если у герцога не будет больше наследников (а скорее всего так и произойдет), то дочь все-таки сможет наследовать...

Стук во входную дверь раздался глубоким вечером. На небе уже зажглись звезды.

В проеме двери стоял Дункан. Я сжала зубы, ох уж это его благородство! Приезжать поздно ночью, чтобы не бросить ни малейшую тень на мою репутацию... Да плевать мне на нее!

Я молча отошла в сторону, давая ему пройти. Мужчина был странно сосредоточен, как будто принял решение, и явно не в мою пользу.

— Я приехал к тебе... — начал он твердым тоном, но потом тяжелый вздох испортил всю торжественную серьезность, — я так больше не могу...

«Он не может... А я?»...

— Уезжай, Бель.... Пожалуйста... Я не могу ни есть, ни спать, ни работать, зная что ты живешь рядом со мной, в часе езды от замка. Я каждый день одергиваю себя, почти канатами привязываю к замковым воротам, чтобы не сесть на лошадь и не приехать к тебе... Это мучительно, и для меня, и для тебя...

— Мы могли бы... — начала я нерешительно...

— Нет, — резко оборвал меня герцог, — ты согласишься стать моей любовницей? Ты, герцогиня, согласишься на постыдный адюльтер? Возможно, всю жизнь придется

скрываться и терпеть скандальные насмешки?

— Да, — прошептала я, — соглашусь...

— Я не соглашусь, — отрезал мужчина, — это будет оскорблением для тебя, для меня...

Оскорблением для нашей любви... Рано или поздно ты захочешь нормальную семью, детей... Нет, я не позволю моим детям родиться незаконнорожденными...

— Но ведь один раз это произошло, — робко напомнила я ему нашу единственную ночь. Герцог грустно улыбнулся...

— Я был сильно пьян и не контролировал себя. Ты была такой прекрасной... Как сон, как ожившая мечта... Я не устоял... И это воспоминание одновременно и мучает меня и наполняет таким безграничным счастьем... - мужчина на секунду замолчал, — уезжай, я прошу... Тебе будет лучше дома, с родителями...

— Нет, — впервые твердо заявила я, — я не уеду, я не оставлю тебя... Мы придумаем что-нибудь обязательно.

— Что? — произнес потерянно герцог, — я уже тысячу раз просил у Лауры развода... Она сказала, что даст, только если я отпишу ей все свое состояние целиком... Я уже было согласился, но...

— Но?... — если честно мне было плевать на его богатство, я бы вышла за него замуж, если бы он был нищим...

— Мои подданные... Я просто не могу бросить веками накопленные моими предками богатства. Земли, отвоеванные в кровопролитных войнах... Бросить родовую честь герцогов Прадо к ногам этой женщины... Ведь все пойдет прахом... И эти люди, живущие здесь... — Дункан вздохнул, — я отвечаю за них, они доверяют мне...

Мы помолчали... Я смотрела на своего любимого мужчину и в глубине души признавала, что он прав, гордилась им, его благородством, честностью, принципиальностью...

— Я не уеду, — произнесла я уверенно, — ты не сможешь заставить меня...

— И мы будем мучить друг друга? — спросил герцог...

— Значит будем, — поставила я точку... На самом деле у меня уже зрела мысль, как можно выправить ситуацию... Крошечная надежда, малюсенький шанс... Но пока я не могла раскрыться герцогу...

Он ушел в ночь, а я села обдумывать свою идею. Для ее воплощения мне нужна была помощь Сары и я собиралась завтра ее попросить об услуге. Герцогиня пока живет в замке, оправляется от родов и мне нужен был от нее только локон или капля крови... На самом деле я не знала, возможно ли влюбиться без оглядки для такой женщины, как Лаура?... Беспринципной, беспутной и жадной... Но ведь для каждого человека в мире приготовлена его половинка, значит и для нее тоже... Я умела делать только это, и нужно было проверить и такой вариант.

Сара была очень удивлена, но пообещала пробраться в спальню герцогини и взять ее расческу...

Через два дня волоски были у меня, а через десять минут я знала имя суженого Лауры...

Шах Ашраф Вахид... Дальнее большое южное государство, граничащее с моей родной страной на юге... С Златой общих границ у него не было... Государство южное, там процветает рабство, многоженство... У каждого богатого паши был гарем, несколько жен и наложницы... Меня терзали сомнения... Захочет ли Лаура, богатая, влиятельная герцогиня, оставить свой титул и стать одной из многих жен этого Ашрафа? Но так как других

вариантов не было, придется испробовать все...

Несколько дней я раздумывала над тем, как свести их вместе... Нужно было просить папу... Я написала маме развернутое письмо, с просьбой повлиять на канцлера и по возможности пригласить шаха с дипломатической миссией к нашему королю... Отец, наверное, был в ярости, но мама ответила, что сумеет его уговорить. И вот, через месяц мне пришло письмо. Шах Вахид ответил согласием на приглашение нашего монарха и через месяц прибудет в столицу... Оставалось дело за малым — уговорить Лауру посетить свою бывшую родину... Для этого нужно было рассказать мою задумку герцогу.

Через Сару я передала просьбу встретиться... Дункан опять приехал глубокой ночью, оставив карету через два квартала от моей улицы... Мы сели на кушетку в гостиной на приличном расстоянии друг от друга...

Я рассказала о своей идее... Попыталась убедить его в крошечной, но возможности положительного исхода. Дункан долго молчал...

— Я уже почти принял решение, — наконец ответил он, — все равно после моей смерти наследует дочь Лауры, все равно герцогство не останется у рода Прадо... Так что, десятилетием раньше, десятилетием позже... Я дал согласие на развод и отдам все свое имущество Лауре...

— Нет, постой, — затараторила я, — давай пока попробуем мой способ... Не подписывай пока ничего, скажи, что приглашаешь посетить ее родной город, придумай причину... А после, если ничего не удастся, разведешься уже по ее требованиям...

Дункан склонил голову... «Хорошо. Я попробую»...

— Я буду ждать вас в столице, выеду завтра, — прошептала я... Герцог взял мою руку своими широкими ладонями. Ласково и трепетно, как хрупкую драгоценность поцеловал каждый пальчик... Мое сердце плавилось от безграничной нежности к моему любимому мужчине. Я потянулась к его губам, почувствовала едва заметное касание теплой кожи к щеке, вдохнула его запах. Мне хотелось залезть к нему колени, прижаться крепко-крепко к груди, обнять и больше никогда не отпускать от себя... Но позволив себе один целомудренный поцелуй в щеку, герцог встал с кушетки...

— Любимая моя девочка, — моя рука тянется вслед за его, не давая расцепить ладони, — мое недостижимое счастье, моя мечта... Мы все равно будем вместе, теперь я уже это точно знаю...

— Да, — шепчу я и отпускаю его...

Родители встретили меня тепло и радостно. Папа немного пробурчал, как же я умудрилась влюбиться в женатого мужчину, но в общем, все прошло благополучно. Я вернулась домой, в теплые объятия моей мамы, к ее мудрым правильным советам. Как я по ним скучала!

Герцог с женой приехали через две недели. Что он ей пообещал, как уговаривал? Не знаю...

Вечером папа мне поведал, что Дункан Прадо записался к нему на прием и посетил его кабинет в канцелярии... О чем мужчины говорили, папа не рассказал, но по его виду я поняла, что Дункан отцу понравился. Еще один камень с плеч... Я как умелый архитектор потихоньку строила свою будущую семейную крепость, свое нерушимое счастье,

рассказывая родителям, какой Дункан замечательный, какой умный и благородный... Мама мне и так доверяла, она беззаветно верила в волшебную силу моего таланта. А вот у папы были сомнения...

В честь приезда делегации с южной страны объявили торжественный бал через неделю. Все эти дни я провела в лихорадочном напряжении. Сердце стучало от страха, а вдруг что-то случится непредвиденное? Вдруг Лаура не влюбится? Вдруг не захочет уехать? Вдруг... Вдруг... Мама успокаивала, что есть еще запасной план, Дункан все-равно будет с тобой... Но я отвечала, что отдав свое герцогство Лауре и уехав, он потеряет часть своей души, и так же будет страдать. А я этого не хочу...

Весь бал я провела в диком напряжении, прячась за колоннами. И сцену встречи шаха и Лауры не видела. Но мама потом рассказывала, что шах, увидев герцогиню, в шикарном платье, сверкающую бриллиантами просто опешил, и застыл на несколько секунд посреди залы. Потом решительно подошел к ней и предложил стать его главной женой. В тот момент рядом с шахом находился наш король, уже проинформированный о планируемой интриге (папа постарался, ведь ему пришлось убедить своего друга о необходимости дипломатической миссии)... Король усмехнулся и ответил, что герцогиня замужем. На что шах решительно заявил, что не уедет без нее из страны и сделает все, чтобы сделать ее свободной, возможно вдовой... Король ответил, что таких кардинальных мер принимать не стоит, в нашей стране существуют разводы... Лаура все это время стояла столбом... Высокий статный черноволосый мужчина, в расшитом золотом и драгоценными камнями халате, таким он предстал перед ней, величественный и горделивый. Непререкаемым тоном он приказал ей собираться в дорогу и велел показать мужа, для обсуждения условий развода...

Может быть так и нужно было? Возможно Лауре не хватало твердой руки и жесткого обращения? Вероятно, Дункан был слишком мягким и благородным для нее? Я не знаю.

Но подчинившись авторитету и повелительным интонациям, Лаура привела Дункана к шаху... Ашраф не взял у герцога ни золотого. Наоборот, пытался заплатить драгоценными камнями за эту великолепную женщину... Герцог долго отказывался от такой части... В конце концов обоюдное согласие было получено. На следующий день по обоюдному согласию состоялся развод. Шах уехал к себе, увозя самый яркий бриллиант его сердца и драгоценный алмаз его души... Мы все вздохнули с облегчением...

После развода должно было пройти некоторое время, чтобы страсти улеглись и скандал забылся... По нашим законам желательно год, но минимум три месяца... Шаху же все-равно, наши законы там не в чести.... Пусть теперь Лаура живет в гареме и избивает служанок там, где это приветствуется... Капризничает и топает ногами... Мы победили... Все таки мой талант помог и в этот раз... Дункан уехал к себе в Злату, серьезно пообещав мне вернуться через три месяца и просить моей руки...

Я же уехала в Гримли. Дворец давил на меня, его высокие стены не давали свободно дышать, и как я не любила родителей, братьев, но предпочла жить отдельно.

Мой домик я нашла таким же, каким и оставила в тот памятный день. Чайный сервиз с засохшей заваркой в чайнике, опрокинутая на ковер чашка... Дверь была закрыта, соседка посчитав, что я уехала в столицу, заперла дом...

Я замерла в каком-то душном плотном коконе, отсчитывая дни, часы, минуты до встречи с Дунканом. Календарь стал моим непримиримым врагом, и смотрел на меня со

стены высокомерно и презрительно, когда я подходила к нему, вычеркивая еще один день... Слишком медленно длилось время....

Прошло почти два месяца... Солнце уже садилось, заливало золотым светом мой двор, отражалось искорками в окнах веранды и зимнего садика... Я садилась ужинать, когда раздался звонок на калитке. «Ну кого же нелегкая принесла», — пробормотала я и пошла открывать. Я все-таки, хоть и редко, но гадала, теперь бесплатно, просто помогала романтично настроенным девушкам и юношам обрести свое счастье. Возможно, это как раз клиент?

Возле ворот стояла шикарная четырехместная карета, запряженная четверкой вороных. На дверце кареты находился знакомый золоченый герб. А у калитки стоял высокий темноволосый мужчина.

— Я по объявлению, — заявил он решительным тоном.

— Вы опоздали, я уже не принимаю, — произнесла я сквозь прутья, улыбаясь, — приходите завтра утром...

— Девушка, милая, мне очень-очень нужно. Буквально дело жизни и смерти, — не дал сбить себя с толку мужчина, — если бы вы знали, как много это значит для меня....

Я открыла дверцу и пошла через двор к дому.

— Проходите, — кивнула я приглашая, — Чаю? — обернулась к гостю.

— Да, — кивнул мужчина, — конечно.

Губы расплывались в улыбке, но я все-таки взяла себя в руки и пошла готовить чай. Принесла поднос... Гость с искреннем любопытством рассматривал гостиную, подошел к живым картинам на стене, до меня донесся его восхищенный вздох.

— Когда будем гадать? — не удержавшись спросила я...

— Сейчас, — произнес мужчина твердо, — чем скорее, тем лучше.

Я повела его в кабинет, налила воды в миску и попросила опустить руку... А сама крепко-крепко обняла его за талию и увидела свое лицо в воде...

— Ничего нового, — шутливо отрапортовала я, — в воде по-прежнему отражается имя Аннабель де Антеро, как и семь лет назад... После этих слов я тут же оказалась в кольце сильных ласковых рук.

— Я не смог ждать три месяца... Прости меня, любимая, — прошептал Дункан мне в макушку, — мы поженимся завтра, и плевать на сплетни...

— Мне всегда было на них плевать, — ответила я, — это ты в нашей семье будешь благородным рыцарем, я же.... - мне не дали закончить предложение. Губы мужчины накрыли мои и я растаяла у его ног как снежинка на солнце.

Больше книг на сайте - Knigolub.net